

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Роева Кристина Михайловна

**МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ГРАММАТИКЕ ПРИЧАСТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Пушина Н.И.

Ижевск – 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	11
1.1. Философско-исторический аспект категории причастия.....	11
1.2. Проблемы категориального статуса и номенклатурного состава причастия.....	24
1.3. Причастие в ономаσιологическом и когнитивных аспектах.....	39
1.4. Проблемы межкатегориальных связей в грамматике.....	48
1.5. Категория научного дискурса. Научно-технический дискурс.....	66
Выводы по первой главе.....	81
Глава II. МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПРИЧАСТИЯ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	83
2.1. Парадигма конструкций с причастием.....	83
2.1.1. Языковая репрезентация конструкций первичной предикации.....	85
2.1.2. Языковая репрезентация конструкций вторичной предикации.....	97
2.2. Типология межкатегориальных связей причастия.....	101
2.2.1. Межкатегориальные связи причастия I.....	101
2.2.2. Межкатегориальные связи причастия II.....	123
2.2.3. Межкатегориальные связи причастия I и причастия II, реализуемые в рамках одной конструкции.....	145
Выводы по второй главе.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	162
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ.....	185
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	186

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено исследованию типов межкатегориальных связей и особенностей их реализации в грамматике причастия.

Актуальность исследования. Взаимосвязь языковых объектов является частным случаем универсальной взаимосвязи вещей. Грамматические и семантические категории существуют в многообразных поликатегориальных единствах и сложных комплексах, обуславливая необходимость разработки проблем межкатегориальных связей, которая признается лингвистами разных школ и направлений (В.Г. Адмони, В.Н. Ярцева, А.В. Бондарко, И.Б. Долинина, Н.А. Козинцева, О. Есперсен, В.А. Звегинцев, Ю.С. Маслов, Н.Н. Болдырев, Н.И. Пушина). Функционирование языковых категорий во многих случаях определяется их взаимодействием с лексическим значением и другими грамматическими категориями данной части речи, а также с лексическими значениями и грамматическими категориями частей речи, входящих в состав предложения, поскольку «внутренняя грамматическая семантика предложения представляет собой структуру взаимосвязей в системе предложения» (Ю.Д. Апресян, Ю.А. Левицкий). В результате отмечаются комплексы взаимодействующих категорий морфологии и синтаксиса, грамматики и лексики (В.С. Храковский).

Межкатегориальная проблематика приобретает особое значение при рассмотрении межкатегориальных связей гибридных частей речи, в частности причастия, которое соединяет в себе именные и глагольные свойства.

Исследование причастия проводилось с различных точек зрения: происхождения и словообразования (В.Д. Аракин, В.В. Виноградов, А.М. Пешковский, В.М. Жирмунский, В.И. Алатырев, Л.И. Калинина и др.), традиционного, ономаσιологического и когнитивного обоснования причастия как части речи (И.И. Мещанинов, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, И.В. Тараканов, Г.А. Ушаков, С. Фриз, О. Есперсен, Р. Кверк, С. Гринбаум, Д. Лич, Д. Свартвик и др.), его роли в организации научного дискурса (М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев, Т.И. Низовец и др.). Вместе с тем, несмотря на активный исследовательский интерес к причастию, изучение межкатегориальных связей причастия не получило всестороннего освещения и до сих пор не является исчерпывающим.

Между тем определение категории причастия, конкретизация его статуса, места в системе неличных форм глагола и частеречной теории, всестороннее исследование межкатегориальных связей в грамматике причастия, раскрывающих сложный комплекс его взаимодействия с личным глаголом (синтаксическим ядром, задающим набор синтаксических позиций и определяющим структуру предложения) по линии таксиса, временной отнесенности, залога и т.д. (И.Б. Долинина), степень их устойчивости и закономерности позволяет не только развить проблематику межкатегориального взаимодействия в целом, но и установить их роль в формировании восприятия и передачи смысла дискурсивного пространства.

Объектом исследования является категория причастия, совмещающая глагольные и адъективные признаки, проявляющиеся в разной степени в зависимости от семантики причастия и его функции в предложении.

Предметом настоящего диссертационного исследования являются межкатегориальные связи в грамматике причастия, реализующиеся в специализированном научно-техническом дискурсе.

Научная новизна данного исследования заключается в самом предмете исследования – межкатегориальные связи в грамматике причастия. Впервые причастие и его межкатегориальные связи рассматриваются в специализированном научно-техническом (нефтяном) дискурсе с учетом ономаσιологической, когнитивной и синтаксической природы причастия.

Теоретической и методологической основой настоящего исследования послужили работы в области: межкатегориальных связей и взаимодействия – В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, Н.Н. Болдырева, В.С. Храковского, И.Б. Долининой, Н.И. Пушиной, А.Ф. Шутова, М.Ю. Сюткиной, Е.М. Повышевой, Ю.В. Терешкиной и др.; семантики и синтаксиса – О.Н. Селиверстовой, О.А. Михайловой, Л.М. Щетинина, Н.А. Слюсаревой и др.; ономаσιологии и когнитивистики – Е.С. Кубряковой, Р. Лангакера, Д. Лайонза, В.З. Демьянкова, А.А. Кибрика, В.А. Звегинцева и др; дискурса – Т.А. ван Дейка, Л. Филипс, М.В. Йоргенсен, М.Л. Макарова, Т.В. Дроздовой, Е.С. Кубряковой, В.Е. Чернявской и др.

Целью исследования является установление типов межкатегориальных связей в грамматике причастия и особенностей их реализации в специализированном научно-техническом дискурсе.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- раскрывается философское понимание категории причастия;
- конкретизируется содержательный статус данной категории;
- рассматриваются номинативный и когнитивный аспекты категории причастия;
- обсуждаются проблемы межкатегориальных связей в грамматике;
- уточняется сущность категории дискурса и его разновидности – научно-технического дискурса;
- выявляется типология конструкций с причастием;
- выявляются типы межкатегориальных связей причастия в рассматриваемом дискурсе.

Методы и методика, применяемые в работе, определяются предметом исследования и поставленными задачами. Работа выполнена с позиций функционального подхода, нацеленного на изучение функционирования языковых единиц и закономерностей их взаимодействия с разноуровневыми элементами окружающей среды и заключающегося в рассмотрении языковых явлений в направлении от семантики к ее формальному выражению, что подразумевает обращение к историческому, ономазиологическому и семантиологическому принципам, а также к философскому и когнитивному аспектам исследуемой категории.

Когнитивный подход объясняет образование причастия как гибридной категории, особенности функционирования причастия и определяет причастие как категорию, отличную от глагола и прилагательного. Гибридные пространства, которые наследуют роли и свойства исходных пространств, обладают своей собственной структурой. Причастие, отражающее когнитивные процессы адъективизации действия, опирается на семантику глагола. Сохраняя в своем значении процессуальные свойства, причастие в то же время отражает новое восприятие объекта нашим сознанием.

Известно, что характер представления межкатегориальных связей может быть различным, либо как описание комплекса категорий слова, предложения-высказывания или связного текста, либо на основе определенной, своего рода базисной категории и ее связей с другими категориями. Исследование и описание межкатегориальных связей причастия целесообразно осуществлять на основе его семантики, являющейся основой для реализации категорий аспектуальности, залога, темпоральности, каузативности.

Поскольку межкатегориальные связи причастия в грамматике рассматриваются в определенном типе дискурса, в исследовании применяется дискурсивный анализ, при котором особое внимание уделяется отдельному приему, используемому в тексте для понимания замысла произведения, набора идей и представлений, объясняющих и формирующих реальность. При этом, дискурсивная деятельность, имея отчетливо выраженный специализированный характер, описывается с указанием на профессиональную, научную среду ее проявления.

В работе используются общепринятые лингвистические методы: компонентного и дефиниционного анализа, сплошной и частичной выборки, метод контекстуального анализа, прием трансформаций.

Материалом исследования послужили 4 тысячи примеров, полученных в результате сплошной и частичной выборки из научно-технических статей и монографических изданий по нефтяной тематике, словарей современного английского языка: Oxford Phrasebuilder Genie, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, The New Lexicon Webster's Dictionary of the English Language. Исследование выполнено на материале английского языка с привлечением данных русского, удмуртского, немецкого и некоторых других языков.

Теоретическая значимость работы заключается:

- в уточнении частеречного статуса категории причастия с точки зрения ономасиологии и когнитивистики;
- в разработке семантической классификации причастия;
- в обосновании и разработке типологии межкатегориальных связей в грамматике причастия;

- в уточнении применительно к причастию понятий «синкретизм», «межуровневые отношения», различаемых в пределах словоформы и категории, как отдельных типов межкатегориальных связей;
- в организации поля специализированного научно-технического дискурса, структурированного конструкциями с причастием для создания его внутренней логики и взаимосвязи пространства.

Практическое применение. Основные результаты работы могут быть использованы в преподавании ряда лингвистических дисциплин: общего языкознания, теоретической и практической грамматики английского, русского и некоторых других языков, переводоведения. Представляется возможным включение полученных данных в спецкурсы и семинарские занятия по проблемам функциональной грамматики, дискурс-анализа, семантико-синтаксической организации предложения, сравнительной типологии разноструктурных языков, истории языкознания, а также их использование на практических занятиях по профессиональному английскому языку для будущих специалистов нефтегазового дела. Результаты работы могут найти отражение в лингводидактических разработках, касающихся формирования у учащихся семантико-синтаксической компетенции в плане разграничения омонимичных форм в области родного и иностранного языков. Теоретический материал может послужить дополнительным источником информации в области истории английского и русского языков, стилистики, когнитивной лингвистики.

Полученные результаты и концептуальные идеи позволяют **вынести на защиту** следующие **теоретические положения**:

- с точки зрения когнитивного подхода семантика причастия, как гибридного образования, представляет собой сумму исходных пространств, конкретизация которых проявляется в причастии неравномерно;
- межкатегориальные связи причастия обусловлены его семантикой, синкретичностью – способностью сочетать в одной словоформе несколько категориальных значений, его формой и функцией в предложении;
- связь адъективных и глагольных категориальных значений причастия проявляется как на внутри-, так и на внешнекатегориальном уровнях и

обусловлена семантикой и формой причастия, семантикой предиката и лексическим наполнением конструкции; и подразделяется на общие и специфичные типы связей;

- тип межкатегориальных связей причастия определяется лексическими особенностями научно-технического дискурса, обуславливающего лексико-семантические особенности личного глагола и зависимого причастия.

Апробация исследования. Материалы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры грамматики и истории английского языка Удмуртского государственного университета. Основные положения работы докладывались и обсуждались на научных и научно-практических конференциях различного уровня: республиканской научно-практической конференции «Средовой подход к обучению иностранным языкам по новым технологиям» (Ижевск, 2006), VI региональной научно-практической конференции-конкурсе «Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей» (Томск, 2006), региональной научно-практической конференции «Перевод как научная дисциплина и творческая практика» (Ижевск, 2006), региональной научно-практической конференции «2007 – Год русского языка в Удмуртии» (Ижевск, 2007), международной конференции «Многоязычие и межкультурное взаимодействие» (Ижевск, 2008).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Роева, К.М. Особенности реализации категориальных признаков причастия I в английском научно-техническом дискурсе (на примере нефтяного дискурса) / К.М. Роева // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А.Некрасова. – Кострома, 2007. – Том 13, специальный выпуск № 2. – С. 129–134.
2. Роева, К.М. Межкатегориальные связи причастия I в экзистенциальных конструкциях (на материале научно-технического дискурса) / К.М. Роева // Вестник Поморского ун-та. – Архангельск, 2009. – № 9. – С. 197–202.

Публикации в других изданиях:

3. Роева, К.М. Сравнительно-сопоставительный подход в обучении иностранным языкам / К.М. Роева // Средовой подход к обучению иностранным языкам по новым технологиям: материалы и тезисы Республиканской науч.-практ. конф.– Ижевск. 2006. – Ч. 2. – С. 22–23.
4. Роева, К.М. Ономазиологический и когнитивный аспекты гибридных частей речи / К.М. Роева // Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей: материалы VI регион. науч.-практ. конф.- Томск, 2006. – Ч. 1. – С. 132–134.
5. Роева, К.М. Проблемы перевода конструкций с причастием в английском научно-техническом тексте / К.М. Роева // Перевод как научная дисциплина и творческая практика: сб. материалов и тезисов регион. науч.-практ. конф.– Ижевск, 2006. – Ч. 2. – С. 74–80.
6. Роева, К.М. Основные лексико-семантические классы причастий в русском научно-техническом дискурсе (на примере нефтяного дискурса) / К.М. Роева // Год русского языка в Удмуртии: материалы регион. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2007. – С. 203–207.
7. Роева, К.М. Проблемы категориального статуса причастия / К.М. Роева // Вестник Удмуртского ун-та. – Вып. 2. – Филологические науки. – Ижевск, 2007. – № 5. – С. 159–166.
8. Роева, К.М. Причастия–термины в специализированном дискурсе (на примере нефтяного дискурса) / К.М. Роева // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: материалы межд. конф. – Ижевск, 2008. – С. 240–242.
9. Роева, К.М. Межкатегориальные связи английского причастия II в залоговых конструкциях специализированного научно-технического дискурса / К.М. Роева // Актуальные проблемы лингвистики: сб. науч. статей. Вып.8 / Сост. и отв. ред. д.филол.н. А.Х. Мерзлякова. – Ижевск: УдГУ, 2009. – С. 69–73.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей и справочников, источников иллюстративного материала.

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, раскрывается его научная новизна, излагаются цели, задачи и методы исследования, определяется теоретическая и практическая значимость работы, дается характеристика материала исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I «Теоретические основания исследования» посвящена анализу категории причастия в философском и лингвистическом аспектах. Рассматривается история развития причастия и эволюция подходов к пониманию онтологической сущности категории причастия. Приводится описание причастия в традиционном, ономаσιологическом и когнитивном аспектах. Обсуждаются проблемы межкатегориальных связей в грамматике. Рассматриваются особенности научного и специализированного научно-технического дискурса.

Глава II «Межкатегориальные связи причастия в специализированном научно-техническом дискурсе» освещает типологию конструкций с причастием. Выявляются и анализируются типы взаимодействия причастия в конструкциях первичной и вторичной предикации, которые типологизируются как сильные и слабые и реализуются на внутри- и внешнекатегориальном уровне. Определяются как наиболее характерные, так и специфичные межкатегориальные связи причастия в специализированном научно-техническом дискурсе.

В **заключении** подводится итог проделанной работы, формулируются общие выводы и определяются перспективы исследования.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Философско-исторический аспект категории причастия

Теория частей речи – одна из самых центральных теорий языкознания на протяжении всей его истории. Появившись более двух тысячелетий тому назад, частеречная теория и по сей день является предметом самых острых споров лингвистов различных специальностей, школ и направлений. Теория частей речи и грамматика в современном смысле этого слова в немалой степени обязаны своим появлением древнегреческим философам – Платону и Аристотелю. Философы обратили внимание на неоднородность существующих слов, выделили основные части речи, описали признаки, по которым они объединялись. Платон первым стал различать имя и глагол, опираясь на чисто логические основания. По его определению, имя – это субъект, а глагол – предикат. Аристотель принял платоновскую двухчленную систему частей речи, добавив к ней третий класс – отклонения. «Речь в целом имеет следующие части: букву, слог, связку, член, имя, глагол, отклонение, высказывание» [Аристотель 1984б: 667]. К имени Аристотель относил сложный звук, значащий, без признака времени, а к глаголу – сложный звук, значащий, с признаком времени. К отклонению имени или глагола Аристотель относил все слова, не вошедшие в два основных класса, например: «один» или «много» (единственное и множественное число), «кого? кому?» (падежи), способ произнесения (вопрос или приказание). [Аристотель 1984б: 668]. Главным достижением Аристотеля было то, что он открыл категорию времени у глагола – настоящее и прошедшее.

Аристотель вывел категорию частей речи из грамматической структуры греческого языка на основе морфологических и синтаксических критериев [Сусов 1999]. Между тем, в философии под категориями понимаются общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания [ФЭС 1989: 254]. Аристотель обобщил попытки предшествующей философской мысли выделить наиболее общие понятия о мире и способах его познания. Согласно Аристотелю, каждое означает «сущность» (субстанция), или «сколько» (количество), или

«какое» (качество), или «по отношению к чему-то» (отношение), или «где» (место), или «когда» (время), или «находиться в каком-то положении» (положение), или «обладать» (состояние), или «действовать» (действие), или «претерпевать» (страдание) [Аристотель 1984а: 55]. Первые шесть категорий относятся к именным формам, а последующие четыре образуют глагольные категории. Категория «какое» охватывает «качество» целиком, не разделяя его на виды. К категории качества («какое») Аристотель относил производные слова от имени или именина, образованные от них как-то иначе — так, от бледности — бледным, от умения читать и писать — умеющим читать и писать, от справедливости — справедливым. Аристотель не разделял прилагательное и причастие и рассматривал их как именные формы.

Стоики раннего периода различали четыре части речи (существительное, глагол, союз и артикль). Позднее, основываясь на аристотелевских изысканиях и наиболее общих семантических и синтаксических признаках слов, стоики выделили из имени имя собственное и нарицание, затем отделили от союзов члены (артиклы), от имен — местоимения. Прилагательные были отнесены к классу существительных [Лайонз 1978: 31].

Основные идеи стоиков получили развитие у александрийских грамматиков. В дополнение к четырем частям речи, различаемым стоиками, были отделены наречия от глаголов, причастия от нарицательных слов (названо вследствие «причастности» как к глагольным, так и к именным характеристикам), местоимение и предлог. Таким образом, у александрийцев классификация частей речи приняла законченный вид из восьми частей речи: имя, глагол, причастие, наречие, артикль, местоимение, предлог, союз [Сусов 1999; Лукин 1999: 133]. Причем, причастие и местоимение рассматривались как части речи, «замещающие» имена и глагол [ЛЭС 1990: 27]. Дионисий Фракийский определял причастие как «слово, причастное к особенностям и глаголов, и имен» [Кондрашов 2004: 17]. Признаки у причастия были те же самые, что у имени и глагола, кроме лиц и наклонений.

Римские грамматисты, ревностно продолжив греческую грамматическую традицию и переняв классификацию частей речи, столкнулись с отсутствием артикля в латинском языке. И так как для них было важно именно количество частей речи, то вместо артикля они включили междометие [Алпатов 2005: 38].

Исследователями латинского языка причастие определяется как особая глагольная форма, обладающая признаками глагола и прилагательного. Как прилагательное латинское причастие склоняется и изменяется по родам, как глагол – имеет значение времени и залога, сохраняет глагольное управление и может определяться наречием [Дерюгин, Лукьянова 1979: 74; ЛЯ 1983: 146]. Другие исследователи рассматривают латинское причастие как неличную форму глагола наряду с инфинитивом и отглагольным именем [Мирошенкова, Федоров 1976: 20]. Некоторые исследователи сомневаются, следует ли относить причастие, инфинитив и супин к словоизменительным формам глагола или считать их отдельными деривационными образованиями. Так, из-за отсутствия предикативной функции, которая служит основным показателем глагола как части речи, причастие и другие неличные формы, не могут рассматриваться как форма спряжения глагола. Вместе с тем, причастие не составляет и отдельной части речи, так как в синтаксисе латинского языка отсутствует самостоятельная «причастная» синтаксическая категория. И только субъективная оценка говорящего, употреблявшего в латинском языке неличные формы в рамках глагольного синтаксиса (дополнение в винительном), позволяет включить эти формы в спряжение глагола [Ярцева 1976: 74]. Причастия латинского языка, как и английского, имеют относительное временное значение, в отличие от русских причастий, которые могут так же выражать время абсолютно. В латинском языке имеется два причастия: причастие настоящего времени активного залога (*participium praesentis actīvi*) и причастие прошедшего времени пассивного залога (*participium perfecti passtīvi*) [ЛЯ 1983: 146]. Некоторые авторы выделяют так же причастия будущего времени активного и страдательного залога [Дерюгин, Лукьянова 1979: 39]. Причем разные виды причастий образовывались от разных основ. Так, например, причастие будущего времени действительного залога

образовывалось от основы супина при помощи суффикса -ig и окончаний прилагательных. Такое причастие не имеет аналогов в русском языке (исключения: *грядущий, будущий*). Причастие настоящего времени действительного залога образовывалось от основы глагола настоящего времени путем добавления суффикса -(e)nt, восходящего к индоевропейскому суффиксу – e/ont, который представлен и в старославянском причастии настоящего времени действительного залога [Дерюгин, Лукьянова 1979: 46; ИГРЯ 1962: 279]. Это причастие склонялось как прилагательное, согласовывалось с существительным. Такие причастные формы сохранились в некоторых русских словах, например, *лаборант, студент, доцент, президент*. Причастие прошедшего времени страдательного залога исторически образовывалось от основы инфекта с помощью индоевропейского суффикса –t (*ōrnā-t-os*). Этот же суффикс иногда употреблялся в страдательных причастиях прошедшего времени старославянского и русского языков: -t в старославянских словах *бити* от *бити*; в русском – *(раз)бит* от *(раз)бить*.

В латинском языке причастия активно употреблялись в функциях определения и предикативно, так же использовались в различных конструкциях, например, *Ablātīvus absolūtus* – творительный самостоятельный [Дерюгин, Лукьянова 1979: 74; ЛЯ 1983: 149; Мирошенкова 1976: 79]. Оборот, подобный латинскому *Ablātīvus absolūtus*, существовал в старославянском языке (дательный самостоятельный), который употреблялся и в древнерусском языке (*Не мози, чадо, неяденієм плоть свою изнуряти, да не въ болѣзнь впадеши, еще юну ти сущу (так как ты еще молод)*) [Дерюгин, Лукьянова 1979: 75]. В современном русском языке такой оборот отсутствует, а в современном английском сохранился – *Nominative Absolute Participle Construction (NAPC)*, при этом функции оборота не меняются (функции обстоятельства времени, причины, образа действия, условия и уступки).

В русском языке в результате первого индоевропейского разграничения частей речи выделяются имя (*nomen*) и глагол (*verbum*) с причастием (*participium*) в качестве гибридной категории. В результате второго

разграничения частей речи, которое закончилось в праславянскую эпоху, из имени выделяются имя существительное и имя прилагательное с именем притяжательным в качестве гибридной категории. В это же время окончательно сформировались инфинитив и супин в качестве гибридно-вербальных частей речи. Третье разграничение частей речи произошло после распада общеславянского языка: от существительного, а так же от субстантивированного прилагательного отделяется наречие, а причастие делится на две гибридные категории – собственно причастие и деепричастие (краткое причастие, утратившее свое первоначальное склонение) [Мароевич 2001: 151].

Именные формы глагола в древнерусском языке представлены инфинитивом, супином и причастиями, образованными от глагольных основ, сохранявших свое видовое значение, что и отличало их от глагольных имен. В грамматической системе древнерусского языка собственно именными, объединявшими именные признаки с глагольными, по происхождению, по употреблению и формам словоизменения были только причастия [Горшкова, Хабургаев 1981: 344]. О родстве причастия и существительного говорит тот факт, что древнерусские причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени склонялись как существительные мужского, среднего и женского рода [Иванов 1983: 61]. М.В. Ломоносов в своей грамматике выделяет причастие для «сокращения соединением имени и глагола в одно речение» [Ломоносов 1952: 408]. Причастия, по сути, являются именами прилагательными, которые произошли от глаголов, и, следовательно, подвержены тем же законам, что и глаголы [Ломоносов 1952: 417].

В древнерусском языке было пять типов причастных образований, один из которых связан с причастиями лишь по происхождению [Горшкова, Хабургаев 1981: 347]. Речь идет об образованиях от основ инфинитива с суффиксом –л, генетически являвшихся действительными причастиями прошедшего времени, но уже в праславянском языке закрепившихся в именной форме в предикативной функции и утративших формы косвенных падежей (ср. современные членные формы со значением прилагательных: *быва-л-ый*, *загоре-л-ый*, *лежа-л-ый*) [Шахматов 1952: 82]. Закрепившись в составе сложных глагольных форм,

именные формы бывших причастий на –л постепенно утратили значение динамичного признака, состояния (первоначальное значение форм типа *будеть пришьль* или *есть пришьль* – «окажется пришедшим» или «является пришедшим») и выдвинули на первое место значение развивающегося процесса, что и обусловило их превращение в собственно глагольные формы.

Остальные четыре типа образований оставались в древнерусском языке собственно причастными, обеспечивавшими потребность в указании на процессуальный признак предмета (лица).

Существовавшие в древнеславянском языке причастия в речи и в тексте представляли своего рода синкретически данный предикатив, в различных проекциях обозначения служивший для «схватывания ускользающего» из внимания признака, еще не отлитого в законченные формы личного глагола [Колесов 2005: 590]. Причастие могло заменить и глагол, и прилагательное в составе сказуемого. В то же время причастия имели множество форм, которые определялись фонетическими условиями глагольной основы: действительные причастия настоящего и прошедшего времени по-разному преобразовали исконный суффикс.

Страдательные причастия настоящего времени восходят к индоевропейским причастиям среднего залога (признак действия направлен на самого субъекта); они образовывались с помощью суффикса -m присоединением к основе настоящего времени: *neso-m-й*, *dvigo-m-й*, *znaje-m-й*, *xvali-m-й*, *vedo-m-й* [Колесов 2005: 588].

Единственная форма причастий, сохранившаяся во всех славянских языках, страдательное причастие прошедшего времени, происходит от отглагольного прилагательного с суффиксами *-no-, *-to- (то есть не является причастием в узком смысле слова). С силу связи данного суффикса с каузативами и итеративами такие прилагательные использовались и как причастные формы. В русском языке они служат для образования форм страдательного залога (дом построен, ребенок умыт) [Колесов 2005: 588].

Таким образом, все славянские причастия восходят к индоевропейским, представленным в нерасчлененности залога и времени, и являются одновременно и причастиями, и прилагательными.

Традиционно причастия в древнерусском языке обозначали качество, возникающее вне временной его характеристики; формальное различие по времени (настоящее — прошедшее) показывало внутренний признак самого действия (скорее вид, а не время), отсутствие категории лица, отсылающей к деятелю, подтверждает, что у причастия не было темпоральной характеристики. Причастие представляет признак состояния, полученный в результате какого-то действия, т.е. имеет перфектное значение. Перфектное значение присуще и причастиям на -і-; перфектное значение всех причастий прошедшего времени сохраняется в составе древнерусских перфектных времен. Также это значение присутствует и сегодня в диалектных отпричастных перфективах (*она ушодии, он выпимиши, у них идено, сделано*). В древнерусском языке и действительные, и страдательные причастия могли образовываться от любого, в том числе и среднего, залога; формы типа *идено, гуляно* [Колесов 2005: 590].

Со временем, согласно исследованиям А.А. Шахматова, двойственная природа причастий расслоилась: некоторые причастия стали предикативными словами, другие – атрибутами (перешли в прилагательные: *горячий, сидячий, колючий* и т.д.) [Шахматов 1952: 83].

В древнерусском языке причастие существует как отдельная часть речи. Образовывалось причастие от глагольных основ, сохраняя свое видовое значение, в то же время, объединяя в себе именные признаки с глагольными. В причастиях особенно ярко обнаруживается противоречивость общей глагольной семантики, которая, с одной стороны, представляет действие как процесс, а с другой стороны - как признак, носителем которого является существительное [Горшкова, Хабургаев 1981: 346]. Спрягаемые формы, характеризующиеся категорией модальности, обозначают действие как реальный, возможный, желательный процесс. И лишь в личных предложениях синтаксическая зависимость глагольной словоформы от подлежащего напоминает о его признаковой сущности, которая

морфологически остается невыраженной. Необходимость в определенных случаях специально выделить признаковую сущность глагольного действия и реализуется в причастиях, которые, таким образом, являются специализированным морфологическим средством выражения действия как признака предмета (а не самостоятельно развивающегося процесса; ср.: моросит, но морозящий дождь).

Согласно исследованиям в древнеанглийском языке существовало две [Расторгуева 1983: 112] – три [Бруннер 2003: 165] неличных формы глагола: инфинитив и причастие. Различают два причастия: причастие настоящего времени (или причастие I) и причастие прошедшего времени (или причастие II) [Аракин 1955: 243; Иванова, Чахоян, Беляева 2001: 200; Расторгуева 1983: 112; Бруннер 2003: 165; ССАЯ 1972: 29; Vaugh 1963: 69]. Причастие – это глагольная форма, которая обозначает действие глагола, выражая качество человека или предмета [Erdman 1871: 4]. Однако некоторые исследователи считают, что по многим параметрам эти формы были ближе к существительным и прилагательным, чем к глаголу, в силу большей очевидности их именных характеристик над глагольными, особенно на уровне морфологии [Расторгуева 1983: 112]. Что касается происхождения, древнеанглийские причастия являются прилагательными [Иванова, Чахоян 1976: 204; Бруннер 2003: 338]. Их генетическая связь с прилагательными проявляется в общей системе склонения (причастие I и II склонялись по сильному или слабому склонению в зависимости от своей функции в предложении, а парадигма склонения причастий полностью совпадает со склонением прилагательных), а также в способности выступать в функции препозитивного определения, характерной для прилагательных, и в согласовании с существительными в числе [Ярцева 1959: 62; Бруннер 2003: 339; Erdman 1871: 6; Резник, Сорокина 2001: 108].

Однако уже к началу древнеанглийского периода причастия прошли определенный путь вербализации: подобно другим глагольным формам они могли выражать видовые, временные и залоговые различия, а также приобрели способность управлять дополнением [Иванова 1981: 204; Расторгуева 1983: 112; Ярцева 1960: 62; Болдырев 2006: 38; Гак 2000: 202]. Кроме того английские

причастия образовывались от основы глагола: причастие I настоящего времени – от сильных и слабых глаголов с помощью суффикса -end(e), причастие II от сильных глаголов образовывалось по аблауту (чередование гласных в сильных глаголах) и имело окончание – en, от слабых глаголов образовывалось с помощью дентального суффикса -d-, который присоединялся либо непосредственно к основе настоящего времени (у слабых глаголов III класса, у слабых правильных глаголов I класса с долгим корневым слогом, у части слабых неправильных глаголов I класса, причем в этом случае после глухого согласного дентальный суффикс выступал в форме -t-), либо посредством соединительного гласного -e- для глаголов I класса и -o- — для глаголов II класса [Cassidy 1954: 142].

Согласно В.Н. Ярцевой, древне-английские неличные формы глагола могут быть объединены с личными по принципу единства корневой морфемы, если учитывать взаимодействие лексики и грамматики – отчасти в лексико-семантическом плане, указывая на действие в его обобщенном виде лексическим значением корневых морфем [Ярцева 1959: 63].

Из двух древнеанглийских причастий причастие I всегда активно. Причастие II, образованное от переходных глаголов, имеет пассивное значение, а, образованное от непереходных глаголов, – активное значение.

Причастие I в составе причастного оборота обнаруживает уже в древнеанглийском временную соотнесенность с глаголом-сказуемым, т.е. в контексте настоящих времен оно передает значение настоящего времени, а в контексте прошедших времен — значение прошедшего времени.

Причастие II способно передавать видовое значение. В функции определения и предикатива в древнеанглийском периоде причастие II образуется только от предельных глаголов и передает видовое значение завершенности, результативности. Оно представляет состояние как результат законченного, завершенного действия.

Что касается синтаксических функций причастия в древнеанглийском, то причастие выступало в основном в тех функциях, которые были характерны для прилагательных, а именно в функции определения (особенно в функции

препозитивного определения), предикативного определения и предикативного члена в составе именного составного сказуемого. Глагольные черты причастия более отчетливо проявляются в функции постпозитивного определения и во вторично-предикативных конструкциях.

В начале среднеанглийского периода полностью разрушается система склонения причастий. Причастие утрачивает способность передавать грамматические категории рода, числа и падежа, и это дает толчок к интенсивному развитию у причастия глагольных черт. Вследствие разрушения системы склонения у причастий исчезает согласование существительного с атрибутивным причастием.

Если в XI-XII вв. причастие I получает разное оформление по диалектам (три варианта суффиксов), то, начиная с середины XIII в. происходит дальнейшее изменение формы причастия I: все диалектные формы получают одинаковое оформление – с помощью суффикса *-ing(e)*. Этот суффикс появляется у причастия по аналогии с суффиксом отглагольного существительного. Возникают омонимичные формы.

Новым в этот период является становление у причастия обстоятельственной функции, в которой причастие приближается к наречию. Происходит процесс оглаголивания причастия, причастие получает возможность выражать признак действия и тем самым еще теснее сближается с глаголом.

Функция предикативного определения сохраняется у причастия с древнеанглийского периода, однако в ряде случаев при употреблении с такими глаголами, как *come, fall, go* и др., причастие объединяется в один член предложения – именное составное сказуемое. При этом глаголы приобретают функцию связки, а причастие – функцию предикативного члена.

Формируется вторичная предикативная конструкция – абсолютный причастный оборот, в состав которого в среднеанглийском входят существительное в общем падеже или местоимение в именительном падеже и причастие I или II. Абсолютный причастный оборот в среднеанглийском периоде, часто вводимый предлогом *with*, не претерпевает функциональных изменений.

В ранне-новоанглийский период происходит становление аналитических форм причастия I. Возникают пассивная и перфектная формы причастия. Пассивная форма причастия I передает значение предшествующего по отношению к глаголу-сказуемому действия, направленного на объект, а активная форма передает действие, протекающее одновременно с действием глагола-сказуемого и направленное на субъект.

В некоторых случаях залоговая форма причастия I начинает конкурировать с причастием II, употреблявшимся в пассивном значении.

Появление у причастия I формы страдательного залога свидетельствует об интенсификации процесса вербализации причастия, вследствие втягивания причастия в парадигму глагольных форм.

Одновременно с возникновением пассивной формы появляется и перфектная форма причастия I. С помощью этой формы передается значение предшествования. Таким образом, причастие получает возможность, как и другие неличные формы глагола, выражать относительное временное значение.

С непереходными глаголами вплоть до XVIII в. для образования перфектной формы причастия I может употребляться вспомогательный глагол *to be*.

Итак, возникновение аналитических форм причастия I, построенных по типу аналитических лично-глагольных форм, свидетельствует о включении причастия I в парадигму глагольных форм.

В немецком языке причастие определяется как форма глагола, совмещающая как признаки глагола (время, залог), так и признаки прилагательного (склонение, употребление в качестве определения и предикатива) [Partizipien].

В немецком языке есть две формы причастий: партицип I (Partizip I) и партицип II (Partizip II). Партицип I образуется добавлением суффикса -d к инфинитиву глагола: *lesend, spielend, kommend*. Партицип II образуется добавлением к основе глагола приставки *ge-* и суффикса -(e)t у слабых глаголов (*gemacht, gespielt, gedeckt*) или приставки *ge-* и суффикса -(e)n у сильных глаголов (*gekommen, gelesen, geschrieben*).

Причастия в немецком языке обладают различными глагольными свойствами: партицип I выражает одновременность с действием, выраженным сказуемым, и употребляется в действительном залоге, партицип II репрезентирует завершённое действие, предшествующее действию, выраженному сказуемым, и имеет страдательное значение (если образовано от переходных глаголов) или действительное значение (если образовано от непереходных глаголов).

При употреблении в качестве определения партицип I и партицип II склоняются как прилагательные, их глагольные характеристики отходят на второй план: *der lesende Student, ein lesender Student, spielende Kinder, das gelesene Buch*.

В удмуртском языке причастия рассматриваются как глагольно-именная форма [Калинина 1986: 84, Перевошиков 1959: 78], отглагольное прилагательное, глагольное слово [Алатырев 1959: 74], выражающее действие, которое воспринимается как признак лица или предмета [ГСУЯ 1962: 257], обозначающее признак предмета через действие [Ушаков 1982: 112]. Особая форма, которая образуется от основы глагола и обладает признаками глагола и прилагательного [Winkler 2001: 57]. В состав причастий удмуртского языка входят глагольные образования с суффиксами: -сь (-ись), -м (-ем, -эм), -но (-оно, -ёно), -мон, -мын (- емын, -эмын) [Кельмаков 1998: 155].

Удмуртские причастия входят в систему глагола в силу преобладания глагольных свойств над именными [ГСУЯ 1962: 259]. Так, со стороны глагола причастие приобретает такие глагольные категории как переходность – непереходность (*кышкась пи* – пугающийся мальчик, *кышкатісь пи* – пугающий мальчик), возвратность – невозвратность (*вуриськись нылмурт* – девушка, занимающаяся шитьем, *вурись нылмурт* – шьющая девушка), понудительность – непонудительность (*дыртытісь мурт* – человек, понуждающий торопиться, *дыртісь мурт* – человек, который спешит), видовые и временные значения глагола, а также способность глагольного управления.

При одиночном употреблении причастия происходит утрата глагольных признаков и превращение причастий в прилагательные. В отличие от русского и английского причастия удмуртское причастие обладает категориями

определенности – неопределенности, степенью сравнения (сравнительной и превосходной) [Калинина 1986: 84], что при полевом подходе является главным критерием для отнесения прилагательного к центру поля. Близость причастия и прилагательного подтверждается синтаксическими функциями причастия, которые не отличаются от синтаксических функций прилагательного: функции определения, сказуемого, иногда предикативного определения, в отличие от причастий русского языка, удмуртские причастия примыкают к поясняемым существительным.

Удмуртское причастие, употребляясь в составе сказуемого, не выражает ни наклонения, ни времени, ни числа, ни лица, выразителями которых становится вспомогательный глагол или полнозначный глагол в соответствующей личной форме. Глагольное слово, выступая самостоятельно в позиции сказуемого, обычно имеет формы числа и лица и согласуется с субъектом действия [Алатырев 1959: 74].

Причастия прошедшего времени, снабженные притяжательными суффиксами 1, 2, 3-го лица единственного и множественного числа плюс *потыны* в сочетании с частицами вал/валым, выражают желание, хотение, намерение, ориентированное в будущее [Тараканов 2007: 142].

По семантике удмуртские причастия совпадают с русскими и обозначают признак, выражающийся через действие. Как глагол причастие имеет залоговое (*дйсьсь-дйсьськись* – одевающий-одевающийся), видовое (*шултйсь-шулась* – свистнувший-свистевший), временное (*вуэм-вуись-вуоно* – созревший-созревающий-которое созреет) свойства [Калинина 2001: 31].

Характерной оппозицией для удмуртских причастий является противопоставления по их залоговому значению (действительный – страдательный) [Ушаков 1982: 114], которое соотносится с семантикой.

Причастия действительного залога имеют форму только настоящего времени и обозначают признак, выражающийся через действие, которое по времени совпадает с временем глагола-сказуемого, образующегося при помощи суффикса –сь, -ись: *бергась* – вращающийся, *тачырт-йсь* – трещащий [УРС 2008: 855].

Страдательные причастия имеют формы прошедшего и будущего времени. В прошедшем они обозначают признак, представленный через действие, предшествующее действию глагола-сказуемого. Данные причастия образуются при помощи суффиксов –м, -эм (-ем), -мын, -эмын (-емын): *пужыят-эм дэрем басьтй* – купил вышитую рубашку, *аран йылпумъя-мын* – уборка завершена. причастия –м, -эм (-ем) соответствуют полным причастиям русского языка, а причастия -эмын (-емын) – кратким причастиям русского язык [УРС 2008: 855].

Учитывая вышеизложенное, сложный путь развития причастия не подлежит сомнению. Несмотря на различия в становлении категории причастия в разных языках, очевидно, что причастие находится на периферии глагольного поля, в некоторых своих функциях приближаясь к полю прилагательного. Таким образом, в причастии соединяются глагольные и именные характеристики. В причастии глагольность выражается как окачественное действие, приписываемое предмету и определяющее его как имя прилагательное. Так как причастие входит в систему глагола, в нем сохраняются основные признаки глагольности – вид, залог и время. Со стороны же имени прилагательного к причастию присоединяется значение признака, свойства и способность выступать в атрибутивной функции.

1.2. Проблемы категориального статуса и номенклатурного состава причастия

Определение частей речи является «более или менее нечеткой процедурой» по той причине, что одновременно используются критерии, которые в отдельных случаях могут противоречить друг другу: понятийные (содержательные), морфологические (комплекс морфологических категорий), словоизменительные (система парадигм) и синтаксические критерии [Мустайоки, Копотев 2004: 101]. В различных грамматиках число частей речи колеблется от 4 до 10 [Суник 1966: 108]. Так, например, В.В. Виноградов выделяет 10 частей речи [Виноградов 1986: 42], а А.А. Шахматов – 14 [Шахматов 1941: 420]. Английские исследователи выделяют, как правило, 8 частей речи [Bloomfield 1961: 196; Curme 1935: 1; House,

Harman 1976: 52; Palmer, Blandford 1969: XX; Crystal 2005: 91]. Известно, что части речи появляются, когда в языке возникает в них необходимость, а по мере развития языка, меняются и подходы при определении частей речи.

Главным критерием при выделении античных частей речи был, безусловно, морфологический [Алпатов 2005: 38]. Существительное и прилагательное долгое время рассматривались как подклассы единой части речи – имени: несмотря на различия синтаксических и семантических сходств, они обладают схожей морфологией, как в древнегреческом, так и в латинском языке.

Традиционная схема частей речи, предложенная еще в античные времена, сохранилась до XVI – XVII веков, после чего подверглась некоторым модификациям. Прилагательные начинают выделять из имени только в грамматике «Пор-Рояля» в силу их морфологических отличий от имени. А причастия, наоборот, стали исключаться из числа особых частей речи, войдя в систему глагола [Алпатов 2005: 46].

Однако, несмотря на значительное количество работ и исследований в этой области, до сих пор не существует единого мнения о принципах выделения частей речи и их составе. В частности, предметом постоянных дискуссий является категориальный статус причастия.

Причастия, наряду с инфинитивом и герундием, являются неличными формами глагола, известные как именные, непредикативные, вербоиды, вербалии, вербиды [Теньер 1988: 468; Leech 1991: 499; Langacker 1991: 81; Бархударов, Штелинг 1965: 211; Маслов 1998: 164; Виноградов 1986: 272; Карапетян 1991: 14; Palmer 1969: 97; Erdmann 1871: 1; Jespersen 1922: 7;]. Причастия, сочетая свойства глагола и прилагательного [Маслов 1998: 164; Шаламов 1994: 41], находятся на периферии глагольных форм [Бархударов, Штелинг 1965: 211; Гак 2000: 381], являются промежуточной категорией трансляции [Теньер 1988: 467; Богданов 1977: 162]. Само латинское название этой формы означает ее «причастность» к двум категориям – глагола и прилагательного, поэтому причастия причисляются к промежуточной форме между глаголом и прилагательным [Виноградов 1986: 272; Ильиш 1940: 77; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1982: 29]. Английское

причастие включает и третий элемент - адвербиальный, состоящий в представлении действия как признака другого действия [Шаламов 1987: 90].

Современная научная традиционная классификация частей речи производится по совокупности трех следующих принципов: понятийного, синтаксического, морфологического. В зависимости от исходного принципа, классификация может быть преимущественно морфологической (например, классификация Ф.Ф. Фортунатова), понятийной (для А.А. Шахматова важнейшими критериями в классификации частей речи были представления о субстанциях, качествах-свойствах, действиях-состояниях и отношениях), синтаксической, разрабатываемой в трудах А.А. Потебни, И.И. Мещанинова и других языковедов [Мещанинов 1978: 56].

Некоторые исследователи основными признаками выделения частей речи считают их функционирование (subject, object) и семантический падеж (actor, agent) [Aaronson, Ferns 1984: 21].

М.И. Стеблин-Каменский перечисляет разные основания для выделения частей речи: свойственное данной части речи грамматическое значение, выразитель которого – морфологические и синтаксические свойства этой части речи (существительное, глагол, прилагательное, наречие); лексическое значение слова (числительное в широком смысле слова); лексическое значение в сочетании с морфологическими и синтаксическими особенностями (числительное в узком смысле); содержание и функции лексического значения (местоимение); синтаксическая функция слова, которая в этом случае совпадает со значением слова (предлог и союз); отсутствие в слове лексического или грамматического значения в обычном смысле (междометие). Исследователь делает вывод о том, что основанием для выделения частей речи является один ведущий признак, несмотря на их объединенность областью значения [Стеблин-Каменский 1974: 32].

Г. Хауз и С. Харман выделяют части речи, основываясь на их функции в предложении, которые отличаются друг от друга (глагол выражает действие, существование или состояние) [House, Harman 1976: 52].

Р. Лоус определяет виды слов (части речи) как членораздельные звуки, используемые по общему согласию для обозначения идеи или понятия [Lowth 1976: 43].

Ч. Фриз подвергает критике традиционное определение частей речи (существительное как имя, а прилагательное как слово, определяющее имя), которое, по мнению исследователя, производится по разным принципам – лексическому и функциональному [Fries 1976: 163]. По мнению исследователя, выделять части речи необходимо, основываясь на одном определенном критерии. Все представители определенной части речи должны иметь одно функциональное значение, отличающееся от других частей речи определенным набором характеристик, которые мы учимся использовать неосознанно в процессе изучения языка [Fries 1976: 167].

С.Д. Кацнельсон определяет части речи, основываясь на совокупности лексического и синтаксического принципов: части речи – это слова, закрепившиеся в определенном лексическом значении и обособившиеся в своей синтаксической функции [Кацнельсон 1949: 51].

Б.А. Серебренников предлагает при определении частей речи положить в основу учение о функционально-семантических разрядах. Такое понимание, по мнению исследователя, облегчит проблему выделения частей речи в языках разных систем [Серебренников 1976: 27]. Если позволяет структура данного языка, конечно, стоит учитывать и другие критерии различения частей речи, которые не являются главными.

А.А. Шахматов считает, что части речи во многих языках могут различаться морфологически. Но при выделении частей речи нельзя основываться только на морфологических признаках, так как существуют несклоняемые слова. Морфологические изменения соответствуют грамматическим категориям, которые определяют внутреннюю связь отдельных слов между собой и их отношение к предложению [Шахматов 1952: 29]. По мнению лингвиста морфологические и синтаксические основания не являются полными и исчерпывающими для выделения частей речи. Более глубокими основаниями для

этого А.А. Шахматов считает семасиологические. Знаменательные и незнаменательные части речи отличаются лежащими в них представлениями: о субстанциях, качествах-свойствах, действиях-состояниях и отношениях [Шахматов 1952: 30]. Так, например, существительные, прилагательные, глаголы, наречия означают субстанции, качества-свойства, действия-состояния. Исходя из этого, причастия определяются как глагольные формы (названия действий-состояний), мыслимых в атрибутивной зависимости от представления о субстанции. Части речи А.А. Шахматов представляет как определенные и разграниченные между собой категории. Причастие исследователь относит к неспрягаемым неличным формам глагола, имеющим категории вида и залога, что дает основание объединить их с личными формами глагола. В причастии под влиянием существительного глагол воспроизводит категорию числа, рода и падежа. В тоже время причастие употребляется только в зависимой форме, которая возникает «под влиянием господствующих над ними слов или путем согласования с ними», и является «результатом уподобления формам определяемых ими существительных» [Шахматов 1941: 33]. Для глагола основным значением является название признака, как правило, активного, который может быть осложнен представлением о пассивном признаке, определяющем его носителя или производителя, выражаемый глагольным прилагательным или причастием. Таким образом, причастие – это название глагольного признака, осложненного представлением о пассивном признаке (представлением о свойстве или качестве), часть речи, совмещающая грамматические свойства глагола и прилагательного. Но, несмотря на подчеркнутое семасиологическое сходство причастия и прилагательного, А.А. Шахматов говорит об их отличии в атрибутивном употреблении. Причастие обозначает атрибутивно-предикативное слово, тогда как прилагательное – только атрибут.

И.И. Мещанинов особо выделяет причастие среди других частей речи. «Близость причастий к прилагательным по их синтаксической функции, при наличии некоторых показателей, свойственных и глаголу, ставит их в ряде языков на особую позицию среди остального лексического состава» [Мещанинов 1978:

237]. Согласно И.И. Мещанинову, причастие – «весьма древняя языковая форма, которая развивалась параллельно глагольной, а может быть, даже и предшествовала ей». Поэтому, причастие трудно считать отглагольным образованием, хотя не подлежит сомнению тот факт, что нынешняя форма причастия подверглась значительным изменениям, благодаря которым ряд причастных оформлений мог получить вид производного образования именно от глагола. Исследователь делает вывод о том, что причастие имеет именное начало. А общность этой неглагольной формы и ряда общих глагольных признаков (например: временных) объясняется тем, что причастие образовалось из именной предикативной формы, а глагол получил ряд общих с ним показателей по своей предикативной функции. Следовательно, и причастие, и глагол «являются позднейшей дифференциацией «именной» предикативной формы» [Мещанинов 1978: 239]. Позднее причастие сблизилось по своему синтаксическому употреблению с прилагательным, так как в своей семантике уже содержало атрибутивное значение. А его участие в образовании сложных глагольных временных форм является остаточным явлением. И.И. Мещанинов выделяет причастия в отдельную часть речи, в силу их отличия от имен существительных и прилагательных. От имени существительного причастие отличается наличием свойств прилагательного, а от прилагательного – своими временными и залоговыми формами и участием в образовании сложных глагольных форм. Несмотря на то, что причастие в предложении занимает такую же атрибутивную позицию при имени, что и прилагательное, они отличаются тем, что причастие сохраняет свои предикативные признаки.

В.М. Жирмунский дифференцирует части речи на основе их морфологии. Согласно этому принципу, причастия являются смешанной (гибридной) именной формой глагола, развившейся из отглагольных прилагательных путем включения в систему глагола, и сохраняющей глагольные признаки времени, залога и вида, глагольное управление именами и обстоятельственными определениями, но склоняющейся и согласующейся с существительными как прилагательное:

пишущий, писавший, написанный, которая выражает действие как свойство [Жирмунский 1976: 76].

А.М. Пешковский отмечает случаи «смещения» частей речи, когда словообразование ведет к образованию отдельных крупных и важных рубрик. Это происходит тогда, когда категории, характерные для одной части речи (например, падеж, время и т. д.), оказываются частично свойственными другой части речи. В русском языке такими категориями являются вид, залог и время, связанные по существу с глагольностью, но распространяющиеся в той или иной степени на все другие части речи. Таким образом, причастие определяется, как смешанная часть речи, выделяемая внутри категории глагольного прилагательного [Пешковский 1956: 104].

Согласно А.А. Потебне, «причастие изображает, как и имя, признак данный, но так, что при воспроизведении его сохраняется память о возникновении его от усилий лица, в силу чего этот признак в причастии представляется данным в известное время» [Потебня 1958: 144]. Причастие прошедшего времени, следовательно, будет означать признак, предшествующий времени соединенного с ним глагола.

В существующих подходах в определении частей речи (морфологический, синтаксический, понятийный) причастие рассматривается исследователями как смешение именного и глагольного начал, характеристики которых в причастии проявляются в разной степени в зависимости от формы и функции. Несмотря на то, что традиционно в английском языке выделяют причастие I и причастие II, во французском языке – *participe présent* (PI), *participe passé* (PII), в немецком языке – партицип I (Partizip I) и партицип II (Partizip II), в удмуртском и в русском языках – причастия действительного и страдательного залога, самым существенным вопросом в области непредикативных форм глагола остается определение их номенклатурного состава. Особое место при рассмотрении данного вопроса занимает полемика при определении номенклатуры английского причастия.

Если принадлежность причастия I к непредикативным формам не подлежит сомнению, то принадлежность причастия II к глагольной парадигме оспаривается.

Некоторые исследователи наоборот не разделяют причастие I и II, а объединяют их в одну форму – причастие [Campbell 1959: 305; Пумпянский 1982: 11]. А.И. Смирницкий считает, что различия причастия I и причастия II не выходят за рамки адъективной репрезентации, они обладают свойствами прилагательного в равной степени, и, таким образом, являются двумя представителями этой категориальной формы [Смирницкий 1959: 249].

Общепринято, что само по себе причастие II действия не обозначает; его основное значение – обусловленное действием состояние предмета. «Необязательность, затененность значения действия для причастия II служит сильным аргументом против включения его в глагольную парадигму» [Плоткин 1975: 107]. Причастие II отличается от всех других глагольных форм, как по значению, так и по грамматическим характеристикам [Пушина 2009: 166]. В функциональном плане причастие II, занимающее главным образом позиции определения и предикатива, весьма близко к прилагательным. Значение состояния, несмотря на его обусловленность действием, гораздо ближе к значению качества прилагательных, чем к значению действия. Таким образом, «функциональная и семантическая близость причастия II к прилагательным дает основание рассматривать его как образование, выходящее из поля глагола и втягиваемое в поле прилагательного» [Плоткин 1975: 107].

В.Г. Гак из-за различных свойств причастия I и причастия II предлагает рассматривать их «не как разные формы одной категории (причастия), а как разные категории внутри неличных форм глагола» [Гак 2000: 395]. Так, у причастия I в большей степени выражены дистрибутивные и морфологические свойства глагола, а у причастия II глагольные признаки неочевидны. К тому же, причастие II – единственная форма, которая не имеет своей парадигмы. Поэтому, исследователь делает вывод о том, что две формы причастия не составляют единой категории, в силу их противопоставления по различным признакам в зависимости от семантики глагола [Гак 2000: 396].

Не менее важным вопросом, применимым к проблематике причастия, является вопрос об омонимии причастия I и герундия. Морфологическая

омонимия заставила многих лингвистов считать причастие I и герундий одной формой, различающейся функционально [Плоткин 1975: 107; Бархударов, Штелинг 1965: 211; Alexander 1995: 313; Weiner 1987: 184], и использовать термин *ing*-форма или «герундий» в расширенном значении [Плоткин 1989: 107; Juilland, Macris 1962: 17; Kruisinga 1931]. Некоторые исследователи различают причастие I и герундий [Смирницкий 1975: 56; Иванова 1981: 83; Mintchenkov 1998: 22]. Г. Палмер и Ф.Г. Бландфорд выделяют причастие настоящего времени, которое может функционировать как герундий и полу-герундий [Palmer, Blandford 1969: 217]. Г. Лич, С. Гринбаум считают, что герундий – это *инговое* причастие, которое выступает в роли существительного, так же не стоит путать причастие на – *ing* с отглагольными существительными на – *ing* и прилагательными на – *ing* [Leech 1991: 210; Greenbaum 1996: 624; Francis 1974: 67].

Начиная с середины XIII в. форма причастия I получает оформление с помощью суффикса *-ing(e)* по аналогии с суффиксом отглагольного существительного. После проникновения суффикса *-ing* в сферу причастия I создаются омонимичные морфологические формы причастия I и отглагольного имени, а с конца среднеанглийского периода и герундия. В средне-английский период число вербалий растет, появляется новая неличная форма глагола – герундий. По мнению Р.В. Резника и Т.А. Сорокиной герундий возник в результате слияния древне-английского причастия I, которое оканчивалось на – *ende* и древне-английского отглагольного существительного, оканчивающегося на – *inge*. У существительного герундий заимствовал форму (окончание – *inge*), а под влиянием причастия герундий в своем значении приблизился к глаголу, получил возможность управлять винительным падежом [Резник, Сорокина 2001: 158; Ярцева 1959: 202]. В этот же период неличные формы глагола теряют склонения. В конце средне-английского периода в южных диалектах суффикс причастия I – *ind(e)* под влияние суффикса отглагольного имени изменился на – *ing(e)*. Новый суффикс причастия распространился затем в центральных диалектах, а потом закрепился в национальном языке [Аракин 1955: 243].

По мнению В.Н. Ярцевой употребление различных неличных форм глагола в одинаковых синтаксических конструкциях обусловило возможность их частичного смешения при перекрещивании их функций. Так употребляясь по аналогии с причастием в обстоятельственной функции, герундий передал ему новые черты (окончание – *ing*) [Ярцева 1959: 221].

Исследователи (И.П. Иванова, Л.П. Чахоян) отмечают две причины, способствовавшие смешению форм причастия I и отглагольного существительного [Иванова, Чахоян 1976].

Первая причина – фонетическая. Суффиксы причастия I и отглагольного имени имели сходное звучание в силу неустойчивости артикуляции звука /n/, входившего в оба суффикса. Этот звук легко мог получать как переднеязычную, так и заднеязычную артикуляцию. В результате отмечаются случаи написания одного и того же причастия или отглагольного имени в трех вариантах: *drynkynd*, *drynkyng*, *drynkin*.

Вторая причина – синтаксическая. Причастие I и отглагольное имя выступали параллельно в некоторых синтаксических функциях, а именно:

а) в функции предикативного члена:

He was singinge . . . al the day «Он пел . . . целый день»; *Hy ... bieth ine waytynge vor ous* «Они ... ждали нас».

б) в функции обстоятельства (эта функция появилась у причастия I в среднеанглийский период):

She lay nyh the stronde slepende «она лежала на берегу спящая»; *Moyses that night in sleping lay* «Моисей той ночью лежал спящий».

Другие исследователи, например, В.Я. Плоткин, считают, что смена суффикса у причастия могла произойти только под воздействием чисто грамматических факторов и отражала конвергенцию причастия с отглагольным именем в функциональном плане. Субстантивная конвергенция такого рода могла быть лишь реакцией на конвергенцию функциональную, обусловленную перестройкой системы [Плоткин 1975: 109].

Причастие I и герундий с момента возникновения последнего взаимодействовали друг с другом как омонимы в плане выражения. Именная форма глагола – герундий и адъективно-адвербиальная форма причастия I слились в плане содержания благодаря общему для них значению действия. Это единая по своим субстантивным свойствам глагольная форма употребляется в трех сферах и занимает соответственно позиции существительного, прилагательного, наречия. Традиционно она продолжает обозначаться в первом случае – как герундий, в двух других – как причастие. Ing-форма выступает то с субстантивными (герундий), то с адъективными (причастие) грамматическими значениями. Возможные для них синтетические позиции определяются именно этими их свойствами, тогда как глагольные черты – наличие форм вида и залога и возможность принимать дополнение первое (прямое) – свойственны обеим формам [Иванова 1981: 83].

При рассмотрении причастия I и герундия как двух отдельных, омонимичных форм необходимы критерии для их разграничения.

В английском языке формы причастия I и герундия различаются:

1) синтаксическими функциями (причастие I выступает в функции определения и обстоятельства, герундий – в функции подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства). Они имеют лишь две общие функции – определения и обстоятельства. Однако разграничение герундия и причастия, в этих функциях не представляет затруднений, так как причастие I в функциях определения и обстоятельства употребляется без предлога, а герундий – с предлогом: *He sat in the armchair reading a newspaper* (причастие I). *On reading the letter I put it into the drawer* (герундий).

Кроме того, омонимия причастия и герундия решается трансформационно: атрибутивные сочетания с герундием G-N преобразуются в N-Prep-G: *a bathing suit* – *a suit for bathing*; атрибутивные сочетания с причастием PI-N трансформируются следующим образом: N-wh-(M) V_f: *a boxing man* – *a man who is boxing* [Шаламов 1987:97].

2) значением: герундий выражает действие в его наиболее общем виде, почти как название действия и, следовательно, имеет черты сходства с существительным. Причастие I выражает либо действие, приписанное предмету как его признак, либо сопутствующее, побочное действие. К тому же, в синтаксическом плане причастие в самостоятельном употреблении явно сближается с определенной частью речи – прилагательным, выполняя типичные для последнего синтаксические функции определения в препозиции к имени (*a locked door*) или в постпозиции (*a door locked for the night*), или члена составного сказуемого (*The door is locked*). Сближение с прилагательным проявляется также в словообразовательных и транспозиционных потенциях причастия: оно принимает типичный для прилагательного отрицательный префикс *un-* (*unchanged, unspoken*), преобразуется в наречие (*decidedly, unpreparedly*).

Ю.М. Мешкова считает, что различия между причастием и герундием состоят в контекстуальном функционировании [Meshkova 2000: 48]. Так, герундий часто вводит новую и важную информацию, тогда как причастие обычно выступает в роли связки и вводит дополнительную информацию.

Из-за наличия между причастием и герундием только синтаксических различий, В.В. Бурлаковой представляется целесообразным говорить не о разных формах, а о разном употреблении одной формы. Но разные названия не случайно вошли в научный обиход: они отражают существенное различие в целом ряде проблем. Так, инфинитив сопоставим не вообще с формой на *ing*, а именно с той разновидностью, которая называется герундием, а причастие II, напротив, только с той формой, которая называется причастием I. Поэтому, согласно В.В. Бурлаковой, несмотря на морфологическое тождество причастия I и герундия, разумно сохранить эти названия для простоты и точности описания языковых явлений [Бурлакова 1984: 73].

И, тем не менее, существование двух отдельных, полностью омонимичных форм герундия и I причастия оспаривается.

Другим спорным вопросом, заслуживающим внимания и который отмечается всеми исследователями, является номинация причастия. Греческие грамматисты,

поняв двойственную природу причастий, дали ему название 'я принимаю участие, я причастен', которое латинские грамматисты перевели как *participium*. Этот термин, по мнению Л. Теньера был бы даже безупречным, если бы не обстоятельство, что он с таким же основанием может быть применен к другим гибридным частям речи, например, к инфинитиву, герундию, местоимению и т.п. [Теньер 1988: 467].

Ряд лингвистов используют термин причастие I и II [Бархударов, Штелинг 1965: 210; Плоткин 1975: 107; Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 82; Шаламов 1987: 91; Mintchenkov 1998: 32], другие - причастие настоящего и прошедшего времени [Гак 2000: 381; Хорнби 1960: 207; Swan 1984: 449; Blokh 2000: 101; Frederick 1941: 28; Stevick 1968: 188].

По мнению Б.А. Ильиша, традиционные термины (причастие настоящего и прошедшего времени) не совсем правильно отражают суть причастий, «являются по меньшей мере неточными» [Ильиш 1940:180]. Из этих названий можно сделать вывод о том, что причастие I выражает действие только настоящего времени, а причастие II – только прошедшего, что представляется ошибочным. Причастие I или как его еще называют причастие настоящего времени может выражать одновременное и предшествующее действие главному глаголу, то есть относиться к прошедшему времени. Причастие II также выражает действие, обычно предшествующее состоянию, но может и сопутствовать ему. Таким образом, характерное для причастий зависимое от главного глагола временное значение заставляет отказаться от традиционных названий «причастия настоящего и прошедшего времени» (Present и Past Participles), вызывающих ассоциацию с определенным временным значением. В.Н. Жигadlo, И.П. Иванова и Л.Л. Иофик предлагают термины «неопределенная» (Indefinite) и «перфектная» (Perfect) [Жигadlo, Иванова, Иофик 1956: 145], из чего следует, что перфектное причастие – это перфектное причастие I, а неопределенным причастием может быть как причастие I, так и причастие II. Следовательно, два разных причастия будут иметь одинаковое название, либо причастие I вообще выпадает из этой системы в виду отсутствия противопоставления. Хотя, причастие II само по себе в основном

является перфектным: оно имеет перфектное значение, когда применяется в качестве предикативного члена при глаголе-связке. При употреблении в качестве определения, вне сочетаний с формами глагола *to be*, причастие II может быть как перфектным, так и неперфектным. В английском языке употребление причастия II в неперфектном значении связано с его использованием в аналитических формах пассива со вспомогательным глаголом *to be*.

Г. Палмер использует термины «прямая» (Direct) и «перфектная» (Perfect) [Palmer 1969: 206]. Л. Теньер оперирует следующими названиями: причастие сопутствующего действия (так называемое причастие настоящего времени) и причастие предшествующего действия (так называемое причастие прошедшего времени) [Теньер 1988: 472]; или причастие I и причастие II [Гак 2000: 392].

По мнению Ю.В. Шаламова, традиционные названия причастие настоящего и прошедшего времени нередко приводят к отождествлению этих причастий с русскими причастиями настоящего и прошедшего времени, что представляется ошибочным [Шаламов 1987: 91], таким образом, считается целесообразным придерживаться названий причастие I и причастие II.

Б.А. Ильиш, подвергая критике традиционные термины, предлагает причастие настоящего времени на *-ing* назвать «причастием одновременности», так как его временное значение целиком определяется временем личного глагола, которому оно подчинено [Ильиш 1940:180].

Как у всех неличных форм, у причастия категория времени носит не абсолютный, а относительный характер. Поэтому, согласно М.Я.Блоху, названия «настоящее» и «прошедшее» не объясняют суть причастий и используются в силу традиции. Хотя, эти термины все же не лишены смысла в деривационно-этимологическом значении (причастие настоящего времени и форма глагола в настоящем времени образуются от одной основы, а формы прошедшего времени многих глаголов и причастия прошедшего времени совпадают). По мнению исследователя, эти термины ни чуть не хуже, чем их «дублиеты-заменители» причастие I и причастие II [Blok 2000: 107].

Придерживаясь точки зрения о несоответствии традиционных названий причастия настоящего и прошедшего времени, считается целесообразным использовать термины причастие I и причастие II в силу морфологических причин (причастие I образуется путем добавления окончания *ing*, а причастие II – *ed*). А их в свою очередь в зависимости от их функции и роли в предложении подразделять на одновременные, перфектные, неопределенные.

Поскольку, в причастии соединяются черты глагола и прилагательного, и значение признака относительного или качественного – взаимодействует со значением действия-процесса, отражаясь по-разному в структуре разных грамматических типов причастий, причастия в зависимости от их роли в предложении можно классифицировать на атрибутивные и адverbиальные. В силу изложенных выше фактов в данной работе считается целесообразным использовать следующие названия причастий: причастие I, причастие II, подразделяя их с учетом синтаксической позиции и роли в предложении.

Как явствует из вышеизложенного, существуют различные точки зрения на проблему частеречной принадлежности причастия. Большинство исследователей определяют причастие как неличную форму глагола, соединяющую черты глагола и прилагательного.

Основанием для этого является наличие собственной парадигмы и грамматических категорий (залога, вида и временной отнесенности, а в русском языке – к грамматическим категориям глагола добавляются грамматические категории имени: склонение по числам, лицам, падежам). Причастие в предложении обладает достаточно широкой функциональностью (выполняет функции определения в пост и препозиции, обстоятельства), образует конструкции (зависимые и независимые причастные обороты). Не подлежит сомнению тот факт, что причастие обладает отличными от глагола и имени частеречными признаками, а его самостоятельный частеречный характер является результатом его длительного исторического развития.

1.3. Причастие в ономаσιологическом и когнитивном аспектах

Как было отмечено ранее, деление слов по частям речи существовало еще до нашей эры. Но традиционный подход к теории частей речи вызывает неоднозначное отношение со стороны исследователей. Сам термин «часть речи» считается неудачным, несмотря на его традиционность: он идет в разрез с установившимся разделением на язык и речь [Кошечая, Дубовский 1980: 52; Langacker 1991: 9] а слова, в первую очередь – это элементы языка как системы знаков, а не речи, чьими главными элементами являются предложения [Шадрин 1997: 9]. Ю.С. Маслов предлагает термин «классы слов» [Маслов 1998: 155].

Выделение частей речи по грамматическим признакам оспаривается многими исследователями. Главный недостаток традиционной системы состоит в том, что учитывалась только форма, тогда как в языке форма и значение неразрывно связаны друг с другом, «форма есть всегда форма какого-то содержания, внешнего проявления какой-то сущности» [Маслов 1998: 156]. Кроме того, традиционная система не является универсальной для всех языков (так, грамматические категории падежа, числа и лица, свойственные русскому прилагательному, отсутствуют у английских прилагательных), и поэтому возникает потребность в новых принципах деления слов по разрядам. В условиях существования разных, иногда противоречащих друг другу оснований для характеристики частей речи, перед исследователем возникает задача выбора основного принципа, как при выделении частей речи, так и при выделении главного признака отдельной части речи [Кубрякова 2004: 24]. О.П. Суник, в частности, считает, что ни семантика слов, ни частнограмматические формы и значения слов, ни их синтаксические функции и различные роли в предложении не определяют сами по себе принадлежности слова к той или иной грамматической категории – части речи. Более того, частнограмматические формы и значения слова, его возможные синтаксические функции зависят именно от его принадлежности к той или иной части речи. Таким образом, в основе частей речи и их классификации лежат не вещественно-лексические и не формальные грамматические признаки, а глубокие семасиологические основания, такие

отвлеченные грамматические значения, как предметность (имя существительное), атрибутивность, или качественный признак (прилагательное), процессуальность, или динамический признак (глагол) [Суник 1966: 30]. В.В. Богданов в основе глагола выделяет значение состояния или события, которое классифицируется на процессы, а в существительном – обозначение вещей и опредмеченных абстракций [Богданов 1977: 45]. Следовательно, в слове фиксируются не только наиболее важные для человека явления действительности, но также и различные их свойства и отношения. Отражает все это слово не непосредственно, а через обобщенные имена предметов, свойств, процессов, отношений и т.п. [Степанова, Шрамм 1980].

При изучении частей речи с ономаσιологической точки зрения, обсуждается проблема, связанная с именованием разными частями речи, с конкретными номинативными функциями каждой из них, со сферами языковой деятельности, в которых эти функции находят свое регулярное отражение. Главной задачей ономаσιологии является установление причины различных языковых изменений и объяснение этих лингво-исторических явлений как отражение и симптомы духовного и культурного развития [Колшанский 1976: 15]. Под номинацией в первую очередь подразумевается характер абстрагирования признака объекта. Возникает вопрос о том, какая часть знаний об объекте фиксируется в его названии, какой концепт именуется словом определенной части речи и особенно – наличие каких свойств, атрибутов необходимо для обозначения человеком некоторой реалии определенной частью речи.

В соответствии с указанным подходом в основе выделения существительного лежит ономаσιологическая категория предметности, прилагательного – атрибутивности, глагола – процессуальности. На основе указанных базисных, первичных значений складываются вторичные значения (как грамматические, так и словообразовательные). Еще Аристотель в своих трудах вывел определение производным словам – имена, производные от перечисленных видов качества или имена, образованные от них как-то иначе. Вторичные значения повторяют основные значения частей речи в другом классе слов, перенося значение одной

части речи в другую. А совмещение разнородных первичных значений, каждое из которых получает отдельную форму выражения, способно передать такие несовместимые на первый взгляд значения, как «предметность», «признаковость» и «процессуальность». Характер двойного отнесения может быть описан такими формулировками как «субстанция, имеющая отношение к признаку», «действие, имеющее отношение к предмету» и т.д. С этой точки зрения причастия будут обозначать признак, меняющийся во временном, залоговом и аспектуальном отношении, и могут быть рассмотрены как особые отглагольные производные [Кубрякова 1978: 70]. В причастии, которое является формой адъективной репрезентации глагола, на основное категориальное значение процесса накладывается вторичное значение признака [Смирницкий 1959: 248], таким образом, процесс, оставаясь процессом, частично представлен как признак.

Позднее ономаσιологическое направление стали рассматривать как достаточно раннюю версию когнитивизма, отличающуюся наличием связи с актами коммуникации, их смысловыми заданиями и прагматическими установками [Кубрякова 2004: 45]. Центральное место в когнитивной лингвистике занимает категория знания, проблема видов знания и их языкового представления. Язык, следовательно, представляет основное средство фиксации, хранения, переработки и передачи знаний [Маслова 2006: 8]. Основная гипотеза когнитивизма заключается в том, что при использовании существительных, прилагательных, глаголов, предлогов активизируются разные структуры сознания и у каждого человека возникают разные ассоциации, впечатления, картины, сцены: разные представления или разные типы репрезентаций. Части речи, имея отличную форму для передачи разных значений как разных структур знания, закрепляют разные значения за разными «телами» знаков и, следовательно, связывают тела «формы» знака со способом представления в ней определенной семантики.

Проблемы когнитивизма оказываются тесно связанными с проблемами номинации в силу значимости наречения отдельных фрагментов мира, из чего следует, что понимание роли и актов наречения мира необходимо для решения

когнитивных проблем [Кубрякова 2004: 73]. С появлением когнитивного подхода ономаσιологическая структура производных слов может интерпретироваться в когнитивных терминах, что доказывает важность категорий предметности, процессуальности, признаковости для описания семантики частей речи.

При осмыслении акта номинации с когнитивных позиций значимым является вопрос о том, какие наборы концептов и почему вербализуются в данном языке и какая конкретная языковая форма выбирается при этом для решения задачи. Описать когнитивные особенности частей речи значит, в первую очередь описать словообразовательные процессы, связывающие между собой отдельные части речи, которые являются важным источником сведений о когнитивных особенностях частей речи.

В памяти людей хранятся не дифференциальные признаки предметов и явлений, а некие целостные образы, прототипы, гештальты, с которыми сопоставляются предметы. Эти образы в памяти поддаются научному и обыденному анализу, на основе которого выделяются различные характерные особенности этих образов или семантические признаки [Карасик 2002: 165]. Так, первичные значения могут служить базой для появления более сложных значений, удаляемых от прототипа. Прототип – типичная и типовая единица для определенного ее класса, наиболее полно представляющая этот класс, «лучший представитель» своей категории. Существует несколько способов их образования – семантическая деривация, процесс грамматизации и т.д. Особое значение рассматриваемая проблематика приобретает в связи с гибридными частями речи – неличными формами глагола - инфинитивом, причастием, герундием, деепричастием, чья ономаσιологическая структура включает в себя два разнородных категориальных начала. Известно, что неличные формы глаголов представляют собой результат транспозиционных (трансляционных) переходов. Явления перевода знаков из одной категории в другую получили название транспозиции или трансляции. При таком переходе значения одной части речи отражаются в другой, но обязательно указывается значение как исходного, так и результативного класса слов. Производное слово, принадлежа одной категории,

хранит в себе след другой категории. Так, причастия относятся к подклассу глаголов, но в то же время обладают некоторыми характеристиками прилагательных и рассматривается Ю.С. Масловым, Л. Теньером, В.Г. Гаком и др., как промежуточная категория трансляции, вербоид, совмещающий свойства глагола и прилагательного и представляющий действие как свойство предмета или лица [Маслов 1998: 164; Теньер 1988: 467; Гак 2000: 381; Богданов 1977: 162]. Принимая во внимание тот факт, что причастия сохраняют в своей смысловой структуре такие значения глагола, как время, вид и залог, Е.С. Кубрякова характеризует причастия как отглагольные производные, как подкласс глаголов, несмотря на то, что их набор значений у других классов не повторяется. Рассмотрение причастий как форм глагола оправдано именно тем, что и при наступившей транспозиции они по-прежнему удерживают в своей смысловой структуре большую часть значений (таких как время, вид, залог), релевантных для исходных глаголов, и, конечно, потому, что лексические значения этих последних не претерпевают в актах транспозиции никаких изменений [Кубрякова 1978: 68].

Л. Теньер рассматривает причастие как маркер адъективной трансляции [Теньер 1988: 468]. Поскольку исходной категорией трансляции (транслируемым) является глагол, а результирующей (транслированным) — прилагательное, причастие соединяет в себе как глагольные, так и адъективные свойства. Таким образом, исследователь делает вывод, что оно (причастие) причастно одновременно к категории глагола и к категории прилагательного.

По мнению Л. Теньера причастие не относится к глаголам, так как в отличие от глагола, не способно сочетаться с категориями наклонения и времени. Формы будущего в прошедшем и формы будущего времени — не имеют параллелей в причастии. Причастий условного наклонения и причастий будущего времени не существует. Хотя, безусловно, причастие переняло глагольную способность подчинять себе актанты (кроме первого) и сирконстанты. Так же причастие нельзя отнести и к прилагательным, так как оно сохраняет глагольную несовместимость с именными категориями рода и числа и вообще не изменяется. С другой стороны,

превратившись в прилагательное, причастие получило от него способность играть роль атрибутивного определения, предикатива и приложения.

При своем дальнейшем развитии причастие переходит в отглагольное прилагательное. И это находит свое подтверждение в истории. Обращение к истории позволяет иногда обнаружить, что прилагательные в латинском и французском были чем-то вроде причастия в общеиндоевропейском: и.-е. *plē-no-s 'наполненный' > лат. *plenus* 'полный' > франц. *plein* 'полный' [Теньер 1988: 474].

Ш. Балли считает, что причастие появляется благодаря функциональной транспозиции. То есть языковой знак, полностью сохраняя свое семантическое значение, принимает на себя функцию какой-нибудь лексической категории, к которой он не принадлежит. Наиболее известной формой транспозиции является суффиксальное словопроизводство. Суффикс – это знак, указывающий, в какую новую категорию переходит та или иная семантема (которая принимает в этом случае форму основы), и имеющий своей функцией уточнять, определять эту категорию [Балли 1955: 133]. В англ. – *ing*, во фр. – *é/i*. Глагол – транспонируемый знак, прилагательное – транспонированный, причастие – транспонирующий.

Бывшие причастия прошедшего времени мертвого спряжения, ставшие затем именами действия, имеют гипостатическое происхождение, но их неправильная форма заставляет их толковать как простые слова-основы; примеры: *ponte* «кладка яиц» от *ponder* «нести», *fait* «дело» от *faire* «делать», *crue* «рост» от *croître* «расти» [Балли 1955: 337].

Когнитивное своеобразие образования гибридных слов состоит в том, чтобы охарактеризовать цели и результаты словообразовательных процессов по тому, какие структуры знания был намерен отразить человек в процессах межчастеречной транспозиции и какие он зафиксировал при этом в виде производного слова. При транспозиции ингерентные для данной части речи концепты устранены быть не могут, устраняются лишь ее модификационные (но не категориальные) характеристики, наследуются главные для данной части речи концепты, обнаружив которые в структуре производного знака, мы констатируем их релевантность для характеристики части речи как таковой. Так, в ряду

причастий *добреющий, стареющий, белеющий*, где выделяется значение становления качества, когнитивный анализ легко устанавливает два категориальных значения – одно (качество) явно связано с прилагательными, другое – с классом глаголов, что означает приобретение словом характеристик протекания во времени, изменения. Причастие является формой глагола, в котором процесс (действие или состояние), оставаясь процессом, приобретает значение свойства, признаковости [Бокучава 2000: 6]. Таким образом, причастие отсылает нас к действию, в тоже время, характеризуя определенный объект, то есть обозначает динамически меняющийся признак.

В ономаσιологическом направлении части речи рассматриваются, прежде всего, как слова, называющие с помощью разных структур разные по своей природе фрагменты мира; в прототипической семантике и когнитивной грамматике части речи получают иное освещение. По существу при когнитивном описании частей речи мы по-прежнему можем оперировать теми сведениями о них, которые были получены в рамках ономаσιологического направления [Кубрякова 2004: 141], но все же когнитивная лингвистика стремится соотнести языковые формы со структурами сознания и выявить, как происходит обработка информации о мире с помощью языковых средств. С когнитивной точки зрения глагол символизирует события и указывает на связанную с ним темпоральную информацию, а противостоящие глаголу существительные обозначают отдельные единицы человеческого опыта как разных партиципантов событий. Но полное описание частей речи можно получить, учитывая все их особенности и функции. Исходя из этого, существительные можно охарактеризовать как класс слов, представители-прототипы которых обычно референтно определены (как сами по себе, так и в составе именных фраз). Глаголы же обозначают процессы или действия, а в дискурсе служат для выражения предиката (такой предикат может относиться и к описанию ситуации положения дел). Прилагательные могут выступать и в составе предиката, и в составе референциальной группы.

Итак, деление слов на части речи зависит от их отношения к лексике, грамматике и, главное их отношения к речевой деятельности, дискурсу и их

коммуникативным целям. Соотношение таких разноуровневых признаков в наборе конституирующих черт каждой части речи определяет их предназначенность для решения разнообразных когнитивных и дискурсивных задач, возникающих в ситуации общения.

С развитием когнитивной лингвистики широкое распространение получил прототипический подход, в основе которого лежит представление о каком-то наиболее ярком образе – прототипе, концепте. Прототип определяется общественным сознанием, обладает центральностью и лучшими качествами языковой категории [Манерко 2002: 18]. То, что обобщается словом на основании восприятия человеком действительности – конкретных предметов, их качеств, процессов и т.д. – составляет главный элемент значения, его основу, ядро и называется лексическим понятием, концептом; концептуальным значением, сигнификативным значением [Степанова, Шрамм 1980]. Прототипическое значение определяется содержательно, раскладывается на составные части и описывается как совокупность признаков, значимых для данного языкового коллектива, и представляет собой явление, целостность которого проявляется в результате объединения общего значения слова-знака и индивидуализированного представления объекта, ставшим частью слова. Таким образом, прототипная модель значения включает признаки наивного понятия (сигнификативная часть семемы) и признаки, связанные с представлением о стандартном образце объекта, признака или ситуации, следовательно, строится по модели «категориальный концепт плюс типичные атрибуты» [Карасик 2002: 168]. Такое "двуслойное" значение, представленное прототипной моделью, признается языковым значением [Михайлова 1999: 77]. Существование какого-то прототипического значения фрагментов мира, благодаря которому объединяются в отдельные части речи все глаголы, существительные, прилагательные, подтверждается отсутствием одно-однозначных соответствий между категорией предметности и классом существительных, категорией признаковости и классом прилагательных, категорией процессуальности и классом глаголов (например: глаголы *сидеть*, *лежать* выражают идею положения в пространстве, а не процессуальности). Из

этого следует, что части речи являют собой образец естественных категорий, строятся прототипически и демонстрируют классы слов по принципу «фамильного сходства». Именно прототипическое значение фиксируется толковыми словарями, предназначенными отразить то представление о мире, которое характерно для носителя языка [Михайлова 1999: 77].

Как считают некоторые исследователи (А.Н. Федотов, А.В. Бондарко), необходимо объединить традиционный и прототипический подходы, а распределение слов по классам производить по содержательному (концептуальному) критерию [Федотов 2006: 324]. Именно вокруг этого образа и формируются естественные категории в виде сходных с ним элементов по тем или другим признакам. А неоднородность состава категорий, нечеткость категориальных границ, которая связана с образованием различных переходных зон между ближайшими категориями, центральность или периферийность тех или иных элементов объясняется тем, что разные члены одной категории обладают характерными для этой категории признаками в разной степени [Болдырев 2006: 34]. Так, причастия находятся на периферии категории глагола, в некоторых своих функциях приближаясь к прилагательному.

Причастия, отражающие когнитивные процессы адъективизации действия, опираются на семантику глагола. Сохраняя в своем значении процессуальные свойства, они в тоже время отражают новое восприятие нашим сознанием объекта. Семантика комплексного (составного) знака объединяет в одну структуру несколько готовых знаков языка и, следовательно, представляет собой сумму значений его составляющих, чья конкретизация проявляется неодинаково [Кубрякова 2002: 7; Ирисханова 2001: 45]. Неоднородность когнитивных процессов проявляется в сильном и слабом выражении глагольных или именных свойств в причастии [Ирисханова 2000: 76].

Различные когнитивные структуры, сливаясь в семантике языковых единиц, образуют гибридные пространства, которые наследуют роли и свойства исходных, но обладают своей собственной структурой. Так, в ходе адъективной

номинализации концептуальная основа глагольного пространства наполняется конкретной семантикой глагола-источника.

Таким образом, семантика причастий представляет собой гибридное пространство, появившееся в результате совмещения двух исходных когнитивных пространств – глагольного и именного. Именное пространство, структурируя номинализованное пространство и обуславливая переход лексической единицы в класс имен, накладывается на глагольную основу в виде сетки абстрактных предметных концептов. При этом глагольные и адъективные признаки выдвигаются в фокус гибридного пространства, а некоторые концепты нейтрализуются.

1.4. Проблемы межкатегориальных связей в грамматике

Вопрос о категориях занимал ученых еще в древние времена. Так, например, Дионисий Фракийский называл восемь категорий глагола: наклонения, залоги, виды, образы (фигуры), числа, лица, времена, спряжения, которые в свою очередь подразделялись на виды [Кондрашов 2004: 17]. Основные категории имени и глагола были установлены александрийцами, зависимость их учения от философии отразилась в смешении логических и грамматических категорий.

Категории, согласно Философскому энциклопедическому словарю, это общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания [ФЭС 1989: 254]. Являясь формами и организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания. Как было отмечено выше, Аристотель первый изложил систему категорий, выделив наиболее общие понятия о мире и способах его познания. Для Аристотеля категории – это характеристики общих свойств бытия, с помощью которых оно расчленяется в языке и знании на рубрики, не сводимые друг к другу [ФЭС 1989: 254].

В русском языкознании термин «категория» получил широкое распространение со времен А.А. Потебни. Им именуют лингвистические явления

различных уровней: от категорий фонетики до словообразовательных категорий, категорий морфологии, синтаксических связей, вопроса и т.д. [Щетинин 1971: 6]. Согласно исследованиям, проведенным Л.М. Щетининым, термин «категория» используется в языкознании в следующих случаях:

а) для обозначения обобщенного разряда слов, той или иной части речи – категория имени, категория глагола;

б) для обозначения лексико-грамматического подразряда слов – категория инфинитива, категория причастия;

в) для обозначения синтаксических единиц – категория предложения, категория словосочетания;

г) для обозначения всех обобщенных понятий языкознания, относящихся к различным сторонам науки о языке [Щетинин 1971: 7].

Сам исследователь под термином «грамматическая категория» и соответственно под терминами «морфологическая категория» и «синтаксическая категория» понимает значение обобщенного логического отношения, выраженного взаимодействием и противопоставлением разнооформленных, но семантически родственных грамматических значений. Причем, лингвистические явления, объединяемые термином «грамматическая категория», отграничиваются от сопредельных, таких, как части речи, их подразряды и производные формы (причастие, герундий и др.). Грамматическая категория, по мнению Л.М. Щетинина, может включать не более двух грамматических значений. Так, например, категория времени может быть представлена противопоставлением грамматических значений момента речи и немомента речи [Щетинин 1971: 11].

Вопрос о категориях занимал многих исследователей. В отечественном языкознании о категориях писал А.А. Шахматов. Категории, по мнению А.А. Шахматова, зависят от реальных значений, связанных с определенными словами, и объединяются терминами имя существительное, имя прилагательное и глагол, которые, взаимодействуя, образуют ряд категорий формального значения [Шахматов 1952: 10]. Так, глагол изменяется по категориям лица и числа, времени, наклонения, вида, залога, а также по категориям «свойственным именам,

когда действие не связывается с представлением о трех грамматических лицах, действующих или испытывающих действие (инфинитив, причастие и деепричастие) [Шахматов 1952: 11]. Грамматические категории согласно исследователю познаются при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются, однако, некоторые категории не имеют морфологического выражения, что доказывает качественную неоднородность различных грамматических категорий [Шахматов 1952: 23]. Грамматическими категориями определяется внутренняя связь между отдельными словами и их отношение к предложению. Таким образом, грамматическая категория рассматривается исследователем в широком смысле.

В.Г. Адмони, так же как и А.А. Шахматов, определяет категории в широком смысле: грамматическая категория – это всякое системное, более или менее фронтально проведенное объединение некоторого множества грамматических явлений, обладающих каким-то общим, формально выраженным семантическим или функциональным признаком [Адмони 1988: 66]. Среди грамматических категорий исследователь выделяет морфологические (свойственные словоформе) и синтаксические (свойственные словосочетанию и предложению) категории, которые являются равноправными, дополняют друг друга, многообразно перекрещиваясь и взаимодействуя. Под взаимодействием понимается такое отношение между грамматическими категориями, при котором обе категории функционируют согласованно и влияют друг на друга, видоизменяя одну или обе грамматические категории [Храковский 1996: 25].

По мнению Ю.С. Маслова слово проявляет свои грамматические категории и синтаксические свойства в контексте [Маслов 1998: 156]. Причем, грамматические категории, присущие определенной части речи, в разных языках не совпадают. Они обусловлены общим грамматическим значением данной части речи, из которого вытекают отдельные ее акциденции (добавочный признак). Так, например, в русском языке существительному характерны категории падежа, числа и рода, в английском языке – число [Маслов 1998: 157].

Для глагола типичными грамматическими категориями будут категории времени, наклонения и залога.

А.И. Смирницкий говорит о том, что любая грамматическая форма слова входит в какую-либо грамматическую категорию [Смирницкий 1975: 8]. При этом грамматическая категория обязательно должна быть представлена минимум двумя категориальными формами, иначе она не может существовать, и, напротив, в одной словоформе могут сочетаться различные грамматические категории.

В тоже время семантические признаки, которые в одном языке образуют грамматические категории, в другом языке могут представлять неграмматические, лексические категории [Серебренников 1976: 7]. Например, «уменьшительность» в языке суахили образует грамматическую категорию, в русском языке – словообразовательную категорию, в английском – лексическую категорию.

При сопоставлении какой-либо грамматической категории в разных языках, например: формы прошедшего времени в русском языке и немецкого имперфекта, выявляется общее логическое понятие, в данном случае понятие временных отношений. Но, так как каждая категория функционирует в различных грамматических системах, то они обладают отличными связями с другими категориями (переплетенность видовых и временных категорий в русском глаголе и отсутствие категории вида в немецком) [Звегинцев 1957: 100]. Из этого следует, что грамматические категории невозможно переносить из одного языка в другой из-за их принадлежности к разным грамматическим системам, наличия различных связей с элементами этих систем.

И.И. Мещанинов различает понятийные и грамматические категории. Понятийные категории, основываясь на семантических категориях, передают в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде, и выявляются в нем самом, в его лексике и грамматике [Мещанинов 1978: 196]. Так, субъект и предикат будут понятийными категориями. Существительное передает понятийную категорию предметности, глагол – действия и состояния. Грамматические категории – это сопутствующие внешние выразители основных признаков, которые устанавливаются по грамматическим формам, передающим те

понятия, которые вкладываются в основу выделяемых грамматических категорий [Мещанинов 1978: 195].

О. Есперсен выделяет синтаксические и понятийные категории. Синтаксические категории, к которым исследователь причисляет категории числа, падежа, времени, наклонения, залога, лица, рода, представляют собой синтаксические понятия, образующие группы высшего порядка или всеобъемлющие синтаксические разряды [Jespersen 1922: 56]. Причем, если синтаксические категории зависят от структуры языка, то понятийные категории (внеязыковые) являются универсальными для всех языков, не зависящими от случайных фактов существующих языков. Таким образом, род представляет синтаксическую категорию, а пол – понятийную. Понятийные и синтаксические категории взаимосвязаны. Синтаксические категории, подобно двуликому Янусу, обращены и к форме, и к понятию и являются соединительным звеном между миром звуков и миром понятий, понятийные категории находят грамматическое выражение [Jespersen 1922: 60].

Э. Бенвенист говорит о категориях мысли и категориях языка. Категории мысли являются «открытыми», то есть они могут изменяться, вводиться новые, в то время как категории языка, будучи принадлежностью системы, – «закрытые», не могут быть изменены по воле говорящего [Бенвенист 2002: 106]. Мыслительные категории всегда являются универсальными, языковые категории – это категории отдельного языка. Мыслительные и языковые категории тесно связаны, так как возможность мышления неотрывна от языковой способности, так как язык представляет собой структуру, несущую значение, а мыслить означает оперировать знаками языка [Бенвенист 2002: 114].

Р.О. Якобсон, рассматривая категории «с точки зрения говорящего», подразделяет их на «категории-шифтеры / нешифтеры»: шифтеры определяются как категории, характеризующие сообщаемый факт и/или его участников по отношению к факту сообщения, либо к его участникам, в отличие от нешифтеров—категорий, не содержащих указания на такое отношение [Якобсон 1972: 100]. Наличие или отсутствие отношения к говорящему в категориальных

значениях дает основание для отнесения данной категории к числу «шифтеров» или «нешифтеров». Так, например, категория вида относится к категории-нешифтеру.

В.А. Звегинцев разделяет категории на грамматические, логические или понятийные и языковые. Взаимодействие этих категорий проявляется при рассмотрении вопроса о частях речи. Части речи с этой точки зрения представляют взаимоотношения двух рядов – установленных для них грамматических значений и логического ряда [Звегинцев 1957: 105]. Так, глагол и существительное – отдельные грамматические категории, которые обладают различными языковыми функциями и разными логическими планами даже при одинаковом смысловом содержании. Понятия процесса и явления (субстанции) – это логические категории. Данные логические понятия не существуют в языке изолированно. Они, обрастая грамматическими категориями, получая определенные морфологические показатели, тесно переплетаясь с языковыми функциями, превращаются в языковые категории. Например, категории залога, вида, времени, наклонения и лица русского языка, рассматриваемые как характеристики понятия процесса, характеризуют его с логической стороны. В частях речи, объединяющих в себе именные и глагольные характеристики (причастие, герундий), эти характеристики не приобретают нового качества, а базируются на первичных логических понятиях [Звегинцев 1957: 110]. Таким образом, совокупность грамматических и логических категорий представляют собой основу для отнесения слов к разным частям речи.

Д. Лайонз выделяет понятийные категории, которые являются универсальными, то есть, присущими всем языкам, и грамматические категории, традиционно ассоциирующиеся с частями речи, например: число, время, наклонение, род, лицо [Lyons 1974: 23].

Г.В. Колшанский считает категорию семантики одной из главных категорий современной логики, так как она включает в себя содержательную часть языка [Колшанский 1976: 7]. Любое проявление семантических категорий в языке связано с их отражательной функцией, и, несмотря на разнообразные термины

(семантика, значение, понятийное наполнение, смысловое содержание), их основой является идея об отношении языковых форм к предметному мышлению. Семантическая категория может быть выражена разными языковыми средствами: грамматическими, лексическими, интонационными, как, например, категория модальности [Зверева 1983: 19].

Так как условием для выделения категорий является противопоставление по крайней мере двух категориальных форм, следовательно, категория – есть общее в отдельном [Гвишиани 1986: 11]. Категория возникает на основе обобщенного значения, находящего регулярное формальное выражение. Н.Б. Гвишиани различает лексические, грамматические и морфологические категории, из которых лексические категории являются менее универсальными, так как они связаны больше с функциональной стороной языка [Гвишиани 1986: 72]. Категории частей речи – это наиболее общие свойства, обнаруживаемые в языковых явлениях данного класса, у данной части речи (наклонение, залог, время русского глагола).

Современные исследователи, например Н.Н. Болдырев, выделяют лексическую и грамматическую категоризацию [Болдырев 2002: 95]. Под лексической категоризацией понимается тематический принцип объединения лексики в синонимические ряды, лексико-семантические группы, семантические классы и т.п. Грамматическое значение структурирует активизированный концепт тем или иным образом [Болдырев 2002: 97].

В.Н. Ярцева определяет грамматическую категорию как набор частных (дробных) значений, объединенных одним ведущим, центральным смысловым началом [Ярцева 1976: 97]. Разные грамматические приемы ее передачи могут быть эквивалентами, но чаще выступают как средства дифференциации смысловых оттенков обобщенного грамматического значения. В плане выражения частных грамматических значений в разных языках существует два варианта: значения, представленные в одном языке, в другом просто опущены или выражаются иначе.

А.В. Бондарко определяет грамматическую категорию как определенную систему рядов грамматических форм, которая является признаком частей речи [Бондарко 1976б: 9].

Согласно исследованиям В.И. Карасика категории грамматики могут выражаться специфическими грамматическими способами (служебными словами, порядком слов, повторами) и вместе с тем могут быть описаны лексически. Так, например, категория числа представляет собой вершину пирамиды, образуемой понятием множественности, которое выражается различными лексическими и грамматическими способами [Карасик 2002: 167]. В данном случае речь идет о функциональной семантической категории.

При изучении вопроса о межкатегориальных связях, межкатегориальной совместимости необходимо учитывать разнообразие и широту спектра языковых категорий, различные подходы к их интерпретации и классификации. В современных исследованиях грамматическая категория помещается в центр существующих функционально-семантических категорий или функционально-семантических полей (ФСП). Под ФСП понимается группа разноуровневых средств данного языка, которые взаимодействуют на основе общности своих семантических функций и выражают варианты определенной семантической категории. А.В. Бондарко определяет ФСП как семантическую категорию, которая рассматривается в единстве с системой средств ее выражения в данном языке [Бондарко 2001: 17], и выделяет следующие его характеристики:

- 1) наличие у языковых средств, входящих в эту группировку, общих инвариантных семантических функций;
- 2) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов – грамматических и лексических;
- 3) структура, в которой определяющую роль играют следующие признаки:
 - членение «центр-ядро-периферия»;
 - постепенный переход между компонентами данной группировки и разными группировками, частичное пересечение, «общие сегменты» [Бондарко 2005].

А.В. Бондарко выделяет два основных структурных типа ФСП: моноцентрический и полицентрический. Под моноцентрическим типом понимаются поля, в центре которых находится та или иная грамматическая категория, которая концентрирует в целостной системе наиболее специализированное и наиболее регулярное выражение данного круга функций. В свою очередь полицентрический тип характеризуется множественностью, многоаспектностью соотношений различных центральных и периферийных элементов функционально-семантического поля, которые выступают в «переменных ролях» системы и среды [Бондарко 2001: 18; Адмони 1988: 77].

Выделяют следующие группировки функционально-семантических полей:

ФСП с предикативным ядром – аспектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность, персональность, залоговость;

ФСП с субъектно-объектным ядром – субъективность, объективность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность;

ФСП с качественно-количественным ядром – качественность, количественность;

ФСП с предикативно-обстоятельственным ядром – локативность, бытийность, поссессивность, обусловленность (комплекс полей условия, причины, цели, следствия и уступки) [Бондарко 2001:32].

Все категории глагола взаимодействуют между собой, при этом выделяются как существенные (сильные) связи, так и менее существенные (слабые) связи.

Установление списка ФСП, их классификации с учетом имеющихся между ними связей и интерпретации тех содержательных характеристик, которыми определяется семантика полей, является существенной задачей функциональной грамматики.

Особое внимание уделяется связям глагольных категорий в силу ядерной функции глагола в предложении. Так, глагол репрезентирует самого себя, как определенный член предложения с определенными морфологическими

характеристиками, что находит отражение в категориях рода, числа, лица, время, вида и наклонения. В тоже время, глагол определяет структуру предложения, очерчивая и структурируя ситуацию, что передается категориями залога, каузативности, результативности и другими [Долинина 1989].

Н.И. Пушина [Пушина 2000] приводит следующие применимые к глаголу и неличным формам функционально-семантические поля:

- Темпоральность – функционально-семантическое поле, охватывающее различные средства выражения времени;
- Аспектуальность – функционально-семантическое поле, охватывающее различные средства выражения характера протекания действия;
- Залоговость – широкое функционально-семантическое поле, образуемое залогом глагола вместе с теми разнообразными языковыми средствами, с которыми он взаимодействует на функциональной основе и отчасти перекрещивается в плане выражения;
- Временная локализованность – функционально-семантическое поле, охватывающее средства выражения конкретности / абстрактности (неопределенности) положения в действия во времени;
- Таксис – функционально-семантическое поле, обозначающее временное отношение между действиями в рамках целостного временного периода. Выражение таксиса связано синтаксическими, морфологическими и лексическими средствами;
- Модальность – функционально-семантическое поле, охватывающее систему грамматических форм глагольного наклонения, а также синтаксические и лексические средства выражения отношения высказывания к действительности;
- Локативность – семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем, как функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений;

- Бытийность – семантическая категория, объединяющая различные варианты значений существования, бытия, наличия, и, как функционально-семантическое поле, - группировка разноуровневых средств того или иного языка, служащих для выражения вариантов значений данной семантической категории;

- Множественность (глагольная множественность) – семантическая категория множественности ситуаций, актуализируемая лексическими, грамматическими, контекстуальными средствами, выражающими частные значения множественности: итератив, мультипликатив, дистрибутив;

- Каузативность – семантическая категория, в основе которой лежит семантический инвариант: «Х каузирует Р», где Р – ситуация;

- Посессивность – одна из разновидностей более общей семантической категории реляционности – включает несколько субкатегорий, в основе которых лежат отношения обладания, принадлежности, партитивности и т.п.

В данной работе рассматриваются функционально-семантические поля, которые наиболее характерны для неличных форм глагола, в частности, причастия, и их взаимосвязи. Глагольные черты причастия проявляются, во-первых, в сочетании с существительными, выражающими объект действия; во-вторых, с существительными, выражающими субъект действия (в полу-предикативных комплексах); в-третьих, с определяющими (modifying) наречиями; в-четвертых, с личными модальными глаголами. Свои черты прилагательного причастие проявляет в сочетании с определенными (modified) существительными, так же как и с некоторыми наречиями, например наречиями степени сравнения. Причастия, как и прилагательные, обозначают признак предмета, но в отличие от них, признак, обозначаемый причастием, указывает на действие или состояние предмета.

Будучи образованными от глагола, причастия обладают некоторыми глагольными категориями: категорией временной отнесенности, таксиса и залога. Некоторыми исследователями [ТГАЯ 1983: 50] отмечается также наличие у причастия глагольной категории вида, который заключается в его предельности / неопределенности.

Одной из категорий, присущей причастию, является категория **темпоральности**. Исследователи рассматривают эту категорию как семантическую категорию, которая охватывает в своем языковом выражении различные типы отношения обозначаемых ситуаций либо к моменту речи говорящего, либо к иной исходной точке отсчета (производной от момента речи) на основе признаков одновременности (настоящее), предшествования (прошлое) и следования (будущее) [Бондарко 2001: 66; Богданов 1977: 130]. Темпоральность, семантическая категория, тесно связана с системой разноуровневых средств ее выражения в данном языке. Поэтому при изучении темпоральности как функционально-семантического поля рассматривается грамматическая категория времени как система грамматических форм с однородным значением, которые противопоставляются друг другу, разнообразные синтаксические конструкции, такие лексические средства, как темпоральные лексемы и словосочетания типа сегодня, вчера и т.д.. Адвербиальные наречия определяют временные границы, соотнося действие, выраженное глаголом или причастием, с определенным отрезком времени [Мишланов 2008: 300], и являются актуализаторами временных форм.

Функционально-семантическое поле темпоральности характеризуется специфическими чертами структуры данного языка, которые включают грамматические подсистемы, словесные формы и синтаксические конструкции, выражающие или участвующие в выражении темпоральных отношений. Центр функционально-семантического поля представлен грамматической категорией времени (настоящее, прошедшее, будущее), периферия – аналитическими формами, образованными причастиями, безглагольными синтаксическими конструкциями со значением настоящего времени [Бондарко 2001: 72]. Границы функционально-семантического поля темпоральности, как и любого функционально-семантического поля, подвижны. Функционально-семантические поля взаимодействуют, пересекаясь с соседними категориями. Так функционально-семантическое поле темпоральности, ядром которого является грамматическая категория времени, обнаруживает сильные связи с видом и

наклонением [Бондарко 1976б: 15; Пупынин 1996]. В языке понятие времени обязательно пересекается с видовым понятием. Взаимодействие этих двух компонентов представляет собой внутреннюю сущность глагола, как выражающего категорию времени и видовых отношений. Временные отношения между действием и предметом совершаются определенным способом, «то ли будучи ограничены некоторым пределом, то ли относительно беспредельны» [Долинина 1964: 10].

Категория времени как таковая у причастий отсутствует [Жигадло, Иванова, Иофик 1956: 155; Ильиш 1940: 175]. Они не способны помещать действие в тот или иной временной отрезок, они указывают лишь соотношение времени обозначаемого ими действия с действием глагола-сказуемого – одновременность, предшествование или следование ему, таким образом, они обозначают только относительное время [Иванова 1981: 80]. Категория времени выражается в наличии у причастия двух форм: неопределенной (индефинитной) и перфектной. Временное значение причастия I в его атрибутивном употреблении, так же как и временное значение причастия II, определяется его соотношением со сказуемым или с обстоятельствами времени. Причастиями одновременного действия являются причастия I от любых переходных и непереходных глаголов и причастие II от непереходных глаголов [Винокурова 1954: 189].

Категория **таксиса** трактуется как сопряженность действий в рамках единого временного плана [Бондарко 2001: 98; Johanson 2004: 191]. Имеется в виду сопряженность (связь), которая выступает в следующих основных разновидностях: отношение одновременности / неодновременности (предшествования / следования), взаимосвязь действий при отсутствии хронологических отношений, связь действий во времени в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, условными, уступительными).

Ряд исследователей выделяют зависимый и независимый таксис, которые определяются по признаку наличия/отсутствия отношения «основной – зависимый» предикат [Бондарко 2001: 100; Храковский 2003: 32; Johanson 2004: 191]. Так, зависимый таксис обычно представлен в деепричастных и причастных

конструкциях и выражает сопряженность основного и зависимого предиката. Независимый таксис обнаруживается в конструкциях с однородными сказуемыми, в сложносочиненных и в сложноподчиненных предложениях разных типов и выражает сопряженность двух и более равноправных предикатов [Бондарко 2001: 100].

В ряде языков, в частности в удмуртском языке, выделяют гипотаксис, который определяется как подчинение предложений и выражается сложноподчиненными предложениями, а также предложениями с инфинитными глаголами [Шутов 1999: 3]. В образовании конструкций с неспрягаемыми формами глагола учувствуют деепричастие, причастие, отглагольные имена [Шутов 1999: 21].

При анализе таксисных отношений причастия речь может идти только о зависимом таксисе, который выступает в основном в трех своих разновидностях: предшествование, одновременность и следование.

В причастных формах английского языка выявляются три типа относительного временного значения, то есть три вида таксиса – предшествование, одновременность и следование [Мурясов 2000: 47]. Эти три таксиса могут быть осложнены причинно-следственными, уступительными отношениями. В английском языке зависимый таксис выражается активным и пассивным причастием I в форме Indefinite и Perfect и причастием II.

Таксис тесно связан с аспектуальностью. Так, аспектуальные значения воздействуют на характер временных отношений между действиями и, таким образом, оказывают влияние на их существенные свойства. Таксисные значения одновременности / неодновременности, которые выражаются при сочетании глагольных форм, передаются, прежде всего, средствами глагольного вида, и, следовательно, являются производными от аспектуальной характеристики действий и их сочетаний.

Аспектуальность – выражение характера протекания действия во времени. Грамматическая категория вида образует центр поля аспектуальности, поскольку в видовых формах заключено отношение к признакам ограниченности действия

пределом и целостности. Семантика аспектуальности включает признаки лимитативности, длительности, кратности, фазовости, перфективности, а также акциональности, статальности и реляционности [Бондарко 2001: 114]. Ядро аспектуальности составляет семантический признак «предел». Семантику предельности / неопределенности можно определить как наличие / отсутствие внутреннего предела в языковом представлении действия, т.е. наличие / отсутствие в семантике самого глагола направленности на достижение действия [Бондарко 2001: 120]. Глагольный вид в его отношениях к другим категориям глагола проявляет сильные и слабые связи [Бондарко 1976б: 13; Богданов 1977: 128]. Так, сильные (существенные) связи глагольного вида наблюдаются с категорией времени, так как функционирование видов зависит от временного плана, а дифференциально-семантические признаки в системах вида и времени частично перекрещиваются. Категория вида, которая, как было отмечено выше, выделяется не всеми исследователями, представлена в причастии в значительно более ограниченной степени и притом неоднородными видовыми значениями отдельных форм. Можно сказать, что как раз при анализе видового содержания причастий вскрываются исторически сложившиеся противоречия, характерные для причастий, в формах которых прослеживаются и старые значения завершенности или законченности действия и более новое значение длительности действия в ограниченный отрезок времени.

Подобно видовому значению личных глагольных форм видовое значение причастий подчинено их временному значению. Эта зависимость сказывается в том, что видовое значение причастия (длительность и завершенность действия как признака), сопутствующее его временному значению, выступает не всегда одинаково четко. В английском языке внутреннее значение вида, перфективного или имперфективного, является достигнутой / недостижимой действительностью. В современном английском языке соотношение предельного, неопределенного и длительного значений образуется из сочетания трех диаметрально-противоположных грамматических значений: имперфективности (отсутствия виртуального предела), перфективности (наличие его), длительности (которое по

значению может включать и исключать виртуальный предел) [Долинина 1964: 27; Muir 1972: 132]. При этом характерно, что сочетание длительности с индефинитной и перфективной формами не исключает характера временной протяженности, в течение которой совершается действие. Протяженность – характеристика временная, в связи с чем можно говорить о протяженности во времени. Длительность же представляет собой характеристику видовую, так как выражает определенный способ действия. Для длительного разряда выделяется основное значение процессуальности, обозначая действие в развитии на каком-то этапе. При этом видовое значение неопределенных глаголов – отсутствие предела, к которому стремилось действие, – совпадает со значением длительного разряда [Иванова 1957: 11]. При глаголах предельных, употребляющихся в длительном разряде, происходит противопоставление видового характера глагола – наличие предела, к которому стремится действие, – и значения данного разряда, поэтому на первый план выступает свойственное этим глаголам в данном разряде значение незавершенного действия [ТГАЯ 1983: 55]. Длительный разряд обозначает действие – процесс, фактически протекающее в момент речи (длительное настоящее), или протекание в прошлом в момент совершения действия, выраженного личным глаголом (длительное прошедшее), или действие, которое будет протекать в определенный момент в будущем. В перфективной группе, где наблюдается перекрещивание ряда различных периодов, период по способу своего протекания может быть как длительный, так и недлительный, хотя в любом случае он непременно предусматривает протяженность в том временном периоде, который предшествует выражению действия личного глагола. Перфектное причастие от предельных глаголов обозначает завершенное действие, и видовой характер причастия совпадает с грамматическим значением формы. При употреблении причастия в этой форме от неопределенного глагола, действие, им обозначенное, прекращается ранее действия личного глагола, заканчивающегося не в силу достижения предела, а в силу каких-то других причин [ТГАЯ 1983: 55]. Общим оказывается для причастий в данной форме, образованных от предельных и неопределенных глаголов, значение выполняемости, полноты действия. Таким

образом, вид и время неразрывно связаны друг с другом, и видовое значение является уточнителем временного значения, так как определяет отношение действия, выраженное причастием, к действию, выраженному личным глаголом, с которым данное действие непосредственно связано. Категория противопоставления видового характера в современном английском языке идет по линии взаимоисключающих видовых значений достигнутой / недостигнутой, заключающихся в формах имперфективных и перфективных видов [Долинина 1964: 27].

Видовой характер причастия передает форму существования действия, не называя в слове, но сопутствуя лексическому значению [ТГЯЯ 1983: 50]. Следовательно, можно считать, что видовой характер причастия получает свою форму во взаимодействии с близкой по содержанию грамматической категорией времени. Связь вида и залога проявляется в особенностях видо-временных значений страдательно-причастных форм.

Залоговость – функционально-семантическое поле, образуемое активным и пассивным залогами глагола. В основе значений актива и пассива лежит одна инвариантная смысловая структура: «логический субъект – понятие действия – логический объект» [Бондарко 1976а: 48]. Значение актива фиксирует представление и восприятие данной смысловой структуры со стороны логического субъекта, занимающего центральное место в семантической структуре предложения. Значение пассива интерпретирует смысловое соотношение, но только со стороны объекта, испытывающего на себе действие. В семантической структуре такого предложения центральное место занимает объект. Интерпретационный характер залоговой семантики зависит от грамматической категоризации подхода говорящего к одной и той же ситуации (со стороны субъекта или со стороны объекта), категоризации разных акцентов в смысловой структуре, разной «фокусировки» смысла [Бондарко 1976а: 48]. В пассивном залоге логическим центром становится тот партиципant, который тем или иным образом затронут действием субъекта; при этом сам факт связи между ним и субъектом остается существенным [Долинина 1989: 49].

В силу того, что причастие II используется в аналитических конструкциях пассива, закрепилось мнение, что причастие II – это пассивное причастие. И, следовательно, причастие I – это активное причастие. Хотя на самом деле, и то, и другое причастие может иметь значение как активности, так и пассивности. По своему происхождению все неличные формы стояли как бы выше залоговых различий, они были нейтральны то отношению к различению актива и пассива и могли приобретать тот или иной залоговый оттенок в зависимости от контекста. Позднее пришло осознание того, что, будучи составной частью глагольной системы, неличные формы должны обладать внешним выражением залоговых различий. Для выражения пассивности в этих формах были созданы новые, образованные при помощи глагола *to be*. Залоговое значение неличной формы состоит в специфике ее отношений со своим субъектом [ТГАЯ 1983: 75]. Под субъектом понимается элемент, являющийся носителем главного признака, представленного неличной формой. Если субъект неличной формы обозначает агенса передаваемого действия, значение такой формы активно, если же субъект – пациенс действия, то значение такой формы пассивно. С причастием I сложностей не возникает, а вот значение причастия II и его залоговые функции представляют значительные трудности. Причастие II действие не обозначает: его основное значение – результат или следствие действия, состояние, качество лица или предмета, приобретенное или приобретаемое вследствие воздействия внешних факторов [Пушина 2009: 166]. Действие обычно предшествует состоянию (*a broken cup, a closed door*), но может и сопутствовать ему (*a man loved and respected*); находящийся в данном состоянии предмет обычно является пациенсом действия, но может быть и агенсом (*an escaped prisoner*). Таким образом, значение состояния, выраженное причастием II, связано с такими лексико-грамматическими характеристиками данного глагола, как переходность и непереходность, предельность и непредельность [Плоткин 1975: 107]. У переходных глаголов существует две неличные формы для выражения пассивного действия: причастие II и причастие I в пассивной форме. Разница заключается в процессуальности действия причастия I и его отсутствия у

причастия II [ТГАЯ 1983: 77]. Следовательно, в этих формах выражено видовое противопоставление. Причастие II переходных глаголов в атрибутивном употреблении всегда имеет пассивное значение и выражает результат действия, сделанного над данным предметом: *As in the turbine meter discussed above, there are certain limitations as to maximum and minimum flows* [EDB: 6]. С причастием непереходных глаголов дело обстоит сложнее. В атрибутивной функции они встречаются редко и по содержанию активны. Такое употребление причастия возможно лишь в тех случаях, когда глагол имеет перфектный смысл [Ильиш 1940: 185]. Например: *This reflects the increased level of domestic gas-based economic activities* [OGJ, 2004, June: 19]. Клоуз приводит в пример следующие причастия: *escaped, faded, fallen, grown* [Close 1979: 85]. Например: из словосочетания *fallen rocks* понятно, что причастие *fallen* имеет активное значение.

Каждая грамматическая категория, являясь самостоятельной, в тоже время характеризуется определенными отношениями с другими грамматическими категориями, которые проявляются в их взаимодействии. Следует подчеркнуть важность комплексного исследования межкатегориальных связей категории причастия, поскольку при изучении гибридных частей речи, имеющих двойственную природу, вопрос взаимодействия категорий друг с другом и с окружающей структурой приобретает особое значение.

1.5. Категория научного дискурса. Научно-технический дискурс

Взаимодействие адъективных и глагольных признаков в категории причастия, проявляющихся в неравномерной степени, особенно четко прослеживается в сфере активного употребления причастия в его разнообразных формах и функциях. Ярким представителем такой сферы употребления причастия является научно-технический дискурс, разновидность научного дискурса, который с развитием науки и техники стал привлекать особое внимание исследователей, как способ представления, хранения и передачи результатов научного познания.

Большой Энциклопедический Словарь определяет дискурс как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [БЭС: 137].

В свете развития когнитивной лингвистики, лингвистики текста возник вопрос о соотношении текста и дискурса. Несмотря на то, что термин «дискурс» появился в конце 20 века, до сих пор не существует однозначного и четкого его определения.

Некоторые исследователи говорят о противопоставлении текста и дискурса по форме: письменная и устная [Valle 1987: 78; Crystal 2005: 116]. При этом дискурс фокусирует внимание на структуре разговорного языка. Д. Кристал признает это противопоставление некорректным. По мнению исследователя язык необходимо рассматривать как динамичный, социальный, интерактивный феномен, в не зависимости от того между кем происходит диалог: между говорящим и слушающим или писателем и читателем [Crystal 2005: 116]. Как показывают последние исследования в данной области, дискурс может быть и письменным [Чернявская, Слюсарева, Кубрякова и др.]. Дискурс – это любой текст, который был порожден конкретным автором, в конкретное время и с определенной целью [Valle 1987: 78]. Дискурс обозначает особую форму использования языка, отражающую то, кто использует язык, как, почему и когда [Dijk 1997: 2; Кубрякова 2004: 526]. При исследовании дискурса главный акцент делается на возникновение, формирование и изменение значения в ходе общения [Елизарова 2000: 73]. Дискурс – это реализация языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, обладающих в зависимости от социально-временной детерминированности различной степенью продуктивности и служащих социуму в качестве инструмента познания мира [Белошапкова 2007: 129]. Дискурс понимается как текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, учитывающим культурные, исторические, идеоло-

гические, социальные, психологические факторы, системой коммуникативно-прагматических и когнитивных установок автора, взаимодействующего с адресатом [Чернявская 2002: 20]. Текст определяется В.Е. Чернявской как необходимая, базовая часть дискурса, формально завершенная структура, возникшая в результате коммуникативно-когнитивного процесса – дискурса [Чернявская 2002: 230]. Е.А. Рейман, например, рассматривает дискурс как единицу речи, безотносительно стиля, по смыслу связанные предложения, показывающие точный смысл фразы [Рейман 1980: 33]. Что касается отношения предложения и дискурса, то в художественном тексте, дискурс конкретизирует многозначную информацию, содержащуюся в предложении, делает ее однозначной, в научном тексте – лишь дополняет ее в соответствии с общим развитием логической мысли. В любом случае при использовании терминов текст или дискурс речь идет об изучении языка в его употреблении и функционировании, что влечет за собой совмещение двух подходов к анализу языковых явлений и в первую очередь предложения. С одной стороны, предложение рассматривается с точки зрения лингвистического аспекта (структурно-семантического, логического и коммуникативного аспектов), с другой стороны – экстралингвистического аспекта, включающего ситуативный, социолингвистический, мыслительно-познавательный, культурно-исторический аспекты [Слюсарева 1981: 61].

В.И. Карасик понимает дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, допускающий множество измерений: с позиций прагмалингвистики, психолингвистики, лингвостилистики и других наук [Карасик 2002: 23].

Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Миронова 1997: 95].

В.Г. Борботько определяет дискурс как отображение процесса ориентирования человека в универсуме своих ценностей, в ходе которого на основе системы языковых эталонов, или специфических языковых мер, осуществляется ценностное разбиение реальности и соотносительное взвешивание ее частей [Борботько 2007: 55].

Н.Л. Овшиева выделяет широкую и узкую трактовку дискурса [Овшиева 2003: 79]. В самом общем виде дискурс определяется как связанный текст, сверхфразовое единство. В данном случае текст рассматривается как абстрактная, формальная конструкция, а дискурс – как виды актуализации текста, взятого в событийном плане. Дискурс – это текст, который имеет целенаправленное социальное действие, является компонентом взаимодействия людей и связан с прагматической ситуацией [Овшиева 2003: 79].

Согласно исследованиям Н.В. Петровой, дискурс имеет несколько значений: 1) связанный текст, 2) устно-разговорная форма текста, 3) диалог, 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу, 5) речевое произведение (устное или письменное) как данность [Петрова 2003: 127].

М.Л. Макаров выделяет три подхода к понятию дискурса. При формальном или структурном подходе дискурс рассматривается как язык выше уровня предложения. Такой же точки зрения придерживается В.А. Звегинцев. Дискурс, определяемый исследователем как два или более предложений, находящихся в смысловой связи, подчинен определенным строгим правилам и имеет «горизонтальную» ось линейной последовательности и «вертикальную» ось, позволяющую образовывать смысловые единицы все большей обобщенности, которые подчиняются правилам синтаксиса более высоких смысловых уровней [Звегинцев 1973: 170; Борботько 2007: 5]. Смысловое единство дискурса связывается с тем, что он «излагает» конкретное «событие» или «эпизод» [Звегинцев 1996: 24]. При функциональном подходе под дискурсом подразумевается использование языка, речи во всех проявлениях. При ситуативной интерпретации, учитывающей социально, психологически и культурно значимые условия и обстоятельства общения, дискурс представляет совокупность функционально организованных, контекстуальных единиц употребления языка [Макаров 2003: 86].

В работах некоторых исследователей дискурс приравнивается к понятию «стиль» [Макаров 2003, Данилевская 2005, Миронова 1997]. При таком понимании термина «дискурс» осуществляется описание способа говорения в

разных его разновидностях, причем большое значение приобретают языковые черты, стилистические особенности, специфика тематики, идеологическая окраска дискурса [Петрова 2003: 126; Филипс, Йоргенсен 2004: 108]. Анализ подобных дискурсов значительно шире, чем методы грамматики и лингвистики текста. Несмотря на то, что лингвистика текста с ее методами существенно дополняет анализ дискурса, дискурс изучается с позиций разных дисциплин: когнитивной, общей теории коммуникации, социолингвистики, психолингвистики [Миронова 1997: 96; Зайцев].

В дискурсе, определяемом как цельный и связный текст, актуализация которого детерминирована различными социокультурными факторами, отражены не только языковые формы высказываний, но содержится и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их "фоновые" знания, имплицитные коммуникативные намерения и определяется социокультурная ситуация. При этом анализ дискурса ориентирован прежде всего на изучение лингвистического уровня в структуре социальной коммуникации как доминирующего на протяжении всего исторического развития общества и культуры.

В настоящее время анализ дискурса воспринимается как междисциплинарный подход, оформившийся на стыке социолингвистики и лингвокультурологии, но впитавший в себя приемы и методы различных наук гуманитарного профиля: риторики, языкознания, философии, психологии, политологии, социологии и других наук. Поэтому вполне допустимо выделить соответствующие подходы в качестве магистральных стратегий исследований, осуществляемых в рамках анализа дискурса, например, психологические (когнитивные, культурно-исторические и т.д.), лингвистические (грамматические, текстологические, стилистические и пр.), семиотические (семантические, синтаксические, прагматические), философские (структуралистские, постструктуралистские, деконструктивистские), логические (аргументативные и аналитические), информационно-коммуникативные, риторические [МР].

Дискурсивный анализ, предполагающий рассмотрение текста как отражение индивидуальной, коллективной речевой практики, сконцентрирован на

степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование языковых закономерностей конкретного произведения [Чернявская 2003: 70]. Дискурс как лингвистическая категория определяет особую исследовательскую стратегию, предполагающую макросемантический и одновременно глубинно-семантический анализ текста, направленную на выявление эпистемических предпосылок и условий порождения высказываний / текстов, обусловивших определенные в данной коммуникативно-прагматической и социально-исторической ситуации формы, структуры, языковые единицы или иные текстовые характеристики [Чернявская 2006: 21].

При дискурсивном анализе уделяется внимание не целому конкретному тексту, а отдельному приему, использованному в тексте. Основная задача, таким образом, которую следует решить при анализе, - понять "замысел текста", тот набор идей и представлений, с помощью которого объясняется и формируется реальность [Зайцев].

По мнению Е.С. Кубряковой, дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер и не может быть описана вне указания на «среду» ее проявления – научную, профессиональную. Таким образом, дискурс рассматривается в рамках социального контекста [Кубрякова 2004: 526]. Дискурсы отличаются тем, что для них характерно общее значение или макроструктура, которая определяет тему дискурса [Овшиева 2003: 83]. Следовательно, разные виды дискурса имеют характерные для них языковые формы, характеризуются использованием целесообразно организованных систем выражения мысли, требуют определенной грамматики и лексики, которые будут отражать языковые черты определенной группы людей, тематики. В зависимости от сферы человеческой коммуникации и практики, области знания, выделяют различные типы дискурса, например: медицинский дискурс, дискурс фашизма, компьютерный дискурс, педагогический, экологический дискурс, научный дискурс и другие [Чернявская 2003: 214; Аникина 2008: 20; Лутовинова 2002: 133; Рогожникова 2002: 140; Миронова 1997: 94].

Научный дискурс традиционно привлекает к себе внимание лингвистов. Участниками научного дискурса являются исследователи, представляющие научную общественность. При этом участники обладают равенством научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям [Карасик]. Вместе с тем научный дискурс отличается стремлением ученых устанавливать различные барьеры для посторонних, степени научной квалификации, именно поэтому для понимания научного дискурса необходима база фоновых, начальных знаний.

Научный дискурс является совокупностью всех текстов, представляющих научное знание как результат познавательной деятельности субъектов науки. В данном случае текст рассматривается как часть дискурса, его знаковый продукт [Петрова 2003: 130]. Тексты научного дискурса связаны между собой семантическими отношениями и объединены в коммуникативном и функционально-целевом аспекте. Следовательно, можно говорить о дискурсе науки [Чернявская 2006: 25].

Т.Р. Копылова определяет дискурс как совокупность или последовательности текстов, связанных семантическими, коммуникативными и функционально-целевыми отношениями, которые представляют результат речевой деятельности [Копылова 2007: 21]. Исследователь выделяет несколько подходов к исследованию научного дискурса. С точки зрения коммуникативного анализа научного дискурса выделяются его конститутивные признаки, к которым относится относительное равенство участников дискурса, решение научной проблемы. При втором подходе определяются особенности научного текста как фрагмента научного дискурса (объективность, обобщенность, точность, ясность, диалогичность изложения). При выделении третьего подхода учитывается факт содержания в научном тексте вербализованного знания и отражение закономерностей познавательного процесса в процессах текстопорождения в научном дискурсе. Научный дискурс является результатом познавательной деятельности ученого, содержит научное знание и способен представить целостную научную картину мира как совокупность научных знаний [Копылова 2007: 29].

А.А. Абдулфанова рассматривает научный дискурс как индивидуализированную актуализацию типовой текстовой модели в виде ее инварианта. Исследовательская парадигма определяет оригинальность дискурса как события в науке. Дискурсы, первоисточники текста, обуславливают непрерывность развития научного знания о «высшей реалии языка», воплощающей закономерности миропонимания человека, механизмы выражения направленности его духа на себя и окружающих [Абдулфанова 2002: 124].

В научном дискурсе отражаются характерные особенности теоретического мышления и специфика познавательного характера общения в научной сфере, который задается и определяется особенностями коммуникативного задания [Метс, Митрофанова, Одинцова 1981: 5; Баранова 1995: 7; Разинкина 1972: 28]. Научная специальная информация составляет основу научного дискурса, а смысл коммуникации (виртуальной) состоит в передаче автором и усвоении адресатом этой информации [Дроздова 2002: 125]. Таким образом, научный дискурс как таковой, все его параметры, его композиционная структура, все его элементы упорядочиваются отправителем таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, которая, постепенно разворачиваясь перед реципиентом в ходе непрямого общения, влияет на его научную и мировоззренческую концепцию в целом [Чулкова 1980: 38]. Все синтактико-семантические процессы, характерные для уровней слова и предложения, обусловлены структурой целого дискурса как относительно самостоятельной языковой единицы высшего порядка [Борботько 2007: 30]. Речевой и грамматический строй научного дискурса приспособлен для адекватного воплощения логико-понятийного содержания мышления и экономичной его передачи [Земскова, Копров 1991: 113; Galperin 1971: 319]. Таким образом, основными чертами научного стиля будут подчеркнутая логичность, объективность, лаконичность изложения, отвлеченность, обобщенность. При изучении научной речи следует учитывать особенности отбора языковых средств, использования конкретного набора лексических и фразеологических единиц и определенных синтаксических конструкций, которые

отбираются в соответствии с коммуникативными задачами научного дискурса и испытывают на себе влияние конкретного функционального стиля [Зверева 1983: 10]. В зависимости от задачи данного дискурса происходит усиление оттенков лексического значения и грамматической формы, созданных на базе общего языка. Все это находит отражение в стремлении научной речи к соответствию используемых знаков выражения плану содержания [Дашкова 2003: 55].

Как было уже упомянуто, научное изложение стремится к краткости и компактности, что связано с общей тенденцией развития науки. Такое изложение проявляется в сокращении протяженности сообщения и в то же время увеличении смысловой нагрузки, которое может быть выражено независимым причастным оборотом, сложным подлежащим или сложным дополнением. Но существует и другая противоположная тенденция в организации синтаксических структур в научном тексте – конкретизация, детализация и уточнение высказывания, что приводит к разворачиванию изложения [Низовец 2002: 7].

В научном дискурсе преобладают сложные и осложненные предложения, являющиеся результатом сложной аргументации авторской мысли, необходимостью выявлять причинно-следственные отношения, способствующие наиболее емкой форме хранения и передачи информации [Солганик, Дроняева 2005: 40]. Сложное предложение позволяет выразить многообразные отношения между его частями: временные, причинно-следственные, условные и др. Сложноподчиненные предложения, выражающие взаимосвязанные явления, а также обладающие строгой логичностью и последовательностью изложения, позволяют выдвинуть положение, в то же время, обосновав его и аргументировав, что способствует более четкому выражению мысли [Солганик 2007: 216]. Причем, отмечается преобладание сложноподчиненных предложений над сложносочиненными. Это объясняется тем, что первые выражают причинные, условные, следственные, временные отношения, важные для научного изложения [Стилистика 2007: 107]. В таких предложениях часто употребляются причастные и деепричастные обороты, которые подчеркивают признак, осложненный значением действия [Солганик, Дроняева 2005: 226; Судовцев 1989: 11; Дроздова

2002: 52]. Причастный оборот, стоящий в препозиции к определяемому слову, придает изложению определенную компактность.

В дискурсе начальное высказывание перспективно связано с последующим, а всякое последующее высказывание ретроспективно опирается на предыдущее [Борботько 2007: 28]. Данная связь высказываний осуществляется при помощи причастий по принципу обобщения, объединения информации, извлечения некоторого компонента из предшествующего дискурса. Дискурсивный контекст обуславливает форму высказывания; именно контекст требует согласования глагольного предиката и причастия с временным планом дискурса.

Активное использование причастий в научном стиле может быть объяснено их способностью к сжатости речи. Причастие является важнейшим средством обозначения признаков предметов в форме определения [Голуб 2005: 321]. Соединяя в себе черты прилагательного и глагола, причастие не только образно характеризует предмет, но представляет его признак в динамике. В отличие от прилагательного причастие обладает категориями времени, вида, залога, которые отражают становление признака. В тоже время причастие сжимает информацию, позволяя в определении передать содержание, которое можно выразить и придаточной частью предложения. Деепричастия, в сравнении с причастиями, обладающие большей глагольностью, обусловленной их семантико-синтаксической связью с глаголом-сказуемым, придают речи наглядность, живость.

Одним из приемов, позволяющим постоянно указывать на соотношение объекта и субъекта речи, а также намеренно избегать указания на деятеля, является использование пассивного залога, причастных и неопределенно-личных оборотов [Текстология 1978: 56; Теория 1987: 8]. Для научного стиля характерно понятийно-логическое мышление, выражением которого и служат пассивные конструкции, обладающие стремлением к объективности и обобщенности изложения и способностью обозначать действие в статике [Голуб 2005: 312; Стилистика 2007: 107; Морозова 1983: 160]. Что также достигается использованием причастных конструкций, так, например, причастие II будет сообщать признак объекту. При этом в пассивных конструкциях нередко на

категориальное значение глагола накладывается дополнительное значение качества, свойства, позволяющее нейтрализовать значения процессуальности и динамики. При использовании пассивных конструкций в научном стиле главный акцент делается на действие как на факт, где на первый план выдвигается само действие и его объект, без уточнения субъекта. Одно и то же семантическое содержание может быть структурировано по-разному, чтобы отразить уже известную или новую информацию [Comrie 1981: 56], что достигается использованием пассивного залога. Пассив показывает факты объективной действительности, независимые от воли субъекта познания – исследователя или события с позиции потерпевшего [Голуб 2005: 313; Митрофанова 1973: 127]. Так как ученый рассматривает свою работу как вклад в общее развитие изучаемой проблемы, начатое другими исследователями, то есть как коллективный труд, выбор пассивной конструкции зависит от того, считает ли он работу над проблемой завершенной или нет, представляется ли ему поставленный вопрос изученным или находящимся в стадии изучения [Трясунова 1986: 159].

Причастие активно используется в составе атрибутивно-субстантивных терминологических словосочетаний. Научный дискурс стремится к абсолютной точности и однозначности названия понятий, предметов и явлений научной сферы (до 25% терминов) [Солганик, Дроняева 2005: 12; Разинкина 1972: 28], что достигается благодаря хорошо разработанной терминологии научной дисциплины, в основе которой лежит научно построенная дефиниция [Рождественский 1979; Канделаки 1976; Ивина 2003; Володина 2000; Гринев 1993]. Свойства и качества терминов, заключающих в себе в конденсированном виде главное содержание той или иной научной отрасли, проявляются только при их функционировании в специализированных научных, технических текстах или в устном профессиональном общении ученых, где наблюдаются обязательные нормативные требования к термину, его образованию [Суперанская, Подольская, Васильева 1989: 11; Алексеева 1990: 18]. Так, для научного дискурса характерны следующие структурные типы терминов: PI + N; PII + N; PII + Abbr; PI + Abbr; N +

N; N + A и т.д. Атрибутивно-субстантивные словосочетания A + N; PI (II) + N являются довольно продуктивными [Журавлева 1995].

PI + N –producing horizon – продуктивный горизонт;

PII + N – required horsepower – потребная мощность;

PI + Abbr – starting pixel; самопроверяемые ВСД;

PII + Abbr- distributed DBMS; замкнутая СУБД;

В качестве первого компонента в атрибутивно-субстантивных терминологических словосочетаниях используются причастия I и II в английском языке и причастия действительного и страдательного залога – в русском языке. Причем, сочетания причастий с существительными более характерны для английского научно-технического дискурса, чем для русского. Причастие I и причастие действительного залога, выступая в функции определения, выражают качество, присущее предмету (ведущая программа, mapping device). Причастие II и причастие страдательного залога в функции определения выражают качество или состояние как результат какого-то действия, выраженного глагольной основой, от которой оно образовано (встроенная память, reduced data). В нефтяном дискурсе более частотными являются терминологические сочетания, состоящие из причастия и существительного, причем причастие II преобладает. Сочетания причастия и аббревиатур отмечаются крайне редко.

Известно, что одной из особенностей лексики научного стиля является тенденция к замкнутости, к ограничению репертуара используемых единиц – лексем, о чем свидетельствует высокая повторяемость слов [Солганик, Дроняева 2005: 37]. Так как читатель научной литературы должен понять автора точно и однозначно, то в научной литературе постоянство формы выражения отдельных элементов содержания является необходимостью [Рейман 1980: 30]. Содержание текстов научного дискурса непосредственно соотнесено с реальным миром, а основным фактором, обуславливающим особенности научного дискурса, является соотнесенность с научно-познавательной деятельностью [Простов 2005: 94]. Задачи научного дискурса, к которым относится доказательство определенных положений, гипотез,

аргументация, точное изложение научных вопросов, сообщение новых результатов исследования, определяют выбор глагольной лексики, которая характеризуется конкретностью выражения смысла передаваемой информации [Рейман 1980: 32]. Высока частотность высказываний, характеризующих класс объектов в целом [Селиверстова 2004: 150]. Так, В.А. Загородняя выделяет следующие высокочастотные глаголы научного дискурса: *to be, to have, to use, to give, to make, to obtain* [Загородняя 2003: 73]. М.М. Глушко глагольную лексику организует в три группы: глаголы, обозначающие процессы познания; глаголы, обозначающие действия и состояния предметов; и глаголы, обозначающие и то, и другое вместе [Теория 1987: 8]. Некоторые исследователи, например Е.Ф. Пугачева, Е.В. Бекшиева, выделяют глаголы каузальной семантики, так как в основе явлений научной сферы лежит причинно-следственная связь [Пугачева 1990: 61; Бекшиева 2006: 145]. Для выражения возможности существования того или иного явления процесса в научном дискурсе широко используются модальные глаголы, имеющие значение возможности или необходимости [Зверева 1983: 11]. Специфическим фактором синтаксической организации структуры в научной речи английского языка является использование предиката с семантикой бытийности, состояния, действия субъекта [Беньяминова 1988: 57].

Одним из подстилей научного дискурса является научно-технический дискурс. Существует полярные точки зрения на правомерность выделения научно-технического дискурса в самостоятельный дискурс. Так, О.А. Крылова, считает, что можно говорить только о научно-техническом стиле речи, ставить его в ряд функциональных стилей языка не считается возможным в силу отсутствия производственно-технической сферы общественной деятельности [Крылова 2006: 67].

М.Я. Цвиллинг считает, что терминологическое обозначение данного стиля, безоговорочно принимаемое всеми исследователями, отсутствует. Этот факт подтверждается сосуществованием целого ряда практически синонимических выражений: язык науки, стиль научной литературы, язык научно-технической литературы, язык научного общения и другие, которые объединяются в целое в

силу единства внутристилевых характеристик и четкого противопоставления иным функциональным системам языка [Цвиллинг 1989: 27]. К тому же материалом первых исследований научной речи были научно-технические тексты [Миньяр-Белоручева, Вдовина 2008: 5]. Вместе с тем существуют различия внутри самого научного дискурса на уровне жанровой принадлежности, принадлежности к разным подъязыкам науки, что приводит к неодинаковому «материальному наполнению» принципиально одинаковых качественных характеристик дискурса. Причем, самые существенные различия обнаруживаются в дискурсах, принадлежащих, с одной стороны, к области естественных, точных и технических наук и области общественных наук, с другой стороны [Цвиллинг 1989: 28].

Научно-технический (нефтяной) дискурс выделяется на общем фоне научного (научно-естественного) дискурса своей многокомпонентностью. Данный тип дискурса балансирует на грани научно-экономического, социального, политического, экологического дискурсов, так как все они связаны с добычей, переработкой, транспортировкой и системой газо- и нефтепродуктообеспечения. Научно-технический дискурс специфичен. С одной стороны он привязан к научному дискурсу, который является его основой, с другой стороны, научно-технический дискурс подвижен и в зависимости от направленности тематики приближается к экономическому дискурсу (описание деятельности нефтяной компании), политическому (обсуждение войны в Ираке, являющимся одним из основных экспортеров нефти), экологического (проблемы нефтяных пятен). В эпоху научно-технической революции процессы международного сотрудничества сделали актуальным вопросы коммуникации. Возросший интерес к научно-техническому дискурсу, в частности нефтяному, обусловлен экстралингвистическими причинами: процесс глобализации, научно-технический прогресс, внедрение новых технологий, расширение научных контактов, обмен опытом, увеличивающийся спрос на рынке нефтересурсов.

Научно-технический дискурс включает собственно научный (монографии, журнальные статьи), научно-информационный и научно-реферативный (аннотации,

реферат, резюме-вывод), научно-справочный (справочники) и учебно-научный (учебники, учебные пособия) виды дискурса [Проблемы 1984: 50].

Научно-технический дискурс, несмотря на то, что он является частью научного дискурса и обладает такой же спецификой, имеет свои собственные характерные черты. Особенности его синтаксического строя напрямую связаны с задачей логического изложения, передачей суммы знаний, относящихся к определенной области, которые реализуются при использовании сложных предложений с целым рядом придаточных предложений, выраженными оборотами с неличными формами глагола: причастием, герундием, инфинитивом [Кузнец, Скребнев 1960: 127]. Тенденция к языковой экономии проявляется в активном использовании в научно-техническом дискурсе причастия в функции пре и постпозиционного определения и обстоятельства. Препозитивные причастия часто встречаются в терминологических сочетаниях, где они часто в результате переосмысления значения ведут себя как омонимичные прилагательные [Текстология 1978: 97]. Предложения, утяжеленные причастиями и причастными оборотами, придают потоку речи спаянность, подчеркнутую взаимосвязь компонентов и строгую логическую последовательность, увеличивая смысловую нагрузку [Низовец 2002: 6]. Распространенными являются конструкции, в которых постпозитивные причастные обороты отделены от определяемого слова зависящей от него предложно-падежной группой [Федоровская 1989: 46]. Самой характерной чертой научно-технического дискурса является употребление пассивной формы глагола для того, что бы сосредоточить внимание на структуре, механизме, процессе при их описании или анализе [Кузнец, Скребнев 1960: 127].

Таким образом, анализ подходов к определению дискурса, к его разновидностям позволил выделить научно-технический дискурс, который представляет собой совокупность научно-технических текстов, являющихся результатом деятельности профессиональной языковой личности в специальной сфере, в данном случае нефтяной. Ядром научно-технического дискурса является его собственно техническая составляющая. В то же время научно-технический дискурс строится на взаимодействии с элементами других видов дискурса

(экономический, экологический), и включает экстралингвистические факторы. Научно-технический дискурс отличается обилием предложений, осложненных причастными, инфинитивными оборотами, пассивных конструкций, и специальная терминология. Лексические, грамматические и синтаксические особенности, все подчинено основной задаче научно-технического дискурса – адекватно, полно и точно отразить научные знания, удовлетворяя потребности науки и времени.

Выводы по первой главе

Итак, как явствует из вышеизложенного, частеречная классификация является результатом длительного накопления и обобщения эмпирических сведений о лексических единицах языка с присущими им определенными признаками. Разнородность подходов к определению частей речи в современной науке вызвана разными задачами, которые ставят перед собой исследователи, недовольством существующими классификациями, отсутствием единства критериев при выделении частей речи. Развитие языка влечет за собой появление новых, универсальных для всех языков подходов.

Становление причастия как части речи обусловлено его возникновением и развитием в составе именного класса и втягиванием в класс глагола. Таким образом, причастие как категория транспозиции обладает признаками двух различных категорий: именной и глагольной. Но в тоже время, находясь на периферии этих категорий и будучи подвижным, причастие проявляет свои именные или глагольные характеристики в зависимости от окружения.

Причастие, результат объединения значений прилагательного (признаковости) и глагола (процессуальности), способно передать такие несовместимые значения, как «признаковость» и «процессуальность». С этой точки зрения причастия будут обозначать признак, меняющийся во временном, залоговом и аспектуальном отношении.

С точки зрения когнитивного подхода семантика причастий представляет собой гибридное пространство, появившееся в результате совмещения двух исходных когнитивных пространств – глагольного и именного. При этом глаголь-

ные и адъективные признаки выдвигаются в фокус гибридного пространства, а некоторые концепты нейтрализуются. В основе образования причастия находится неоднородность когнитивных процессов, что проявляется в сильном и слабом выражении глагольных или адъективных свойств.

Причастие является формой глагола, в котором процесс (действие или состояние), оставаясь процессом, приобретает значение свойства, признака. Таким образом, причастие отсылает нас к действию, характеризуя при этом определенный объект, обозначая динамически меняющийся признак.

Сочетание и взаимодействие категорий пассивности, темпоральности, модальности, аспектуальности, выраженных в причастии, обусловило его активное употребление в научно-техническом дискурсе, где при передаче информации важное место занимают логичность, емкость и краткость речи.

В дискурсе, определяемом как цельный и связный текст, актуализация которого детерминирована различными социокультурными факторами, отражены не только языковые формы высказываний, но содержится и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их "фоновые" знания, имплицитируются коммуникативные намерения и определяется социокультурная ситуация.

Научный дискурс имеет целенаправленный характер, а это означает для языка четкий отбор средств для его адекватного выражения. Поэтому, несмотря на неограниченные возможности языка в передаче разнообразной информации, научная коммуникация активно использует различные формы причастия для выражения различных типов отношений (причинных, условных, временных, таксисных и др.) важных для научного изложения.

Глава II. МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПРИЧАСТИЯ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Парадигма конструкций с причастием

Конструкции, в которых употребляются причастия, подразделяются на конструкции первичной и вторичной предикации.

Классификация конструкций производится на основе личного глагола синтаксического ядра, задающего набор синтаксических позиций (т.е. связанных с ним членов предложения) и определяющего способы их таксономического и морфологического оформления, выступающего, таким образом, как элемент, обладающий синтаксическими и морфологическими валентностями, которые непосредственно определяют структуру предложения [Долинина 1989: 17]. Глагол-сказуемое создает некую предикативную единицу, задающую существование предложения во времени, в объективной / субъективной реальности. Так как причастие в контексте выполняет функции, подчиняющиеся глаголу, то его характеристики (временные, таксисные, например) зависят от глагола. Глагольное ядро характеризуется различными взаимосвязями в отношении дополнений и обстоятельств, выраженных причастием [ССАЯ 1972: 44].

Парадигма конструкций с причастием I

- конструкции первичной предикации: *The permeability used was 100 m D (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.56);*
- конструкции вторичной предикации:
- сложное подлежащее и дополнение: *The previous decade has seen producers focusing on cost cutting (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.55;*
- каузативные конструкции: *These days it helps to not have people traveling, because everybody has pulled in their horns for security reasons (OGJ, Mar.31, 2003, p.15);*

- независимый причастный оборот: *With demand rising and depletion accelerating, the US needs more supply from more areas and more capacity to move the gas (OGJ, Oct. 6, 2003, p.17).*

Парадигма конструкций с причастием II

- конструкции первичной предикации: *Pawnee field, discovered in 1961, is producing 50 Mmcfd of dry gas (OGJ, Mar. 20, 2006, p.40);*

- конструкции вторичной предикации:

- каузативные конструкции: *Geo SCOUT's proprietary data management tools allow individuals and corporations to create on-line proprietary data-bases to augment the information provided with the geo SCOUT system (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.16););*

- сложное подлежащее и дополнение: *The prices of vehicle fuels seem destined to rise (OGJ, July 21, 2003, p.6);*

- независимый причастный оборот: *The exact solution produced still lower oil flow volumes, even with the wellbore fluid height maintained at zero (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.35).*

Парадигма конструкций с причастием I и причастием II, употребляемыми в рамках одной конструкции

- конструкции первичной предикации: *All of the example wells were completed using standard completion practices used by the company (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.57);*

- конструкции вторичной предикации:

- каузативные конструкции: *Six of the eight mergers GAO modeled led to price increases, averaging about 1-2 ¢/gal (OGJ, June 21, 2004, p. 29)*

- сложное подлежащее и дополнение: *Since the fraction of the surface covered with oil-wet film is expected to increase with aging time, increasing oil-wet behaviour with aging time is the expected trend (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.53).*

2.1.1. Языковая репрезентация конструкций первичной предикации

Конструкции первичной предикации подразделяются на семантические группы в соответствии с семантикой предиката в структуре предложения. Семантические отношения в языке определяются внутренней противоречивостью. С одной стороны, они характеризуются устойчивостью, с другой, большой подвижностью [Гак 1976: 73]. Значение языковых единиц рассматривается на трех уровнях: парадигматическом (отношения в парадигматических рядах и семантических группировках), синтагматическом (связь единиц с другими единицами в речи) и денотативном (отношении языковых единиц к обозначаемым ими элементами действительности). Значимость слов и грамматических форм зависит от их положения в парадигме, в семантическом поле, контекстуальных связей с другими единицами языка [Гак, 1976: 74]. Спектр глаголов, которые образуют конструкции с причастием, достаточно широк. Представляется возможным данные глаголы классифицировать следующим образом¹:

- экзистенциальные глаголы;
- посессивные глаголы;
- глаголы ментальной деятельности;
- глаголы речи;
- глаголы оценки;
- глаголы результирующей деятельности;
- глаголы движения;
- глаголы присоединения;
- глаголы, обозначающие изменение различных показателей;
- глаголы социальной активности;
- глаголы потребления;
- глаголы зрительного восприятия;
- фазовые глаголы.

¹ Основой послужили классификации Н.Д. Арутюновой, И.Б. Долининой, В.Б. Касевича, В.С. Храковского, В.А. Загородней, А.И. Варшавской, Т.А. Бударинной, Т. Givon, Ch.Fellbaum, A. Korhonen, T. Briscoe и других.

Самыми распространенными причастными конструкциями являются конструкции, образованные экзистенциальными, посессивными, ментальными глаголами, глаголами речи. Высок удельный вес конструкций с модальными глаголами. Перейдем к детальному рассмотрению данных конструкций.

Конструкции, образуемые экзистенциальными глаголами

В современной лингвистике бытийность рассматривается как семантическая категория, объединяющая различные варианты значений существования, бытия, наличия. Категория экзистенциальности предполагает наличие разнообразных разноуровневых средств, которые передают значение бытия, существования [Бондарко 1983: 41; см. также Лайонз, Арутюнова; Селиверстова; Сюткина]. Ядро ФСП экзистенциальности составляют глаголы «*быть*» (*to be*), «*существовать*» (*to exist, to subsist*), «*жить*» (*to live*). О.Н. Селиверстова к группе экзистенциальных глаголов относит также такие глаголы, как *происходить, случаться, иметь место*, которые локализуют события во времени [Селиверстова 1990: 15].

Глагол «*быть*» (*to be*) рассматривается в качестве бытийного глагола и в качестве глагола-связки, осуществляющего связь субъекта с характеризующим его атрибутом и образующего совместно с атрибутом предикат, и является одним из самых емких по своему значению бытийных глаголов [Сюткина 2004: 38]. Глагол *to be* употребляется в сочетании с одушевленными / неодушевленными, конкретными / абстрактными субъектами как самостоятельно, так и как часть составного сказуемого. В словарях глагол *to be* определяется следующим образом: *to exist* (MD); *to live, to remain to exist* (WD); *to be present, to exist* (OPG); *to have presence in the realm of perceived reality; exist; live* (CD).

Глагол *to exist* характеризуется широким спектром значений: выражает идею существования как таковую и используется в сочетании с субъектами одушевленными и неодушевленными, с лицами и не лицами, именами существительными абстрактными и конкретными [Сюткина 2004: 40]. В словарях данный глагол определяется как: *to be real or appear in the real world; to be present*

in a particular place, time or situation (MD); to have real being, to live (WD); to be real, to be present in a place or situation (OPG); to have being or reality; to be (CD). В конструкциях с глаголом *существовать* особый коммуникативный акцент делается на мысль о бытии в мире индивидуальных (единичных) объектов или классов объектов [Арутюнова 1999: 741].

Целью научного общения является процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, поэтому в исследуемом типе дискурса экзистенциальные конструкции имеют большой удельный вес и образуются следующими глаголами:

- *to be*: *These are parameters of the model that can be determined using the procedure presented in this paper (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.5);*

- *to exist*: *Only two other, more limited volume, transit routes exist: the Yamal-Europe pipeline through Belarus and the recently inaugurated Blue Stream, crossing the Caspian Sea to link Russia and Turkey (OGJ, Mar. 20, 2006, p.57).*

При этом обнаруживаются конструкции, в которых глагол *to be* функционирует как глагол-связка в составном сказуемом: *The permeability used was 100 m D (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.56), This plan is the second of three land use plans being developed for NPR-A (OGJ, Jan. 27, 2003, p. 28); The first is to rehabilitate an economy based almost solely on oil quickly enough to meet urgent needs (OGJ, Apr. 14, 2003, p.19).*

Подобные аналогии прослеживаются и в немецком научно-техническом дискурсе, в котором к собственно бытийным предложениям относятся предложения, образуемые глаголами *existieren* (*существовать, быть; жить*), *bestehen* (*существовать*), *vorliegen* (*иметься, существовать, быть налицо*), именное сказуемое *vorhanden sein* (*существовать, иметься*) [Шишкова, Родзиевская 1989: 140]. Причем на основе проведенного сравнительного исследования по употреблению экзистенциальных конструкций в научно-техническом и художественном дискурсах, исследователи делают вывод о том, что основной сферой функционирования собственно бытийных предложений является научно-технический дискурс, отражающий устройство материального

мира, его объекты, их свойства, отношения между ними [Шишкова, Родзиевская 1989: 140].

В английском языке значение экзистенциальности выражается прототипической конструкцией **TherePYLoc**, где **Y** – бытующий предмет, **P** – показатель бытия, **Loc** – область бытия и включает информацию о наличии **Y**-а в самых разнообразных видах пространств. Данная конструкция сообщает о наличии, нахождении **Y**-а в пространстве, причем необходимо учитывать не только вид пространств, но и характеристику **Y**, соответствующую его лексическому значению (относится ли **Y** к категории чувств, свойств, представлений, моментов времени, действий, событий, предметов и т.д.). Область бытия может быть фиксирована по пространственному и временному параметрам, причем, пространственное представление о мире является преобладающим для классических бытийных предложений [Арутюнова 1999: 742].

В данных конструкциях причастие как I, так и II употребляется в функции:

- определения к дополнению;
- определения к подлежащему;
- определения к второстепенным членам предложения;
- обстоятельства;
- определительного причастного оборота.

Конструкции, образуемые посессивными глаголами

Языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая отношение части и целого, представляет функционально-семантическая категория посессивности, отражающая наиболее существенные отношения между предметами обладания и человеком. Таким образом, категория посессивности охватывает большой участок концептуальной сферы и включает в себя ряд субкатегорий [Селиверстова 1990: 24; Вайсс 2004: 104; Сюткина 2004: 55]:

- собственно обладание – обладание материальными объектами, видами собственности, основанное на отношении отчуждаемой принадлежности;

- обладание частями и органами тела;
- обладание психическими, физическими, эмоциональными свойствами и качествами, характеризующими человека как личность, основанное на отношении неотчуждаемой принадлежности;
- обладание семейно-родственными, социальными, функциональными и другими отношениями, характеризующими «личную сферу» человека.

Для исследуемого дискурса наиболее характерной является субкатегория собственно обладания, которая представлена следующей трансформационной моделью: “**X has Y**”, где **X** – обладатель, а **Y** – предмет обладания, которым **X** имеет постоянное или временное право распоряжаться.

В данном типе конструкций присутствуют следующие глаголы обладания: *to have, to hold, to acquire, to possess, to receive*. Если глаголы *to have, to hold, to possess* безоговорочно включаются всеми исследователями в данный семантический класс, то оставшиеся глаголы включены в данный список по принципу изменения обладания и предыдущего или конечного состояния обладания [Fellbaum]. Таким образом, ядро ФСП посессивности будут образовывать глаголы *to have, to hold, to possess*, а глаголы *to acquire, to receive* будут находиться на периферии данного поля, отражая ситуацию динамического обладания.

Согласно словарным дефинициям глагол *to have* определяется следующим образом: *to own, to possess something; to receive something (LD); to own something, used for showing possession (MMD); to be in material possession of; own; to receive, take, or obtain (CD); The country has oil reserves exceeding 110 billion bbl largely undeveloped (OGJ, Apr. 14, 2003, p.19).*

Глагол *to hold* имеет следующее определение: *to have something (LD, MMD); to have the ownership, possession, etc., of (CD); Block 56, ..., holds reserves estimated at 3 tcf of gas Pagoreni and Mipaya fields discovered by Royal Dutch/Shell Group in the late 1990s (OGJ, June 21, 2004, p.8).*

Глагол *to possess* определяется следующим образом: *to own or to have something (LD, MMD); to have as one's property; own (CD); This Russian*

manufacturer producing oil and gas also possesses one of the largest extrusion presses in the world (OGJ, July 7, 2003, p.54).

Глагол *to acquire* имеет следующие словарные дефиниции: to get something by buying it (LD, MMD); to get or gain (something, such as an object, trait, or ability), esp more or less permanently (CD); *More than 40 proven drilling locations will be acquired along with all deep drilling rights on 38000 gross acres of leases (OGJ, Feb. 2, 2004, p.35).*

Глагол *to receive* определяется как to get something that someone gives or sends to you (LD, MMD); to take (something offered) into one's hand or possession (CD); *The UK's successful 22nd offshore and 12th onshore licensing round generated continuing international interest as applications were received June 4 for 4 innovative "Frontier" licenses, 42 "Promote" licenses, and 30 traditional licenses (OGJ, June 21, 2004, p.8).*

Конструкции с модальными глаголами

Как известно, основным способом выражения отношений между субъектом действия и действием в английском языке являются модальные глаголы. Употребление модальных глаголов в научной речи является подтверждением того, что модальное отношение устанавливается говорящим [Зверева 1983: 26]. Это распространяется и на случаи, когда речь идет об объективной необходимости или возможности, так как обоснование этой необходимости или возможности дается говорящим. Модальность является средством реализации предикативности, содержащим коммуникативную установку сообщения и тип субъектно-предикативной связи в суждении, обозначенном в предложении [Дешериева 1988: 41].

В рассматриваемых конструкциях специализированного научно-технического дискурса употребляются практически все модальные глаголы: *can (could), may (might), must, should, would*, которые передают отношение действия к реальности (возможность, нереальность, долженствование и т.д.).

Так, глагол *can* выражает способность, возможность, разрешение, сомнение и неопределенность (в вопросительных предложениях), невероятность (в отрицательных предложениях): *That flat portion can be analyzed using a Horner plot which can be used to verify the results obtained by type curve matching (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.58)*. В научно-техническом дискурсе для глагола *can* характерно значение возможности, вытекающей из наличия условий для осуществления действия или отсутствия препятствий для осуществления действия, выраженного инфинитивом, в сочетании с которым употребляется глагол *can* [Зверева 1983: 37]. Наличие условий или отсутствие препятствий вытекает из контекста: придаточное предложение причины или условия, указывающее на осуществимость действия, слова и сочетания (*from, on the basis*), обстоятельство образа действия, выраженного герундием или существительным с предлогом *by*, конкретизирующего способ осуществления действия.

Could, употребляясь чаще всего как форма прошедшего времени глагола *can*, выражает наличие или отсутствие возможности осуществления действия в какой-то момент в прошлом при наличии для этого соответствующих условий [Зверева 1983: 38]. В ситуациях настоящего времени *could* передает значение нереальности какого-то действия: *Further variation of wettability among samples could be quantified using the proposed method (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.54)*.

Модальный глагол *may* обозначает предположение, выражающее неопределенность, в русском языке данное значение можно выразить модальными наречиями «возможно» и «может быть». *Comments may be placed anywhere on the cross-section providing both field and office personnel with clear concise information (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.21)*. В исследуемом типе дискурса для глагола *may* наиболее характерно значение альтернативной возможности осуществления действия (равной возможности осуществления одного из двух вариантов), которое особенно четко проявляется при противопоставлении двух компонентов, выраженного союзами *while* или *but*

[Зверева 1983: 39]. Помимо значения альтернативности глагол *may* выражает также значение возможности, вытекающей из наличия условий для осуществления действия, которое характерно и для глагола *can* (особенно при наличии пассивного инфинитива), что позволяет в данном случае говорить о синонимичности модальных глаголов *can* и *may*.

Might выражает более вежливую форму глагола *may* или большую неопределенность. *Imports of the product, from refiners facing similar challenges, might not always be available in needed amounts (OGJ, July 21, 2003, p.6).*

Must обозначает обязательство, запрет в отрицании, предположение, выражающее возможность (в русском языке – вероятно, должно быть). Данный модальный глагол репрезентирует значение необходимости как логического вывода, вытекающего из определенных предпосылок. Данное употребление *must* является характерным для научно-технического дискурса [Зверева 1983: 30]. *The orifice plate must be centered in the orifice holding device so that centering adheres to the tolerance specified in Paragraph 6 (EDB, p.9).* Соотношение между предпосылкой и заключением о необходимости совершения действия может выражаться лексико-синтаксически, наречиями *therefore, so, thus, accordingly*.

Should выражает обязательство, необходимость, приобретающие в контексте дополнительное значение совета, предположение, выражающее возможность. *All orifice plates which are beveled should have the square-edged side stamped “INLET” or the beveled side stamped “OUTLET” (EDB, p.7).* В научно-техническом дискурсе глагол *should* приобретает менее категоричный оттенок необходимости, по сравнению с глаголом *must*, и большую степень субъективности.

Would выражает нереальность или ожидаемость по отношению к действию: *Similarly, and adding LNG suppliers from Iran, India’s dependence on Iranian natural gas would be limited to around 10 % of demand until 2017, increasing to roughly 20% in 2020 (OGJ Mar.20, 2005, p.59).*

Конструкции, образуемые глаголами ментальной деятельности

В данных конструкциях употребляются следующие глаголы и глагольные сочетания: *to consider, to suggest, to propose, to assume, to expect, to know, to study, to test, to examine, to infer, to plan, to project, to encompass, to focus, to control, to refer, to attribute, to investigate, to analyse, to organize, to reveal, to mean, to forecast, to decide, to check* etc.

Некоторые глаголы, имеющие иные значения, в контексте специализированного научно-технического дискурса приобретают значение ментальной деятельности: *to find* (to regard as being; consider (CD)), *to slate* (to plan or schedule (CD)), *to develop* (to think or to produce a new idea, product (OPG)), *to grasp* (to understand something completely (OPG)) etc. *It is generally considered that these are the most common types of measurement used in the gas processing industry; ... (EDB, p.6); Looking ahead, we expect a continuing strong demand for a number of reason (OGJ, Nov. 30, 1998, p.23); A simple method is proposed to detect “limited reservoir behaviour” (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.55); The innovators grasp the importance of the history within dusty files locked away in corporate vaults (OGJ, May 5, 2003, p.19).*

Конструкции, образуемые глаголами речи

Данные конструкции образуются следующими глаголами: *to say, to explain, to tell, to note, to reply, to report, to cite, to add, to thank, to warn* etc.: *The problem with managing data, he explained, is rooted in knowledge that is lost in the “ocean of data” and the company not being able to find “the golden nugget” of the data being sought (OGJ, June 2, 2003, p. 37); Traders expecting an increase in US oil inventories were told July 2 instead that crude and gasoline stocks fell during the week ended June 27 (OGJ, July 7, 2003, p.5); Stone also noted that the UBS forecast outlining a US rig count of 1200 rigs working by yearend “is beginning to look conservative” (OGJ, June 21, 2004, p.7).*

Конструкции, образуемые глаголами оценки

Данный тип конструкций образуется глаголами со значением оценивания, определения: *to define, to evaluate, to extrapolate, to average, to price, to cost, to peg, to determine, to set, to measure, to assess, to calculate, to account, to estimate* etc.: *The linear regression of the data points obtained from the literature was extrapolated to low Xcr numbers (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.47); The DOI assessment defined conventional resources as “crude oil, natural gas, and natural gas liquids that exist in conventional reservoirs or in a fluid state amenable to extraction techniques employed in traditional development practices” (UOGR, p.45).*

Конструкции, образуемые глаголами результирующей деятельности

К данному типу конструкций относятся глаголы с семантикой действия, включающей способы осуществления (уклонение), результат действия (отрицательный, положительный), механическое действие, производство.

Данные конструкции образуются глаголами: *to produce, to operate, to create, to drill, to penetrate, to obtain, to conduct, to establish, to base, to prepare, to assemble, to make, to construct, to perform, to fill, to remove, to collect, to confer, to bring into production, to add, to facilitate, to avoid, to maintain, to lose, to spoil, to retain, to limit, to minimize, to hazard, to protest, to ignore, to forswear, to play, to act* etc.: *Pluspetrol Peru Corp. SA operates the Camisea Natural gas project slated to come on stream by August (OGJ, Mar. 20, 2006, p.36); The largest of the seabed storage tanks offered is made of concrete and designed to hold up to 1 mil bbl of oil (OGJ, Nov.30, 1998, p.24).*

Конструкции, образуемые глаголами движения

Под глаголами движения понимаются глаголы со значение перемещения в пространстве, глаголы направления. Данный тип конструкций образуется следующими глаголами: *to move, to go, to arrive, to follow, to guide, to flow, to direct, to back* etc.: *A growing proportion of NGLS is being directed to domestic use spurred by a new wave of projects from both local and foreign investors (OGJ, June*

21, 2004, p. 21); *The question focusing on the United Nations moved to the centre of international politics even before coalition tanks rolled to the centre of Baghdad (OGJ, Apr.14, 2003, p.19); The dialog box for Solver™ guides the user through the process of selecting the spread sheet cells to be minimized, the cells containing the parameters and the constraints placed on each parameter (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.53).*

Конструкции, образуемые глаголами присоединения

В данных конструкциях употребляются глаголы с семантикой объединения, присоединения: *to integrate, to include, to comprise, to contain, to involve, to combine etc.: The data, processed on surface, will be integrated into reservoir models ... (OGJ, Apr.21, 2003, p.24); The design ... comprises topsides mounted by means of jackable legs on a seabed storage tank structure (OGJ, Nom.30, 1998, p.2); The gas-condensate field contains recoverable hydrocarbons estimated at 400 mil. bbl of condensate and NGLs and 34 tcf of natural gas (OGJ, Feb.23, 2004, p.8).*

Конструкции, образуемые глаголами, обозначающими изменение различных показателей

Данный тип конструкций может быть подвергнут дальнейшей рубрикации:

- **изменение:** *to differ, to vary, to substitute, to range etc.: The empirical analysis differ from the theoretical results for rectangular reservoirs bordered by no-flow boundaries (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.60); They range from leasing of the Arctic National Wildlife Refuge coastal plain to federally funded promotion of hydrogen as a vehicle fuel (OGJ, Feb.9, 2004, p.17);*

- **рост:** *to grow, to increase, to raise, to reach, to exceed, to climb, to rise, to jump etc.: Energy futures prices climbed ahead of the Mar. 31 meeting of the OPEC in Vienna as traders lost hope that the group might postpone a 1 mil b/d oil production cut planned for Apr.1 (OGJ, Apr.5, 2004, p.5);*

- **спад:** to fall, to cut, to decrease, to decline, to slump, to abate etc.: *Doing so will decrease the risk to our troops, reduce the resources demanded of America's tax payers, and increase the legitimacy of the effort (OGJ, June 2, 2003, p.36).*

Конструкции, образуемые глаголами социальной активности

Данные конструкции образуются следующими глаголами: *to contract, to vote, to sign, to support, to assist, to employ* etc.: *Petrobras ... contracted the use of the Noble Leo Segerius equipped with the new aluminum-alloy riser system for drilling wells offshore Brazil (OGJ, July 7, 2003, p.54); The Senate last month voted 67-29 to require a doubling of the amount of ethanol blended into gasoline by 2012 (OGJ, July 21, 2003, p.7).*

Конструкции, образуемые глаголами потребления

Для образования данного типа конструкций употребляются следующие глаголы: *to provide, to apply, to use, to employ, to utilize, to fuel, to pay, to spend* etc.: *Toreador, serving as the well's operator through wholly owned subsidiary Madison Oil Turkey Inc., will pay 75% of the well's costs (OGJ, June 21, 2004, p.34); Furthermore, sales gas currently fuels the production of about 13500Mw of power and 400 million gallons per day of desalinated water production (OGJ, June 21, 2004, p.21).*

Конструкции, образуемые глаголами зрительного восприятия

К данному типу конструкций помимо конструкций, образуемых глаголами зрительного восприятия, относятся конструкции, в которых предикат выражен глаголом с семантикой изображения, иллюстрации материала, так как действия, описанные этими глаголами, воспринимаются зрительно: *to observe, to see, to show, to describe, to display, to reflect, to illustrate* etc.: *Marko sees the biggest A&B uses of the internet reserved for selling prospects and for international property transactions (OGJ, Mar.31, 2003, p.15); Flow chart shown in figure 1 describes the calculation procedure adopted in this study (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.52).*

Конструкции, образуемые фазовыми глаголами

Данные конструкции образуются глаголами, обозначающими начало, продолжение или окончание действия:

- **начало**: *to begin* etc.: *Conocophillips began production of first liquids Feb.10 from Bayu-Undan field in the Timor Sea Joint Petroleum Development Area (JPDA) shared jointly by Australia and East Timor (OGJ, Feb.23, 2004, p.8);*

- **продолжение**: *to continue* etc.: *Saudi Aramco's steward ship role will continue with added scope and greater responsibilities (OGJ, June 21, 2004, p.22);*

- **окончание**: *to stop, to complete* etc.: *...the drilling was completed in Miandown field and had begun in Kome field with 5 rigs running there (OGJ, Feb.23, 2004, p.9);*

2.1.2. Языковая репрезентация конструкций вторичной предикации

Причастие в рассматриваемом типе дискурса употребляется в конструкциях вторичной предикации, которые представлены каузативными конструкциями, независимым причастным оборотом, сложным подлежащим и сложным дополнением. Причем, причастие может образовывать эти конструкции или же употребляться в этих конструкциях в роли второстепенного члена предложения. Таким образом, конструкции вторичной предикации представляется возможным подразделить на собственно и на несобственно причастные.

Известно, что **каузативность**, определяемая как универсальная категория, которая обладает неоднозначной семантикой, представлена широким набором средств выражения (лексических, синтаксических, морфологических) в разных языках [Аринштейн 1985; Воейкова 1996; Терешина 2008: 52]. Каузативность определяется как побуждение субъектом объекта к действию или изменению его состояния и свойств [Вялкова 1985: 38; Васильева 2007: 17; Богданов 1977: 81]. Наряду с каузативностью различают каузальность. Понятие «каузальность» обозначает закономерную связь причины и действия. Категория каузативности представляет вторичную ситуацию, отражающую факт влияния извне на первичную ситуацию, указывает на причинность ее возникновения [Долинина

1989: 26]. Таким образом, каузативность отражает сложную картину взаимосвязей между явлениями и объектами реальной действительности, которая находит отражение в человеческой мысли, а сама мысль фиксируется и материализуется в языковых формах [Васильева 2007: 18]. Ядро функционально-семантической категории каузативности составляют фактитивные, пермиссивные, прохибитивные глаголы, которые устанавливают отношения между каузирующим и каузируемым состоянием без уточнения самого характера воздействия: *заставлять (to make, to compel)*, *принуждать (to force)*, *побуждать (to induce)*, *позволять (to let)*, *разрешать (to allow, to permit)*, *запрещать (to prohibit)*, *препятствовать (to prevent)*, *требовать (to require)* и т.д. (см. А. Мустайоки, Н.Д. Арутюнова, А.М. Ааматов, Э.П. Васильева и др.). Наиболее распространенными являются предикаты с общим значением «распоряжение», «просьба», «совет» [Богданов 1977: 82]. Периферию данной категории составляют глаголы, выражающие одобрение, согласие, предложение: *предлагать (to offer)*, *соглашаться (to agree)*, *одобрять (to endorse)*.

Особенностью каузативных конструкций является указание на связь двух ситуаций, из которых одна каузирующая, а другая – каузируемая, при этом каузативный глагол не называет те действия, ту реальную ситуацию, которые явились средством каузации.

Одной из смысловых ситуаций, описываемых каузативными глаголами в научно-техническом дискурсе, является описание механических операций, в которых сообщается о проведении измерений, о создании и использовании различных устройств, перемещении или изменении объектов [Гречко 1985: 197].

В исследуемом типе дискурса частотными являются следующие каузативные глаголы: *to allow, to require, to lead, to drive* (to force into a specified attitude or state), *to permit, to cause, to prompt, to offer, to enable, to insist, to recommend, to agree*, а также фразовые глаголы: *to call on, to call for, to result in*. *The amount of associated gas declining by mid-1980s was caused by lower worldwide demand for oil (OGJ, June 21, 2004, p.18); The design and production of Noble's aluminum-*

alloy riser required detailed qualification (OGJ, July 7, 2003, p.54); Geo SCOUT's proprietary data management tools allow individuals and corporations to create on-line proprietary data-bases to augment the information provided with the geo SCOUT system (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.16).

Анализ словарных дефиниций позволяет выявить специфику выражения каузативного значения глаголами *to cause, to allow, to permit, to enable, to require*.

Глагол *to cause* передает нейтральное значение причинения: *The amount of associated gas declining by mid-1980s was caused by lower worldwide demand for oil (OGJ, June 21, 2004, p.18)*. Значение глагола *to cause* в словарях определяется как *to be the cause of (CD, T, MWD, FD), to make smth happen (OPG, MD, LD)*; в некоторых словарях отмечается значение принудительной каузации: *to compel by command, authority, or force (MWD, FD)*.

Глаголы *to allow, to permit* в словарях определяются как взаимозаменяемые и имеют общее значение *to let someone do or have something, or let something happen, to give one's consent, to consent to, give permission (LD, FD, T, MWD, MD)*. При этом указывается, что глагол *to permit* относится к официальному стилю: *formal: to allow something to happen, especially by an official decision, rule, or law (LD)*.

Глагол *to enable* определяется как синкретичный, сочетающий в себе значение модальности и каузативности: *to give someone the ability or opportunity to do something (MD, T); to make possible (FD, LD, MWD)*. В некоторых словарях глагол *to enable* определяется как синоним глаголов *to allow, to permit (T, MWD)*. В словаре «Мерриам-Вебстер» данный глагол имеет значение «*to cause to operate*»: *software that enables the keyboard*, а также «*to give legal power, capacity, or sanction to*»: *a law enabling admission of a state*.

Глагол *to require* имеет интенциональный характер: *to ask, force or order to do something, make someone do something (FD, T)*, совмещает значение экзистенциальности: *to be a necessary condition (FD)*.

Независимый причастный оборот употребляется для обозначения действия или конечного состояния, параллельных действию, выраженному предикатом,

которое в то же время приобретает адвербиальное значение и, таким образом, состоит в особых отношениях с главным предложением. Независимый причастный оборот может служить фоном для действия личного глагола, обозначать его причину, быть дополнительной информацией для главного предложения [Krylova, Gordon 2003: 233; Винокурова 1954: 196; NUEG 2003: 272]. Часто абсолютная конструкция в научно-техническом дискурсе содержит дополнительную информацию разъясняющего характера относительно метода эксперимента, анализа данных или метода ввода и применения формул, таблиц [Узойкин 1975: 131]. Помимо сообщения некоего дополнительного факта независимый причастный оборот сообщает о качестве или состоянии, которое не является постоянным, но важным и существенным в определенный момент, для условий исследования или эксперимента. Причем важное сообщение не нарушает основного плана повествования. Такое использование абсолютного оборота основано на отличительной особенности причастия представлять действие: причастие сохраняет движение, в то время как личный глагол ведет его к завершению, приводит высказывание к завершенности [Узойкин 1975: 131]. Данные конструкции иногда вводятся предлогом *with*. В исследуемом дискурсе глагол главного предложения представлен следующими глаголами: *to include, to guide, to recover, to produce, to follow* etc.: *The exact solution produced still lower oil flow volumes, even with the wellbore fluid height maintained at zero (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.35); The dialog box for Solver™ guides the user through the process of selecting the spreadsheet cells to be minimized, the cells containing the parameters and the constraints placed on each parameter (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.53).*

Вторично-предикативная конструкция **сложное подлежащее** отмечается с глаголами: *to find, to hear, to leave, to report, to see, to show* etc. Причастие I в данных конструкциях выражает незаконченное действие в процессе, одновременное действию личного глагола. В исследуемом дискурсе собственно причастные конструкции не являются частотными в отличие от конструкций с причастием, употребляемым в роли второстепенного члена предложения:

Production was expected to have resumed as soon as strong winds in the area abated, allowing technicians to inspect the damage and secure some loose equipment (OGJ, Jan.27, 2003, p.8); Saturated steam is assumed to be injected into the wellbore at high pressures, causing formation parting (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.34).

Вторично-предикативная конструкция **сложное дополнение** отмечается с глаголами зрительного и чувственного восприятия, ментальной деятельности: *The previous decade has seen producers focusing on cost cutting (JCPT, March 1998, v. 37, № 3, p.55); Moored in more than 2200 ft of water in Medusa field on Mississippi Canyon Block 582 in the Gulf of Mexico, the Medusa spar currently has the first of six initial wells flowing and tied back (OGJ, Feb.2, 2004, p.35).*

2.2. Типология межкатегориальных связей причастия

Причастие, являясь неличной формой глагола, унаследовало глагольные категории времени, залога, аспектуальности, таксиса. В исследуемом типе дискурса отмечены конструкции, в которых употребляется причастие I, причастие II, а также конструкции совместного употребления причастия I и причастия II. Все эти конструкции характеризуются многообразием межкатегориальных связей.

2.2.1. Межкатегориальные связи причастия I

Причастие I в исследуемом дискурсе употребляется в **конструкциях первичной предикации**, образуемых посессивными, экзистенциальными глаголами, в конструкциях с модальными глаголами, конструкциях, образуемых глаголами речи, ментальной деятельности; в **конструкциях вторичной предикации**: каузативных конструкциях, в конструкциях сложное подлежащее и дополнение, независимый причастный оборот.

В посессивных конструкциях наряду с посессивными глаголами *иметь (to have), обладать (to own)*, указывающими на длительную посессивную связь, отмечаются предложения с глаголами *приобрести (to acquire), получить в наследство*, которые описывают начало обладания.

Как отмечалось ранее, посессивные конструкции представлены следующей трансформационной моделью: “**X has Y**”, где **X** – обладатель, а **Y** – предмет обладания, которым **X** имеет постоянное или временное право распоряжаться.

В данных конструкциях в исследуемом типе дискурса расширение структуры происходит за счет препозитивного причастия к субъекту обладания, определительного причастного оборота к объекту обладания, а также за счет причастных оборотов к второстепенным членам предложения.

Имя объекта обладания **Y** допускает постпозитивное расширение за счет причастия **I**, которое вносит дополнительную информацию о посессоре, и тем самым придает конструкции статус сложно-подчиненного предложения: *The country has oil reserves exceeding 110 billion bbl, largely undeveloped (OGJ, Apr.14, 2003, p.19). Компания имеет ряд офисов, расположенных в различных частях Кумая (ShenKai).* Такие конструкции становятся характеризующими.

В зависимости от семантических показателей (артикуль) и от семантики лексики, заполняющей позицию **Y**, посессивные конструкции могут выражать временное обладание. Так, например, в предложении: *The country has oil reserves exceeding 110 billion bbl, largely undeveloped (OGJ, Apr.14, 2003, p.19),* выражается обладание вообще, а в конструкции: *This unfortunate action has had a deleterious effect both on Venezuela’s credit ration and economic recovery, but also the commercial and investment interests of US companies already operating in Venezuela and those interested in establishing economic links with our country (OGJ, June 2, 2003, p.36)* присутствует значение временного обладания.

В посессивных конструкциях в английском языке отрезки времени, локализирующие действие личного глагола и причастия, как правило, совпадают, но действие причастия может предшествовать действию, выраженному личным глаголом, на что указывает обстоятельство времени – наречие (*already*) или дата. Действие причастия неопредельно, длительно. *FERC also has evidence of shady communication by employees of other companies trading California energy during October 2000 and June 2001 (OGJ, Apr. 7, 2003, p.19).* В данном примере

действие причастия длительно, предельно, динамично и предшествует действию личного глагола, локализованного в настоящем.

В сложносочиненных предложениях синтаксическая структура посессивной конструкции, усложненная двумя личными глаголами и причастием, актуализирует межкатегориальные связи внутри ее семантической структуры. Личные глаголы главного и придаточного предложений и причастие связаны временными, таксисными, аспектуальными отношениями. *The first unit of Excelsior's Mesaba energy project will have a net output capacity of 532 Mw of electricity and will feature ConocoPhillips' E-gas technology which converts coal, petroleum coke and other low-grade feedstocks into synthesis gas containing hydrogen and removes most pollutant forming impurities, including mercury from coal (OGJ, June 21, 2004, P.9).* Личный глагол главного предложения локализован в будущем, глагол придаточного предложения – в настоящем. Причастие, употребляясь в придаточном предложении, имеет с ним более тесную связь и выражает одновременность действий. Следовательно, действие, выраженное причастием, предшествует действию, выраженному личным глаголом главного предложения.

В посессивных конструкциях употребляются причастия с семантикой социальной активности, движения, результирующей деятельности, экзистенциальные причастия и др. (*supporting, trading, going, operating, exceeding, remaining, containing, existing* etc.).

Посессор в данном типе конструкций выражается:

- существительными, обозначающими организации, людей: *staff, investors Egan, Ice Energy Ltd., FERC*;
- абстрактными существительными: *dispute, action*;
- другими существительными: *site, unit, country*.

Объект обладания выражается:

- абстрактными существительными, существительными состояния: *evidence, effect (состояние), influence, service, links*;
- физическими существительными: *lands, caverns, oil reserves*.

Семантика имени посессора в значительной степени влияет на смещение семантического фокуса конструкции в целом. Имя **X**, выраженное неодушевленным существительным *the country*, способствует ослаблению значения посессивности. Формальный обладатель *the country* воспринимается в большей степени в качестве локализатора, передающего пространственные характеристики объекта обладания, референтно тождественного объекту бытия, наличие (существование) которого обусловлено действием причастия I [Сюткина 2004]. Значение посессивности ослабевает за счет усиления значения экзистенциальности. *The country has oil reserves exceeding 110 billion bbl, largely undeveloped (OGJ, Apr.14, 2003, p.19)*

Таким образом, причастие I в посессивных конструкциях реализует аспектуальные (динамичность, длительность, предельность / неопределенность) и таксисные характеристики (предшествование и одновременность).

Экзистенциальные конструкции с причастием I в исследуемом типе дискурса представлены следующими моделями: прототипической конструкцией **There PY (Loc)** и производной от нее **Y P X**, где **P** – показатель бытия, **Y** – бытующий предмет, **X** – характеристика или описание бытующего предмета.

В конструкции **This (there) PY (Loc)** причастие выступает в качестве пост- и препозитивных распространителей бытующего предмета, выраженного неодушевленным существительным. *In the Western Canadian basin there are often sufficient analogous wells producing from equivalent facies in an area to establish a statistically correlatable reserve base (JCPT, March 1998, V.37, № 3, p.55). There are no moving parts in the orifice (EDB, p.6). Разработка месторождения природных битумов (запасы которого только в Татарстане составляют более 8 млрд. тонн), содержащих значительное количество редкоземельных металлов, смолы, и др., является важной народно-хозяйственной задачей (Ниб, Т.5, с.1460).*

В исследуемом типе дискурса в экзистенциальных конструкциях употребляется причастие I в индефинитной форме, преимущественно в активном залоге.

При определении межкатегориальных связей причастия необходимо учитывать его связь с личным глаголом, с которым причастие связано темпоральными и таксисными отношениями. Причастие выступает только в зависимом таксисе из-за отсутствия категории абсолютного времени (выражает только относительное время).

Так, в данных конструкциях причастие взаимодействует с личным глаголом по категории таксиса, выражая одновременное действие. Конструкции являются монотемпоральными. Причастие в функции определения характеризует бытующий предмет, его изменения в динамике.

Отмечаются немногочисленные примеры конструкций с придаточным временем: *This is especially true when meters are used with direct reading charts, or when integrating meters with such charts are used (EDB, p.11)*. В данном случае конструкция приобретает статус полипредикативного комплекса, где источником межкатегориальных связей причастия являются два взаимосвязанных личных глагола главного и придаточного предложений.

В конструкции, где один личный глагол является абсолютным, а второй зависимым, глаголы связаны по временной линии, выражая одновременные / неодновременные действия. Вопрос соотношения событий в главном и придаточном предложениях затрагивает категорию таксиса, тесно взаимодействующую с категорией времени, поскольку любое действие рассматривается относительно другого действия или момента речи и локализуется в определенном временном отрезке. Темпоральные отношения действий, которые выражают одновременность / неодновременность (предшествование / следование) обусловлены аспектуальными характеристиками глаголов (предельность / неопределенность, длительность, статичность). *This is especially true when meters are used with direct reading charts, or when integrating meters with such charts are used (EDB, p.11)*. Абсолютная форма *to be* (is) локализует действие в настоящем времени, относительная форма *to be* (are used) помещается в такой же временной отрезок, выражая одновременность действий главного и придаточного предложения. Кроме того, одновременность действий

усиливается союзом *when*, указывая на осуществимость одного действия при наличии другого. Причастие I в индефинитной форме выражает одновременное действие действию личного глагола придаточного предложения, и, следовательно, одновременность действию личного глагола главного предложения. Действие, выраженное причастием, неопределенно, длительно.

Экзистенциальная конструкция **Y P X**, образуемая от прототипической **There PY (Loc)**, характеризуется заменой местоимения **there** существительным (одиночным существительным, существительным с определением или придаточным предложением): *Reference is the only study concentrating on the applicability of the pseudo-steady-state method for horizontal injection wells (JCPT, March 1998, V.37, №3, p.25); The general completion design is a stacked-sand control configuration with mechanical isolation assemblies separating the zones during completion (OGJ, Apr.21, 2003, p.43); Beginning in the 1980s investors were increasingly skeptical about the return on investment potential of the petroleum business compared to the S&P 500 index (JCPT, March 1998, V.37, №3, p.55).*

В данном типе конструкций отмечается причастие в функциях обстоятельственного и определительного придаточного оборота к **Y**, определительного придаточного к **X**, придаточного к второстепенным членам предложения: *While working as director general for energy and raw materials at the Ministry of Industry, Mandil was instrumental in convincing a previously reluctant France to become a member of IEA in 1991 (OGJ, Jan.27, 2003, p.7); This plan is the second of three land use plans being developed for NPR-A (OGJ, Jan.27, 2003, p.28).*

Темпоральные характеристики причастия I в атрибутивном употреблении определяются его соотношением с личным глаголом – сказуемым и с обстоятельствами времени. Причастие I, образованное от любых переходных и непереходных глаголов, является причастием одновременного действия действию личного глагола. Причастие I, выражающее признак, проявляющийся в действии, одновременном с действием личного глагола, указывает на этот признак как на относящийся к настоящему времени или к прошедшему времени, или как на признак, постоянно присущий данному предмету.

Аналогичные взаимосвязи (одновременность действий, выраженных причастием и личным глаголом) прослеживаются в конструкциях русского языка: *Подразделениями основного производства УБР (Управление буровых работ) являются центральные инженерно-технологические службы (ЦИТС), районные инженерно-технологические службы (РИТС), управляющие работой буровых бригад (ББ), а также вышкомонтажный цех (ВМЦ) и цех опробования скважин (ЦОС) (НВ 2007, №2, с.30).*

В английском языке в экзистенциальных конструкциях употребляется причастие I в пассивном залоге: *This plan is the second of three land use plans being developed for NPR-A (OGJ, Jan. 27, 2003, p.28).* Личный глагол *to be (is)* задает временной план настоящего, причастие выражает одновременное действие. При употреблении пассивного залога происходит сдвиг пресуппозиционного значения, который связан с изменением интенции. Центром высказывания становится партиципant, подвергшийся воздействию извне [Долинина 1978: 165].

Временные значения, реализуемые причастием, определяемые как таксисные значения пассивного причастия I, образованного от предельных переходных глаголов, в функции определения характеризуются как значения одновременности с действием личного глагола, которое чаще всего связано с настоящим. *The speed of the rotor is proportional to the volume of gas being passed within the range of the meter (EDB, p.6); There is considerable variation in the technology transfer methods being employed in the various projects and the degree to which technology transfer is occurring (MOP, p.29).*

Отмечаются случаи употребления нескольких неличных форм в рамках одной структуры: *While working as director general for energy and raw materials at the Ministry of Industry, Mandil was instrumental in convincing a previously reluctant France to become a member of IEA in 1991 (OGJ, Jan.27, 2003, p.7).* Предложение относится к прошедшему времени, на что указывает личный глагол *to be (was)* и обстоятельство времени *1991*. Причастие, образованное от неопределенного глагола, обозначает одновременность действию личного

глагола, длительность и динамичность, выделяемые союзом *while*. Действие, выраженное инфинитивом, помещается в будущее, что позволяет говорить о таксисном значении следования. Аспектуальные значения обусловлены семантикой инфинитива и определяются как однократность и результативность. Таким образом, представляется возможным сделать вывод о противопоставлении причастия I и инфинитива по линии таксиса (одновременность – следование) и аспектуальности (длительность, динамичность, неопределенность – однократность, результативность, определенность).

В экзистенциальных конструкциях значение экзистенциальности может переплетаться со значением каузативности: *A number of drafting scales are available, allowing the creation of vertical exaggeration (JCPT, March 1998, v37, №3, p.21); Log AXXSES® is the ideal software solution for petroleum organization requiring a complete log management system or a simple log retrieval process (JCPT, March 1998, v37, №3, p.21).* Важным этапом на пути достижения этой цели является внедрение опыта и бизнес-процессов, позволяющих существенно повысить эффективность устранения последствий негативного воздействия на окружающую среду (Новатор 2006, № 8, с.14). Причастие в таких конструкциях является определением характеристики бытующего предмета. Временное значение причастия зависит от личного глагола и определяется как одновременное действию личного глагола. Аспектуальные характеристики причастия, образованного от неопределенных глаголов *to allow, to require, позволять*, проявляются в длительности, неопределенности.

Итак, анализ межкатегориальных связей причастия I в экзистенциальных конструкциях в специализированном научно-техническом дискурсе позволяет установить взаимосвязь причастия I с личным глаголом по временной оси таксисным значением одновременности. При этом, причастие I может выступать только в зависимом таксисе, обнаруживая двойную зависимость (от личного глагола главного и придаточного предложений) в сложноподчиненных предложениях. На основе анализа выделяются следующие группы причастия I, употребляемые в экзистенциальных конструкциях в специализированном научно-

техническом дискурсе: причастия движения, результирующей и ментальной деятельности, объединения, потребления, фазовые, каузативные, экзистенциальные, посессивные причастия и др. (*moving, growing, flowing, passing, operating, producing, working, defining, concentrating, assuming, representing, containing, using, beginning, allowing, requiring, offering, existing, taking* etc.)

В специализированном научно-техническом дискурсе причастие I употребляется в **конструкциях с модальными глаголами**: *All Congress can do about gas prices without making things worse is hope for warm winter weather (OGJ, July 21, 2003, p.17); Imports of the product from refineries facing similar challenges, might not always be available in needed amounts (OGJ, July 21, 2003, p.16)*. Модальность выражает оценку со стороны говорящего степени познанности связей, наличных в той или иной ситуации, то есть указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию [Ромашова 2003: 59], что играет важную роль при описании действительности в научно-техническом дискурсе.

В данных конструкциях причастие выступает в функции определительного и обстоятельственного оборота.

В функции определительного оборота причастие употребляется в конструкциях со следующими модальными глаголами: *would, might, may, should, could, can*. *Then lawmakers wouldn't have to reassume in just a few years the unbecoming posture in which they find themselves now, groping in panic for solutions to problems (OGJ, July 21, 2003, p.6). Similarly, and adding LNG suppliers from Iran, India's dependence on Iranian natural gas would be limited to around 10% of demand until 2017, increasing to roughly 20% in 2020 (OGJ, Mar. 20, 2005, p.59)*.

Глагол *would* передает значение нереальности, желательность, но не осуществимость по отношению к действию, что на русский язык передается сослагательным наклонением. Аспектуальные характеристики причастия зависят от семантики глагола. Причастие *adding*, образованное от глагола двойственного видового характера, несмотря на индефинитную форму, в данном контексте выражает предельность, завершенность действия, причастие

increasing, образованное от неопределенного глагола, передает длительность, динамичность действия. По линии таксиса в первом случае причастие обладает значением предшествования, во втором – следования, выражая причинно-следственные отношения.

Отмечаются двухчленные и трехчленные залоговые модальные конструкции с причастием – без агенса действия и с агенсом действия, выраженным причастием I: *Depending on the nature of the problem being solved, the objective function may be defined differently* (JCPT, March 1998, v37, №3, p.52). Отсутствие агенса действия объясняется тем, что в пассивных конструкциях на первый план выдвигается само действие и его объект. Неназывание агенса обусловлено несколькими причинами, основными из которых являются неизвестность деятеля или его необязательность для сообщения [Кузнечик 1975: 69].

В трехчленных пассивных конструкциях агенс действия является дополнительной характеристикой объекта действия. В исследуемом нефтяном дискурсе в залоговых конструкциях с причастием I агенс действия обозначает компании или организации и вводится предлогом *by*: *US oil and gas companies may get more leasing opportunities in the National Petroleum Reserve – Alaska under a series of proposals being reviewed by the Department of the Interior's Bureau of land Management* (OGJ, Jan, 27, 2003, p.28).

В модальных конструкциях с глаголом *may* реализуются значения возможности, вероятности, разрешения, что аналогично конструкциям с модальным глаголом *can*. В модальных конструкциях данного типа действие инфинитива результативно, что связано с предстоящим событием. В причастии реализуется значение одновременности действию, выраженному комплексом модальный глагол плюс инфинитив, определяемое как таксисное значение пассивного причастия I в функции определения. Действие причастия I нерезультативно, длительно и отмечается с неопределенными глаголами. Залоговые конструкции с причастием I с семантической точки зрения делятся на пассив акциональный или процессуальный и пассив состояния, при котором

действие, претерпеваемое пациенсом превратилось в его свойство [Петунина 1980: 152; Львов 1985: 83; Гаврилова 1978: 206; Долинина 1978: 165 и др]. В данном типе дискурса активно употребляется акциональный пассив, который представлен причастиями *developing, reviewing, solving* etc.

В русском языке отмечаются конструкции с модальными глаголами *следует, должен, мочь, позволять*, в которых причастие выражает признак, присущий предмету вне времени: *Такие месторождения следует эксплуатировать в особых режимах, предусматривающие наиболее эффективный вынос конденсата (Твоя компания, 2006, № 09, с.12); Должны сформироваться рыночные сегменты, что означает наличие соответствующих мощностей, обеспечивающих качественные услуги по адекватным ценам, и наличие гарантий, что спрос ТНК-ВР будет удовлетворен рынком (НВ 2007, №2, с.7).*

В английском языке в конструкциях с модальными глаголами в функции обстоятельства употребляется причастие в активной форме. Выявлены случаи причастия I в функции обстоятельства образа действия и времени, причем наиболее употребительными являются первые: *A rig capable of drilling in 4000 ft of water now can work in 6500 ft of water without requiring capital upgrades (OGJ, July 7, 2003, p.54); When determining reserves, if gentle increase in slope occurs the deterioration may not be severe enough to use material balance methods to determine the size of producible reserves (JCPT, March 1998, v37, №3, p.60).*

В конструкциях с глаголом *can* происходит сдвиг в его модальном значении – значение физической способности заменяется значением возможности. *All Congress can do about gas prices without making things worse is hope for warm winter weather (OGJ, July 21, 2003, p.17).* Содержательные сдвиги в значении модального глагола *can* являются вторичными к указанным общесодержательным сдвигам, наслаивающимися на них [Пушина 2000: 82]. Как известно, модальные глаголы не отражают процесса как такового и его свойств, они лишь комментируют пропозицию. Модальный глагол *can* указывает на возможность осуществления данного действия субъектом.

Действие инфинитива рассматривается либо как потенциальное неопределенно длительное, либо как потенциальное результативное. Действие причастия I, образованного от глагола двойственного видового характера, может быть интерпретировано двояко, так же как и действие инфинитива: длительное или результативное. (*Все, что Конгресс может делать, не ухудшая ситуации, – это надеяться на теплую зиму. Все, что конгресс может сделать, не ухудшая ситуации, – это надеяться... Все, что Конгресс может сделать, не ухудшив ситуации, – это...*).

В модальных конструкциях в функции обстоятельства причастием I реализуется таксисное значение одновременности действию, выраженному комплексом модальный глагол плюс инфинитив. *A test time can be set using the radius of investigation equation assuming an approximate permeability (JCPT, March 1998, v37, №3, p.55); And, looking father out, either the NEGP or the 15 bcm/year Dutch Interconnector project could supply the UK with Russian gas to cover future shortfalls (OGJ, Mar.20, 2006, p.58).* Действие причастия I, образованного от неопределенных глаголов, всегда одновременно действию, выраженному комплексом модальный глагол плюс инфинитив. По своим аспектуальным характеристикам действие причастия длительно, статично, неопределенно. Действие причастия, образованного от глаголов двойственного характера, квалифицируется как длительное действие, достигшее предела: *From this point, inventories would normally fall until the start of September, on average falling by about 20 million bbl from a base of around 217 million bbl (OGJ, July 7, 2003, p.5).*

Разновидностью конструкций с модальными глаголами в исследуемом дискурсе являются конструкции с придаточным условия: *If an approximation of the above equation had to be made, one could imagine a long rectangular cylinder producing oil from the well in the centre (JCPT, March 1998, v37, №3, p.32).* По типу зависимой части – условия – придаточного предложения условия - *If an approximation of the above equation had to be made ...* - вся условная конструкция соответствует второй условной конструкции, в которой выражается

нереальность (невыполнимость) по отношению к действию. В главной части сложноподчиненного предложения действие причастия I одновременно действию, обозначенному комплексом модальный глагол плюс инфинитив. Действие причастия длительно, неопределенно. В данном случае кондициональные значения связаны с темпоральными, таксисными значениями (одновременность), модальными значениями нереальности, невыполнимости.

В специализированном научно-техническом дискурсе в конструкциях с модальными глаголами выявлены следующие семантические классы причастия: ментальной и результирующей деятельности, потребления, движения, зрительного восприятия, объединения, экзистенциальные причастия, причастия, обозначающие изменения показателей и др. (*solving, assuming, debuting, reviewing, emphasizing, indicating, making, using, providing, following, looking, involving, being, existing, varying, increasing etc.*).

В конструкциях, образуемых **глаголами речи**, причастие I отмечается в функции обстоятельства образа действия или сопутствующих обстоятельств. Как правило, в исследуемом типе дискурса такие конструкции являются конструкциями косвенной речи: *“The seasonal build in (US gasoline) inventories came to an end 3 weeks earlier than normal”, he said, referring to EIA data(OGJ, July 7, 2003, p.5); Time management also comes into play when handling data, Millheim said, estimating that roughly 50-80% of a petroleum engineer’s time is spent handling data and other well information (OGJ, June 2, 2003, p.37).* «Ученые столкнулись с настоящим парадоксом, так как господствующая теория в геофизике утверждает, что только верхняя мантия участвует в рециклинге тектонических плит, - говорит Гоннерманн. – До недавних пор ученые придерживались этой точки зрения благодаря тому, что в океанических островных базальтах, представляющих собой вулканические породы, зафиксирована относительно высокая концентрация благородных газов» (Геофизики).

В данных конструкциях причастие I в функции обстоятельства реализует таксисное значение одновременности действию личного глагола, если оно образовано от неопределенного глагола, и предшествования, если причастие

образовано от предельного глагола или глагола двойственного видового характера. Действие неопредельного причастия – длительно, нерезультативно. Действие предельного причастия – однократно, результативно. Семантика глагола, образующего причастие, играет значительную роль при формировании аспектуальных и временных характеристик причастия. В рамках одной структуры причастия ведут себя по-разному. Так, в примере: *Time management also comes into play when handling data, Millheim said, estimating that roughly 50-80% of a petroleum engineer's time is spent handling data and other well information* причастие I выступает в функции обстоятельства. Стоит отметить, что все причастия имеют одинаковую форму – Indefinite. Но причастие *handling*, образованное от неопредельного глагола, выражает длительное, нерезультативное действие, тогда как причастие *estimating*, образованное от предельного глагола, выражает однократное, результативное действие, ограниченное пределом.

В конструкциях, образуемых глаголами речи, употребляются причастия речи, движения, ментальной деятельности, объединения, потребления, причастия, обозначающие изменения различных показателей, и др. (*saying, adding, responding, going, leaving, regarding, representing, referring, involving, ranging, using* etc.).

Помимо конструкций первичной предикации причастие I употребляется также в конструкциях вторичной предикации – каузативные конструкции, абсолютный причастный оборот, сложное подлежащее и сложное дополнение.

В каузативных конструкциях отмечаются причастия со значением объединения, потребления, изменения показателей, движения, экзистенциальные, посессивные причастия и др. (*giving, combining, consuming, rising, traveling, slowing existing* etc.), которые выполняют функции определения и обстоятельства и употребляются в форме Indefinite в активном залоге: *Though common in deepwater and remote applications, subsea completions require additional interfacing when combining subsea controls and intelligent completion technology* (OGJ, Apr. 21, 2003, p.42).

Глагол *to require* передает значение неопределенности. Причастие I в функции обстоятельства времени выражает длительность, нерезультативность, усиливаемые союзом *when*. Временная отнесенность причастия обусловлена временем личного глагола. Действие причастия и действие личного глагола локализованы в рамках настоящего времени. Взаимоотношение личного глагола и причастия характеризуется как таксисно одновременные действия.

В русском языке в конструкциях, образуемых глаголом *требовать*, причастие и личный глагол также взаимодействуют по линии таксиса как одновременные действия: *Наряду с использованием специальных методов в комплексе ГИС требуются технологии интерпретации, учитывающие влияние вышеперечисленных факторов* (Ниб, Т.5, с.1452).

Отмечаются каузативные конструкции, образуемые глаголом *to have*: *These days it helps to not have people traveling, because everybody has pulled in their horns for security reasons* (OGJ, Mar.31, 2003, p.15), *Unstable foreign oil production and record oil prices may have consumers slowing down on the roads of America* (OGJ, June 21, 2004, p.27). Причастие I в данном типе конструкций обозначает длительное, неопределенное действие, одновременное действию, выраженному личным глаголом. Каузативное значение может быть осложнено значением модальности. Модальный глагол *may* реализует модальное значение возможности, вероятности. Такие конструкции также употребляются в придаточных предложениях: *A number of participants emphasized that better data and more rigorous reporting are needed and suggested that there is a need for better dialogue between oil-producing and -consuming nations, which would allow consuming nations to clarify the implications of their national energy policies* (Trends, p.10).

Как было заявлено ранее, в исследуемом дискурсе отмечаются несобственно каузативные конструкции, образуемые каузативными причастиями (например, с главным глаголом ментальной деятельности): *The government is contemplating proposals calling for manufacturing facilities to produce polyethylene products* (OGJ, June 21, 2004, p.7). Употребление личного глагола в Present Continuous передает длительность, протяженность действия во

времени. Действие причастия, образованного от неопределенного глагола, выражает длительное, статичное действие. Длительность и неопределенность действий личного глагола и причастия усиливает процессуальность всей конструкции.

Каузативные конструкции выступают в роли главного предложения в сложносочиненных предложениях, где придаточное предложение выражено абсолютным причастным оборотом: *The analyst reckons floater developments over the next 5 years will require a combined capital outlay of more than \$ 70 billion, with annual spending on floater projects rising from \$ 10.7 billion in 1998 to almost \$ 19 billion in 2002 (OGJ, Nov. 30, 1998, p.23).* Абсолютный причастный оборот в функции обстоятельства является уточнением главного предложения. Действие, выраженное личным глаголом придаточного предложения, локализуется в будущем. Причастие I обозначает динамичное, длительное, предельное действие. Предел в данном случае выражен контекстом *to \$ 19 billion in 2002*. Действия личного глагола и причастия по таксисной линии связаны значением одновременности. По линии аспектуальности эти отношения выражают длительность – наступление факта как предела длительности.

В абсолютных причастных оборотах причастие I употребляется в индефинитной форме в активном залоге и вводится предлогом *with*. Случаи употребления причастия I в пассивном залоге – единичны. В основном в таких конструкциях отмечаются причастия следующих семантических групп: изменения, движения, оценки, социальной активности, потребления, экзистенциальности и др. (*falling, dropping, rising, going, shaping, accelerating, accounting, governing, using, being* etc.).

The API reported US oil inventories fell by 2.1 mil bbl to 278.5 mil bbl in that period, with gasoline stocks dropping by 2.3 mil bbl to 207.9 million bbl (OGJ, July 7, 2003, p.5); The thickness of the orifice plate at the orifice edge shall not exceed: a) 1/30 of the pipe diameter, D; b) 1/8 of the orifice diameter, d, c) 1/4 of the dam height, (D-d)/2, the minimum of these requirements governing in all cases (E.D.B. p.7).

Абсолютный причастный оборот отмечается в функции обстоятельства:

- сопутствующего действия: *With demand rising and depletion accelerating, the US needs more supply from more areas and more capacity to move the gas (OGJ, Oct.6, 2003, p.17); Oil shale resources are large, with the United States having approximately 1,200 billion bbl of resources (Trends, p.15);*

- причины: *But with output from 2 producers now being highly uncertain, the task of the OPEC-9 is to swing their production so as to offset the random production swings of the unreliable OPEC-2 (OGJ, Jan.27, 2003, p.5).*

В анализируемом типе конструкций в абсолютном причастном обороте в функции обстоятельства сопутствующего действия причастие I реализует таксисное значение одновременности. Действие личного глагола и действие причастия локализованы в одних временных рамках (в настоящем или прошедшем, в зависимости от времени личного глагола). Действие причастия I длительно, непрерывно, неопредельно. *With demand rising and depletion accelerating, the US needs more supply from more areas and more capacity to move the gas (OGJ, Oct.6, 2003, p.17). A number of projects are in place that will increase the production of oil, and IEA envisions a moderation in price increases by 2010, with real prices increasing after 2030 (Trends, p.6).* Причастие I выражает значение начинательности (*after 2030*). Абсолютная конструкция репрезентирует комплексное восприятие связей и отношений. Так, значение сопутствующих обстоятельств комбинируется со следственным, пояснительным и присоединительным значением. Данная связь проявляется при четко выраженном смысловом значении с помощью наречий времени, указывающих на отношение между частями предложения [Узойкин 1975: 132].

Абсолютный причастный оборот при обозначении второго действия, параллельного действию и состоянию личного глагола, приобретает адвербиальное значение и состоит в особых отношениях с главным предложением. Как правило, такие конструкции употребляются для описания второстепенного действия, которое является фоном для действия личного глагола, или уточнения утверждения главного предложения: *Distillate stocks increased by 1.5 million bbl to 109.8 million bbl, with heating oil accounting for most*

of that gain (OGJ, June 21, 2004, p.5). Причастие связано с главным глаголом по таксисной линии одновременности. Личный глагол локализован в прошедшем, следовательно, временной план причастия – прошлое. Действие причастия – однократно, предельно.

Данный тип конструкций (абсолютный причастный оборот) отмечается в конструкциях косвенной речи: *The API reported US oil inventories fell by 2.1 million bbl to 278.5 million bbl in that period, with gasoline stocks dropping by 2.3 million bbl to 207.8 million bbl (OGJ, July 7, 2003, p.5); The US Energy Information Administration said US gasoline inventories plunged by 3.2 million bbl to 205 million bbl during the week ended June 27, with crude stocks falling 2.1 million bbl to 282.1 million bbl (OGJ, July 7, 2003, p.5).* Как явствует из примеров, действие может быть локализовано в прошедшем, на что указывают цифровые данные (*by 2.1 million bbl, to 205 million bbl*) и наречия времени (*in that period, during the week ended June 27*). Действие личных глаголов – длительно, динамично и результативно. В данных конструкциях причастие I реализует таксисное значение одновременности действию личного глагола. Действие причастия I характеризуется как длительное, динамичное, достигшее предела (*by 2.3 million bbl to 207.8 million bbl*).

Другой подтип, выделяемый в абсолютном причастном обороте, это – абсолютный причастный оборот в функции обстоятельства причины: *Indeed, further development delays for Norway's future portfolio of fields have already become apparent, with Norsk Hydro AS recently postponing the development of its Fram and Gjoa projects by 12 months (OGJ, Nov. 30, 1998, p.23); The problem with managing data, he explained, is rooted in knowledge that is lost in the "ocean of data" and the company not being able to find "the golden nugget" of the data being sought (OGJ, June 2, 2003, p. 37).*

В таких конструкциях действие, выраженное причастием абсолютного причастного оборота, является причиной действия, обозначенного личным глаголом главного предложения. В абсолютном причастном обороте в функции причины причастие I реализует таксисное значение предшествования, не

смотря на индефинитную форму, или одновременности. Причастия, образованные от предельных глаголов, выражают предшествование действию личного глагола (*postponing*). Действие, выраженное причастием (*being sought*), образованным от непредельных глаголов, одновременно действию личного глагола главного предложения.

При таксисном значении предшествования действие причастия I однократно, результативно, предельно. Предел действия задается наречием времени *recently* и *by 12 months*. *Indeed, further development delays for Norway's future portfolio of fields have already become apparent, with Norsk Hydro AS recently postponing the development of its Fram and Gjoa projects by 12 months (OGJ, Nov. 30, 1998, p.23).*

В независимом причастном обороте отмечается взаимодействие нескольких неличных форм глагола: *The problem with managing data, he explained, is rooted in knowledge that is lost in the "ocean of data" and the company not being able to find "the golden nugget" of the data being sought (OGJ, June 2, 2003, p. 37).* Пассивное причастие зависит от активного причастия, образующего абсолютный оборот, которое в свою очередь зависит от личного глагола главного предложения. В данном случае пассивное причастие выражает таксисное значение одновременности активному причастию, действие которого одновременно действию личного глагола, локализованного в настоящем. Таким образом, действие пассивного причастия оказывается одновременным действию личного глагола. Действие причастия, образующего абсолютный причастный оборот, длительно, непредельно, так же как и действие, выраженное пассивным причастием. Тогда как инфинитив – выражает сам факт действия вне его процесса, конечный результат.

В конструкциях **сложное подлежащее**, образуемых глаголом *to expect*, причастие выполняет функцию определения и обстоятельства: *Spending levels are expected to grow somewhat over the next two years and then decline slightly, stabilizing at about \$ 37 billion / year (OGJ, June 21, 2004, p.26).* Глагол *to expect* в пассивном залоге относит действие, выраженное инфинитивом, к будущему,

как ожидаемому. Действия, выраженные инфинитивами – однородными членами предложения, длительны, нерезультативны, что подтверждается обстоятельством времени (*over the next two years*) и наречием (*slightly*), и являются последовательными действиями (*then*). Временной план инфинитивов относится к будущему. Причастие, образованное от предельного глагола, выражает однократное, результативное действие, достигшее предела, что маркировано числительным (*at about \$ 37 billion / year*). Действие причастия I в функции обстоятельства образа действия обусловлено инфинитивом. Инфинитив и причастие I противопоставляются по линии аспектуальности, зависящей от семантики неличных форм. Так, инфинитив, образованный от неопределенного глагола, передает значение длительности, неопределенности, а причастие, образованное от предельного глагола, результативное действие.

Over the next 5 years, 10 giant gas-related petrochemical projects are expected to spawn investments worth \$ 20 billion, creating some 12000 additional direct jobs along with a larger number of direct employment opportunities (OGJ, June 21, 2004, p.21). Главный глагол и наречие времени локализуют действия неличных форм глагола в будущем. Аспектуальные характеристики вербоидов зависят от семантики образовавших их глаголов. И инфинитив, и причастие, образованные от предельных глаголов, репрезентируют результативные действия. Причастный оборот является следствием действия, представленного инфинитивом. Причастие I выражает следование действию инфинитива.

В конструкциях сложное подлежащее употребляются причастия с семантикой движения, результирующей и ментальной деятельности, потребления и другой (*following, creating, producing, determining, trading etc.*).

Конструкции **сложное дополнение** подразделяются на собственно причастные, в которых причастие участвует в образовании конструкции, и на конструкции, в которых причастие является определением или обстоятельством. *The previous decade has seen producers focusing on cost cutting (JCPT, March 1998, v37, №3, p.55); We expect an increasing proportion of the up-front costs of deepwater developments to be defrayed by operators leasing major items of*

hardware, particularly reusable units such as FPS and perhaps some seabed hardware (OGJ, Nov. 30, 1998, p. 24).

В собственно причастных конструкциях после глаголов восприятия действие причастия I квалифицируется как незаконченное действие в процессе: *The previous decade has seen producers focusing on cost cutting (JCPT, March 1998, v37, №3, p.55).* Несмотря на то, что личный глагол выражен формой настоящего времени, прилагательное *previous* отсылает действие к прошедшему отрезку времени, что локализует действие личного глагола и причастия в прошедшем. По аспектуальным характеристикам действие причастия I неопределенно, длительно, статично. По таксисной линии предикат и причастие связаны отношением одновременности.

В конструкциях, где причастие выступает в роли определения, а конструкция сложного дополнения образована инфинитивом, тесная связь причастия и инфинитива, как в конструкциях сложного подлежащего, не наблюдается. *We expect an increasing proportion of the up-front costs of deepwater developments to be defrayed by operators leasing major items of hardware, particularly reusable units such as FPS and perhaps some seabed hardware (OGJ, Nov. 30, 1998, p. 24).* В данной конструкции обнаруживаются: инфинитив в пассивном залоге, причастие I в функции постпозитивного причастного оборота. Глагол *to expect* определяет проекцию инфинитива в будущее. Действие инфинитива потенциально, так как это действие, которого ожидают и которое зависит от семантики инфинитива и агентивного дополнения (*by operators*), и может быть множественным. Действие причастия I относится к агенту инфинитива и обозначает действие как факт вне времени. По аспектуальным характеристикам причастие I длительно, неопределенно.

Возможно употребление сложного дополнения с причастным оборотом в придаточном предложении: *Although no one expects this Congress to pass legislation creating mandatory greenhouse gas (GHG) emission targets, the debate soldiers on, and even a Senate vote is possible before fall (OGJ, June 21, 2004, p. 29).* Личные глаголы локализованы в настоящем времени. Действие

инфинитива потенциально, так как это ожидаемое действие. В темпоральном отношении действие инфинитива связано с будущим. Аспектуальное значение инфинитива зависит от его семантики, действие – предельно, однократно. Причастие в данном случае обнаруживает зависимость от инфинитива, и, следовательно, по временной линии – футурально. По отношению к личному глаголу причастие обладает таксисным значением следования, действие причастия – предельно, результативно.

Конструкции сложное дополнение представлены причастиями ментальной и результирующей деятельности, движения, потребления и другими (*assuming, focusing, creating, slowing, traveling, surging, leasing, sending* etc.).

Таким образом, подводя итог вышесказанному, причастие I в исследуемом типе дискурса отмечается в конструкциях первичной и вторичной предикации.

Временное значение причастия подчинено временному значению личного глагола и указывает на одновременность, предшествование или следование ему. Действие же личного глагола может быть локализовано в настоящем, прошедшем или будущем времени.

Темпорально-таксисные и залоговые значения причастия оказываются сопряженными с грамматическими значениями аспектуальности. Причастиями одновременного действия являются причастия I от любых переходных и непереходных глаголов в активном залоге, а также пассивное причастие I, образованное от предельных переходных глаголов. По своим аспектуальным характеристикам причастие I, образованное от непредельных глаголов или глаголов двойственного видового характера, – длительно, непредельно, динамично.

В структурах, насыщенных несколькими неличными формами, причастие I противопоставляется инфинитиву по линии таксиса и аспектуальности.

2.2.2. Межкатегориальные связи причастия II

Причастие II в исследуемом типе дискурса отмечается в **конструкциях первичной предикации**, образуемых экзистенциальными, посессивными глаголами и конструкциях с модальными глаголами, имеющими большой удельный вес, в конструкциях, образуемых глаголами оценки, движения, присоединения, ментальной деятельности, речи, зрительного восприятия, являющимися не столь многочисленными, и в **конструкциях вторичной предикации**: каузативных конструкциях, в так называемых конструкциях «сложное подлежащее» и «сложное определение», независимом причастном обороте.

Все конструкции с причастием II в исследуемом дискурсе подразделяются на активные и пассивные конструкции. Отмечаются единичные конструкции с активным причастием II. Данные причастия образованы от непереходных глаголов и глаголов двойственного видового характера: *Crude input into US refineries averaged more than 14.6 million b/d in the week ended Mar.26, up by 68000 b/d from the previous week (OGJ, Apr. 5, 2004, p.5); It is highly probable that this well will pay out but of course this is determined by each individual producer based on its own criteria (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 59)*. Активное причастие II от непереходных глаголов (*ended*) реализует таксисное значение предшествования. Действие таких причастий однократно, результативно. Активное причастие II от глаголов двойственного видового характера выражает действие как факт вне времени. Действие причастия – однократно, нерезультативно.

Причастие II – непредикативная форма глагола, сочетающая свойства глагола и прилагательного, которая находится на периферии глагольных форм. При этом, причастие II выражает не процесс как таковой, а результат или следствие процесса. Значения предшествования и пассивности, нередко приписываемые причастию II как глагольной словоформе, не являются для него инвариантными и возникают в результате взаимодействия его общего значения состояния с такими лексико-грамматическими характеристиками данного

глагола, как переходность и непереходность, предельность и неопредельность и зависит от значения словосочетания, в котором оно употреблено [Бархударов, Штелинг, 1965: 211]. Залоговое значение причастия II не передается формами и не является морфологической категорией. Значение причастия II имплицитно, релятивно и противоречиво [Штелинг 1996]. С одной стороны, в нем, как и в прилагательном мыслится соотнесенность с предметом-носителем данного признака, а, с другой стороны, – соотнесенность с действием, поскольку семантика этого причастия выражает не сам процесс как таковой, а процесс «опредмеченный», следствие процесса, его отражение, соотнесенность с ним [Штелинг 1978: 20]. Основное залоговое (пассивное) значение причастия II заключается в его способности обозначать действие в отвлечении от субъекта, в статике. Таким образом, значение причастия II синкретично, в нем объединяются значения пассивности и результативности.

Одним из многочисленных конструкций с причастием II в исследуемом типе дискурса являются **экзистенциальные конструкции**. Это объясняется тем, что в научно-техническом дискурсе экзистенциальные предложения сообщают о наличии чего-либо где-либо, передавая значение бытия, предполагающее наличие или отсутствие чего-либо во времени и пространстве. «В каждом высказывании мы говорим, что нечто существует, или как существует, в каждом волеизъявлении мы приказываем, просим, желаем, чтобы нечто существовало» [Ломов 1994: 32], что приобретает важное значение при отражении научной картины мира, констатации фактов научных исследований, развитии науки.

В экзистенциальных конструкциях причастие II отмечается в функции пре и постпозитивного определения: *For reservoir with medium to high viscosity oil, thermal methods of enhanced oil recovery are very effective (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 31); The reservoir dimensions used in the infinite acting cases was 6.500m×6.500m (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 62); One of the main issues discussed early in the session was the question of timing (Trends, p.12).*

В функции препозитивного определения употребляются одиночное причастие II с семантикой ментальной и результирующей деятельности, оценки, объединения, изменения показателей и др. (*predicted, liquefied, injected, produced, measured, estimated, integrated, enhanced* etc.). Как правило, личный глагол в таких конструкциях локализован в настоящем, но отмечаются редкие случаи конструкций с личным глаголом, локализованным в прошлом: *There are also graph options for dogleg versus measured depth, inclination versus TVD, etc* (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 18). Независимо от времени личного глагола причастие II выражает таксисное значение предшествования. Действие причастия II однократно, результитивно. Значение предшествования может определяться обстоятельством времени: *One of the main issues discussed early in the session was the question of timing* (Trends, p.12).

В русском языке аналогично употребляются одиночные причастия в функции препозитивного определения: *Целью обучения было ознакомление сотрудников станций с разработанными недавно стандартами операционной деятельности и обслуживания клиентов, отработка навыков работы по новым стандартам* (Твоя компания, 2006, № 09, с. 18). Действие причастия квалифицируется как предшествующее действию личного глагола, локализованного в прошлом, на что также подтверждается наречием *недавно*.

В экзистенциальных конструкциях с причастием II в функции постпозитивного определения отмечаются следующие подтипы: с причастием II в функции одиночного постпозитивного определения, в функции постпозитивного определительного оборота, которые в свою очередь можно подразделить на агентивные и неагентивные, локативные: *The reservoir pay thickness used was 10 m* (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 56); *Moreover fracture length calculated from an analytical relationship is only an approximation* (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 34); *According to the API 314 million acres out of 658 million onshore acres owned by the federal government are unavailable for leasing* (OGJ, May 5, 2003, p.21); *All other parameters are the same for the responses shown in Figure 13 and 14* (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 28).

В экзистенциальных конструкциях причастие II в функции одиночного постпозитивного определения реализует таксисное значение предшествования, личный глагол при этом может быть локализован в настоящем или прошедшем: *The permeability used was 100 m D (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 56); There's a thrill in the hunt – but there's also valuable time consumed, sometimes with negligible results (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 9).* Действие причастия II однократно, результативно.

В данном типе конструкций употребляются причастия потребления, посессивные причастия и др. (*used, consumed, retrieved* etc.).

В неагентивных конструкциях, где причастие II выступает в функции определительного постпозитивного причастного оборота, информация о деятеле умалчивается, и вся смысловая нагрузка приходится на действие, произведенное над объектом. Таким образом, на первый план выдвигается само действие и объект: *Saudi Arabia is a major producer of ethane extracted from gas (OGJ, June 21, 2004, p.21).* Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты и Иран являются странами, где находятся крупнейшие доказанные извлекаемые запасы (Кругосвет). Данные неагентивные причастные определительные обороты указывают на то, что свойство объекта является результатом какого-либо действия.

Пассивное значение причастия II переходных глаголов оказывается тесно связанным с перфектностью [Смирницкий 1959: 282]. Причастие II само по себе в основном является перфектным: оно регулярно имеет результативное значение, когда употребляется в функции определения [Смирницкий 1959: 287] и выражает результат действия, совершенного над данным объектом-предметом: *There were 160 dry holes drilled in the negative nonanomalous areas (OGJ, June, 21, 2004, p.37).* Причастие II, образованное от переходных предельных глаголов обозначает предшествование: *POSC is an international nonprofit corporation founded in 1990 to address open specifications for information modeling, information management (OGJ, June 2, 2003, p.37).*

В экзистенциальных конструкциях с причастием II в функции постпозиционного определительного оборота употребляются причастия, образованные от глаголов ментальной и результирующей деятельности, движения, речи, потребления, объединения, зрительного восприятия, фазовых, посессивных глаголов и др. (*to propose, to develop, to design, to obtain, to found, to follow, to discuss, to use, to involve, to show, to start, to end, to own etc.*).

В русском языке в специализированном научно-техническом дискурсе аналогично отмечаются экзистенциальные конструкции с причастием в функции постпозитивного причастного оборота: *У нас был ряд чрезвычайных происшествий, связанных с тем, что прорывало фонтанную арматуру (Твоя компания, 2006, № 09, с. 11).*

Неагентивные конструкции могут содержать указание на область бытия, локатив: *There were 160 dry holes drilled in the negative nonanomalous areas (OGJ, June, 21, 2004, p.37); Одним из таких объектов является современный цех комплексной подготовки и перекачки нефти, расположенный на окраине города (НиЖ, 2006, № 5, с. 19).* Данный компонент структуры несет информацию о месте нахождения предмета бытия в пространстве и на уровне языковой репрезентации имеет факультативный характер. Представление области бытия может осуществляться за счет пространственных и личностных локализаторов [Сюткина 2004: 91]. План выражения **области бытия** состоит, как правило, из двух компонентов: предлога места (наречия места), существительного (местоимения), и может быть представлен:

- местоположением, в том числе географическим: *reservoirs, wells, Charlotte, North Carolina, the US, areas – Assets targeted for sale primarily are in the US, Canada, and Oman (OGJ, June 21, 2004, p.30); Duke Engineering & Services (Canada) inc. is a subsidiary of Duke Energy based in Charlotte, North Carolina (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 14);*

- печатным изданием: *section, paper, figure – All other parameters are the same for the responses shown in Figure 13 and 14 (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 28);*

- другими существительными: *cases, gas steam* – *The reservoir dimensions used in the infinite acting cases was 6.500m×6.500m (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 9).*

Экзистенциальные конструкции с локативом образуются причастиями результирующей деятельности, оценки и др. (*extracted, used, founded; calculated* etc.).

В агентивных конструкциях агенс действия вводится предложением *by*: *F.A.S.T Field Notes TM is a software program designed by Fekete associated Inc.'s Test analysis group (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 15); It was difficult for oil and gas producers to draw consistent conclusions from well tests analysed by different companies (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 13).*

Агенс действия выражается существительными следующих семантических групп:

- название компаний: *Oilweek and IGW Canada Inc., TPAO, companies, Fekete associated Inc.'s Test analysis group* – *The primary objective of the week is a Tertiary gas sand that tested 3.7 MM-cfd of gas from Akcakoca-1 an exploration well drilled by TPAO in 1975 (OGJ, June, 21, 2004, p.34);*

- люди, группа людей: *federal government, politics* – *According to the API 314 million acres out of 658 million onshore acres owned by the federal government are available for leasing (OGJ, May 5, 2003, p.21); It is the property used by the petroleum industry to define light or heavy crude oils (OiS, p.21);*

- абстрактные существительные и вещества: *regime, LNG* – *The Asia-Pacific region is generally less at risk than Europe to supply disruptions because of the dominant role played by LNG in the region (OGJ, Mar. 20, 2006, p.57).*

В данных конструкциях причастия представлены группами ментальной и результирующей деятельности, речи, зрительного восприятия, движения, социальной активности, посессивной группой и др. (*analyzed, designed, drilled, played, reported, observed, followed, sponsored, held, owned* etc.).

Таксисное значение причастия II зависит от аспектуальности глагола, образующего причастие. Различие в аспектуальных и, следовательно, таксисных характеристиках наблюдается в следующем примере: *The high sand*

cuts observed during the development of the wormhole is in the range reported by oil week operators at the start of the Cold Production process (JCPT, March 1998, v. 37, №3, p. 47). Причастие II (reported) от предельного глагола выражает действие, предшествующее действию личного глагола. Действие причастия однократно, результативно. Причастие II (observed), образованное от неопределенного глагола, реализует таксисное значение одновременности действию личного глагола. Действие причастия нерезультативно, длительно.

Следует отметить тот факт, что данный тип конструкций обладает одним из видов распространителей: локативом или агенсом. Структуры, где употребляются одновременно оба распространителя, не выявлены.

В экзистенциальных конструкциях причастие II в функции препозитивного причастного оборота представлено причастиями семантических групп социального взаимодействия, ментальной, результирующей деятельности и другими (*supported, sponsored, developed, based, situated* etc.): *Developed and supported under Microsoft Windows 3X, F.A.S.T. Piper™ is a comprehensive “rigorous and user friendly” gas deliverability model (JCPT, 1998, v.37, №3, p. 15);*

Отмечается соединение значений экзистенциальности и поссесивности в соответствующих конструкциях русского языка. Формальным выразителем данных конструкций является глагол *есть*, который по своей семантике принадлежит к классу экзистенциальности, но в контексте приобретает значение *иметь*: *Сегодня у нас есть уникальный опыт, подтвержденный западными специалистами, который показывает особые условия эксплуатации газоконденсатных месторождений (Твоя компания, 2006, № 09, с. 12).*

Отмечаются единичные экзистенциальные конструкции, в которых причастие II в рамках одной структуры выступает в функции препозитивного и постпозитивного определения: *The measured orifice diameter shall be as close as practical to that used in computing the Basic Orifice Factor (EDB, p.7).* Причастие II в функции одиночного препозитивного определения приближается по характеристикам к прилагательному, обозначая качество или свойство предмета, в некоторых случаях – переходя в класс прилагательных. Причастие

II (*used*) в функции постпозитивного определительного оборота по своим характеристикам сближается с глаголом. Наличие адъективных качеств нейтрализует значение длительности, динамики, присущее глаголу. Таким образом, действие причастия II результативно, ограничено пределом. По линии таксиса причастие II связано с личным глаголом отношением предшествования.

Посессивные конструкции с причастием II в исследуемом типе дискурса представлены следующими подтипами: залоговые конструкции с причастием II в функции постпозиционного определения и в функции препозиционного определения: *It has gas reserves estimated at 110 tcf (OGJ, Apr. 14, 2003, p.19); With this purchase, Quick –silver, through its wholly owned subsidiary MGV Energy Inc., now holds 100% operated working interest in these acres (OGJ, Feb. 2, 2004, p.35).*

Значение обладания выражено следующими глаголами:

- *to have*: *Sub PUMP™ has an extensive specification file of pumps manufactured by 5 major suppliers (JCPT, March 1998, v37, №3, p.34);*

- *to hold*: *Block 56, adjacent the Camisea natural gas mega-complex in Peru's Amazon rainforest, holds reserves estimated at 3 tcf of gas from Pagoreni and Mipaya fields discovered by Royal Dutch / Shell Group in the late 1990s (OGJ, June 21, 2004, p.8);*

- *to acquire*: *More than 40 proven drilling locations will be acquired along with all deep drilling rights on 38000 gross acres of leases (OGJ, Feb. 2, 2004, p.35).*

Характеристика объекта обладания, вовлеченного в деятельность обладателя, сопряжена с информацией о наличии отношения собственности. В исследуемом дискурсе – это отношения материального объекта и обладателя, который имеет постоянное или временное право распоряжаться этим объектом. Глаголы *to have*, *to hold* являются глаголами статического обладания, а глагол *to acquire* – глагол динамического обладания, обозначает положение дел в результате совершения действия основной ситуации и представляет семантическое значение приобретения материального предмета. Некоторыми исследователями выделяется связь глаголов динамического обладания с каузацией: «приобретать – каузировать себя начинать иметь» [Сюткина 2004: 62].

В русском языке наряду с конструкциями, образуемыми глаголами статического обладания (*Своеобразным составом обладают нефти Большесынинской группы, связанной с одноименной впадиной (Ниб, Т.6, с. 1940)*), отмечаются конструкции с глаголом динамического обладания, указывающие на начало действия (*Компания TNK-BP получила в наследство от прежних владельцев ряд нефтяных месторождений, на которых объемы сжигания попутного газа на факелах иногда превышают целевые показатели, установленные лицензионными соглашениями (Новатор 2006, № 8, с. 8)*).

В посессивных конструкциях причастие II в функции препозитивного определения является распространителем существительных:

- неодушевленных: *interest, information, locations, well log file*;
- одушевленных, включая обозначение компаний: *manufacturer, corps, subsidiary MGV Energy Inc., QC/iDC*.

В данных конструкциях причастие II, образованное от предельных глаголов, связано с личным глаголом таксисным отношением предшествования и реализует значение завершенности: *With this purchase, Quicksilver through its wholly owned subsidiary MGV Energy Inc., now holds 100% operated working interest in these acres (OGJ, Feb. 2, 2004, p.35)*. Причастия, образованные от переходных глаголов, приобретают значение пассивности. Таким образом, таксисные, аспектуальные характеристики оказываются тесно связанными с залогом.

В функции постпозитивного определения в посессивных конструкциях причастие II употребляется преимущественно в качестве причастного оборота, агентивного и неагентивного: *Sub PUMP™ has an extensive specification file of pumps manufactured by 5 major suppliers (JCPT, March 1998, v37, №3, p.34); The samples taken from inside the wormhole had a DSD similar to sample 7 (JCPT, March 1998, v37, №3, p.46)*.

Агенса действия в данных конструкциях представлен существительными, обозначающими компании и группы людей: *Petrobras, Royal Dutch / Shell Group, suppliers, a consortium*. Причастие является распространителем объекта

обладания или второстепенных членов предложения и образуется от глаголов с семантикой результирующей и ментальной деятельности, движения и др. (*to drill, to manufacture, to discover, to lead* etc.).

Причастия, образованные от глаголов предельного видового характера, в функции определительного оборота реализуют значение предшествования личному глаголу, как правило, локализованному в настоящем времени. Такие причастия репрезентируют завершенное, однократное действие. Причастия, образованные от неопределенных глаголов, связаны с личным глаголом по таксисной линии одновременности или представляют действие как факт. Действие причастия длительно, неопределенно: *The San Julian basin covers 14.325 sq km and has one well drilled by a consortium led by Petrobras (OGJ, Mar. 20, 2006, p.39).*

В неагентивных структурах расширение конструкции происходит за счет причастного оборота со значением оценки (*estimated, valued*) и посессивным значением (*taken*): *It has gas reserves estimated at 110 tcf (OGJ, Apr. 14, 2003, p.19); The samples taken from inside the wormhole had a DSD similar to sample 7 (JCPT, March 1998, v37, №3, p.34).* Причастие II, образованное от предельного глагола, указывает на действие, предшествовавшее действию сказуемого и законченное до его наступления. [Гуревич 2003: 33]. В данных конструкциях причастие связано с личным глаголом значением предшествования. Действие причастия – результирующе, предельно.

Отмечаются единичные примеры конструкций, включающие агентивный и неагентивный причастные обороты: *Block 56, adjacent the Camisea natural gas mega-complex in Peru's Amazon rainforest, holds reserves estimated at 3 tcf of gas from Pagoreni and Mipaya fields discovered by Royal Dutch / Shell Group in the late 1990s (OGJ, June 21, 2004, p.8).* Причастие независимо от наличия / отсутствия агенса действия реализует таксисное значение предшествования действию личного глагола, действие причастия – предельно, однократно, статично.

В исследуемом дискурсе высок удельный вес **конструкций с модальными глаголами**, в которых употребляется причастие II: *To be sure, not all of the LNG import projects proposed in the US can be build (OGJ, June 21, 2004, p.17); Shares*

may be repurchased either in the open market or through privately negotiated transactions (OGJ, June 21, 2004, p.31).

В соответствии с функцией причастия конструкции с модальными глаголами подразделяются на конструкции с причастием в функции препозитивного и постпозитивного определения.

В данных конструкциях с причастием II в функции препозитивного определительного оборота отмечаются следующие модальные глаголы, ранжированные по частоте употребления:

- *would*: *He'd promote natural gas, a North American energy trade alliance, a gas pipeline from Alaska, liquefied natural gas and coal, as long as it's clean (OGJ, Feb. 9, 2004, p.17);*

- *can*: *This approach can lead to improved completion design, increased well performance and greater producing efficiency (JCPT, 1998, v.37, №3, p.20);*

- *may*: *Shares may be repurchased either in the open market or through privately negotiated transactions (OGJ, June 21, 2004, p.31).*

В модальных конструкциях с модальным глаголом *would*, репрезентируется нереальность или ожидаемость по отношению к действию. В причастии (*liquefied*), несмотря на двойственную видовую семантику глагола, от которого оно образовано, в данном контексте нейтрализуется значение завершенности, на первый план выдвигается значение качества, присущее веществу, как постоянный признак. В причастии преобладают адъективные черты.

Как было отмечено ранее, в модальных конструкциях из-за сдвига в модальном значении глагол *can* выражает значение возможности (в том числе возможности осуществления действия по отношению к объекту без указания агенса действия). В анализируемом типе дискурса встречаются модальные конструкции с инфинитивом в пассивном залоге, где в фокусе действия личного глагола оказывается неодушевленный объект (*rate, quality, method*): *The quality of match can also be evaluated from the graphical plot of scaled recovery data (JCPT, 1998, v.37, №3, p. 53).*

Модальный глагол *can*, как и инфинитив, ориентирован в будущее. Действие инфинитива может рассматриваться либо как потенциальное, неопределенно длительное, либо как потенциальное результативное. Причастие, образованное от неперфектного глагола, репрезентирует значение одновременности действию комплекса модального глагола и инфинитива, следовательно, можно говорить о футуральности причастия II.

Отмечаются модальные залоговые конструкции с глаголом *may* в придаточных предложениях: *Although these parameters may be altered significantly by localized geological effects, general trends in Alberta heavy-oil are discussed (JCPT, 1998, v.37, №3, p. 34)*. В данных конструкциях глагол *may* реализует модальные значения возможности, вероятности, разрешения, разграничение которых в некоторых случаях представляет трудности [Пушина 2000: 89]. Анализируемое предложение содержит указание на агенс действия, выраженный неодушевленным существительным. Причастие в данной конструкции является определением к агенсу действия. Причастие, образованное от неперфектного глагола, реализует таксисное значение предшествования действию личного глагола. Действие, выраженное причастием, предельно.

Основными глаголами для употребляющихся модальных конструкций с постпозитивным причастием II в исследуемом типе дискурса являются глаголы *can, may, would*, единичны случаи употребления глагола *must*: *To be sure, not all of the LNG import projects proposed in the US can be build (OGJ, June 21, 2004, p.17); In some cases this may be accomplished by utilizing the primary inferential meter or sections of flat plate orifice to measure velocity, coupled with densitometer to measure density (EDB, p.6)*.

Причастие в данных конструкциях употребляется в функции распространителя подлежащего (*A well located at the centre with reservoir thickness of h would have a low flow rate (JCPT, 1998, v.37, №3, p. 34)*); второстепенных членов предложения (*The pressure tap holes in the orifice holding device must conform to the size and tolerance specified (EDB, p.9)*). Все модальные

конструкции с причастием II в функции постпозитивного определения можно разделить на залоговые агентивные и залоговые неагентивные.

Агнс в конструкциях с модальными глаголами с причастием II представлен существительными одушевленными и неодушевленными (*Spanish Endesa SA, federal receipts*): *The projects owned 51 % by Spanish Endesa SA and Italian Gruppo Amga SpA would cost € 400 million (OGJ, Mar. 20, 2006, p.58).*

Причастие в данной конструкции образовано от непереходного глагола обладания, и, следовательно, действие причастия – непереходно, длительно.

Причастие II, употребляемое в конструкциях с модальными глаголами, представлено следующими семантическими группами: ментальной и результирующей деятельности, зрительного восприятия, объединения, обладания и др. (*proposed, considered, predicted, supposed, injected, drilled, used, observed, shown, coupled, included, owned etc.*).

В русском языке в конструкциях с модальным глаголом с пассивным причастием частотными являются глаголы *позволять, мочь*: *Разработанная методика лазерного масс-спектрометрического анализа нефти и промысловых вод позволяет исследовать образцы одновременно на все элементы периодической системы с предельной чувствительностью 0,1 мкг/литр (Ниб, Т.6, с. 1819). Поэтому для расчета технологических параметров при различных режимах вытеснения нефти водой, можно рекомендовать использование фазовых проницаемостей, рассчитанных по перколяционным моделям 3 или 4 (или по их комбинации) (Ниб, Т.6, с. 1955).*

Следует отметить единичные залоговые конструкции с причастием II в функции препозиционного определения в сложноподчиненных предложениях с **придаточным условием**: *Numbers of wells drilled and expenditures may not increase dramatically even if there is real oil price growth (OGJ, June 21, 2004, p.27); If these discoveries were added to those of the previously assessed provinces, the percentages represented by new field discoveries and reserve growth would increase to 23 percent of the oil and 32 percent of the natural gas of the estimated total potential to the year 2025 (Trends, p. 31).*

В данном случае причастие II отмечается как в главном предложении, так и в придаточном условия. В первом случае по типу зависимой части – условия – придаточного предложения условная конструкция соответствует первой прототипической конструкции, в которой выражается реальная (выполнимая) возможность. Наличие модального глагола *may* выражающего возможность, предположение, ставит под сомнение осуществление действия. В главной части предложения действие причастия II предшествует действию личного глагола.

В условной конструкции, соответствующей второй прототипической конструкции, действие причастия II, образованного от неопределенного глагола, не имеет временной локализованности, а просто констатирует факт. Таким образом, кондициональные значения связаны с темпоральными, таксисными – предшествование действия причастия II и личного глагола, модальными значениями предположения, вероятности.

Своеобразной чертой конструкций данного типа является употребление неличных форм глагола (например, инфинитива) наряду с причастием II. В результате употребления нескольких неличных форм глагола (причастия II, инфинитива) в рамках одной структуры возникает сложное взаимодействие их темпоральных значений. В данных структурах имеет место так называемая «сильная» связь залога и аспектуальности (Пупынин 1996: 47; Бондарко 2005: 84). В случае: *This dialogue is part of an ongoing engagement effort undertaken by the United States in the wake of Libya's decision to abandon its weapons of mass destruction programs (OGJ, June 21, 2004, p.25)* причастие II является следствием действия, выраженного инфинитивом. Причастие II и инфинитив связаны таксисным значением следования. Действие причастия, образованного от глагола двойственного видового характера, квалифицируется либо как результативное, либо как длительное.

Причастию II может предшествовать целая цепочка глаголов в прошедшем времени, которые выражают последовательные действия. Причастие II, образованное от предельного глагола, имеет значение результата, законченного действия. По темпоральной соотнесенности с личным глаголом причастие

обладает таксисным значением предшествования не только по отношению к глаголу придаточного предложения, но и к глаголу главного предложения:

When that proved inadequate Horvitz developed an acid extraction technique that released nearly all hydrocarbons absorbed (OGJ, June 21, 2004, p.36).

Следует отметить наличие конструкций с причастием II в функции обстоятельства времени, которое вводится союзом *when*. Единичны примеры причастия II в функции обстоятельства причины, вводимые союзом *if*. *And growth can, in fact, vanquish them, even when spurred by tax cuts (OGJ, Jan. 12, 2004, p.17); In reality, it has been a much less successful when studied over a longer time period(JCPT, March 1998, v37, №3, p.11); If implemented, they wouldn't work (OGJ, Feb. 9, 2004, p.17). Given the large quantities of liquid fuels needed by the world economy and the large investments, long lead times are needed to either increase the supply of liquid fuels or reduce the demand for them (Trends, p.18).*

В функции обстоятельства времени причастие II обозначает действие, сопровождающее основное действие и реализует таксисное значение одновременности действию личного глагола. Аспектуальные характеристики причастия выражаются в неопределенности, длительности действия.

В функции обстоятельства причины причастие II репрезентирует значение предшествования действию личного глагола, что обусловлено самой структурой предложения, выражающего причинные связи. Действие причастия – результативно, предельно, однократно.

В исследуемом типе дискурса отмечается употребление причастия II в **составе сказуемого (compound verbal predicate)**: *CMA has remained focused on the development and delivery of reservoir simulation technologies aimed at assisting oil and gas companies to maximize potential recovery from their reservoirs in a cost-effective manner (JCPT, March 1998, v37, №3, p.14).* В данной функции причастие реализует свои глагольные характеристики и зависит от личного глагола. В анализируемом типе дискурса составное сказуемое образуется глаголом *to remain* и причастием II – *focused, stalled, divided*. Причастия, употребляемые как часть составного сказуемого, образованы от неопределенных

глаголов и выражают действие одновременное действию личного глагола. Глагол *to remain*, дуративный, протяженный во времени, накладывает отпечаток на действие причастия, которое тоже приобретает длительные характеристики. Таким образом, действие причастия – неопредельно, длительно.

Одним из разнообразных типов конструкций с причастием II являются **каузативные конструкции**, которые подразделяются на собственно каузативные, образованные личным каузативным глаголом, и несобственно каузативные, где причастие II образовано от каузативных глаголов: *But it has never endorsed the \$ 31 billion energy tax plan included in the House bill (OGJ, June 21, 2004, p.28); Others have shown the necessary adjustments required to get good absolute responses (JCPT, March 1998, v37, №3, p.56).*

В собственно каузативных конструкциях с причастием II выделяются конструкции с причастием в функции препозитивного определения и постпозитивного определения. Языковая репрезентация **оператора каузации** представлена следующими глаголами:

- *to allow: Web-VA's virtual applications allow business affiliates and internal personnel to view and modify data gathered from multiple applications in a single browser session (JCPT, March 1998, v37, №3, p.57);*

- *to require: Solution of many common problems encountered in different facets of oil and gas industry requires obtaining values for parameters embedded in highly non-linear mathematical models (JCPT, March 1998, v37, №3, p.51);*

- *to cause: The off centre well placement causes the increase expected in slope (JCPT, March 1998, v37, №3, p.47);*

- *to prompt: War with Iraq, threat of terrorist attacks, and anti-American sentiments coupled with a weak US dollar have prompted US oil and gas management teams to consider the costs and risks of world travel for employees (OGJ, Mar. 31, 2003, p.15);*

- *to recommend: It is usually recommended in shallow well projects to develop consistent and easily duplicated drilling and completion methods to minimize costs and spud-to-tie in times (JCPT, March 1998, v37, №3, p.56);*

- to enable: Tools developed over the last 25 years by Vector Magnetics LLC, Ithaca, NY, enable highly accurate electromagnetic down hole proximity measurements (OGJ, Feb. 23, 2004, p.47);

- to endorse: But it has never endorsed the \$ 31 billion energy tax plan included in the House bill (OGJ, June 21, 2004, p.28);

- to agree: This estimate of the size of the cavity agrees with the radius observed from CT images (JCPT, March 1998, v37, №3, p.47);

- to offer: The parameter optimization procedure presented in this paper offers a powerful and efficient method that can be modified to solve numerous reservoir and production engineering problems (JCPT, March 1998, v37, №3, p.51).

Так же отмечаются фразовые глаголы со значением каузативности:

- call on: The campaign is not calling on companies to disclose commercially confidential information but rather to publish the same basic data on payments made to governments that they are required in many developed countries (OGJ, Feb. 2, 2004, p.15);

- result in: Availability , reliability and competitiveness of feedstocks derived from gas have resulted in phenomenal growth in Saudi Arabia's petro-chemical industry (OGJ, June 21, 2004, p.21).

В каузативных конструкциях причастие II в функции препозитивного определения является распространителем каузатора (*The parameter optimization procedure presented in this paper offers a powerful and efficient method that can be modified to solve numerous reservoir and production engineering problems (JCPT, March 1998, v37, №3, p.51).*), объекта каузации (*The off centre well placement causes the increase expected in slope (JCPT, March 1998, v37, №3, p.47).*), второстепенных членов предложения (*It is usually recommended in shallow well projects to develop consistent and easily duplicated drilling and completion methods to minimize costs and spud-to-tie in times (JCPT, March 1998, v37, №3, p.56).*).

В данных конструкциях употребляются причастия объединения, изменения показателей, ментальной деятельности и др. (*commingled, enhanced, duplicated, expected, detailed* etc.).

Темпоральные характеристики причастия II в его атрибутивном употреблении определяются аспектуальными характеристиками глагола, образовавшего причастие. В конструкциях данного типа причастие, образованное от неопределённых глаголов, реализует значение одновременности действию личного глагола или констатирует действие, как факт. Причастие, образованное от определённых глаголов, выражает действие предельное, законченное, предшествующее действию личного глагола. Причем, промежуток времени между ними может быть довольно длительным, так как для осуществления действия, выраженного причастием II, требуется время, или действие причастия II может происходить непосредственно перед действием главного глагола.

В каузативных конструкциях с причастием II в функции постпозиционного определительного оборота причастие II является определением к каузатору (*Availability, reliability and competitiveness of feedstocks derived from gas have resulted in phenomenal growth in Saudi Arabia's petro-chemical industry (OGJ, June 21, 2004, p.21)*), объекту каузации (*But it has never endorsed the \$ 31 billion energy tax plan included in the House bill (OGJ, June 21, 2004, p.28)*), второстепенным членам предложения (*Web-VA's virtual applications allow business affiliates and internal personnel to view and modify data gathered from multiple applications in a single browser sessions (JCPT, March 1998, v37, №3, p.53)*) и представлено семантической группой со значением результирующей деятельности, объединения, потребления, социальной активности, посессивной группой и др. (*encapsulated, developed, derived, gathered, coupled, included, presented, promoted, provided, based, given etc.*).

В русском как и в английском языке причастие является определением к каузатору: *Специально разработанный оптический прибор позволяет обнаружить начало флоккуляции (Ниб, Т.5, с. 1504).*

В данных функциях отмечаются залоговые конструкции с причастием II с агенсом или инструментом действия. Агенси вводится предлогом *by*, а инструмент – предлогом *with*: *The Interconnector Greece-Italy, promoted by*

Italian utility Edison SpA and Greek state Public Gas Corp. (DEPA) SA, would allow Caspian natural gas deliveries to Italy through Turkey and Greece (OGJ, Mar. 20, 2006, p.58); GeoSCOUT's proprietary data management tools allow individuals and corporations to create on-line proprietary data-bases to augment the information provided with the geo SCOUT system (JCPT, March 1998, v37, №3, p.16).

Анализируемые конструкции не только каузативны, но и пассивны, так как причастие II реализует залоговое пассивное значение, которое принадлежит его смысловому содержанию. При этом причастие II результативно и, следовательно, совмещает в одной словоформе залоговое и аспектуальное значения.

Как было отмечено выше, выделяются также несобственно каузативные конструкции с причастием II. Данный тип конструкций объединяет не семантические признаки главного глагола, а каузативная семантика причастия II. Причастия, образованные от основных каузативных глаголов (*to allow, to require, to cause*), употребляются в функции определения и обстоятельства: *Others have shown the necessary adjustments required to get good absolute pressure responses (JCPT, March 1998, v37, №3, p.56); While the initial MGS was designed to collect and utilize only associated gas, by the mid-1980s the amount of associated gas had declined, caused by lower worldwide demand for oil (OGJ, June 21, 2004, p.18).*

В каузативных структурах причастие обнаруживает тяготение к проявлению глагольных свойств, связанных с выражением действия / состояния [Кечерукова 1989: 62]. Именные характеристики становятся менее существенными, вторичными. Это объясняется тем, что причастие II используется для выражения действий или состояний, явившихся следствием или причиной другого действия, по сути причинения: *Buoyed by an earlier decision by other members of the Organization of Petroleum Exporting Countries to boost their production quotas, energy futures markets were slow and weak in reacting to a series of terrorist attacks June 14-16 that effectively shut down oil export from Iraq (OGJ, June 21, 2004, p.5).* Для раскрытия природы причастия II исследователем предлагается провести ряд трансформаций, доказывающих

представленность каузативных отношений: трансформации развертывания каузативной структуры с причастием II в личную форму глагола либо в придаточное предложение причины, времени [Кечерукова 1989: 64].

After they were buoyed by an earlier decision by other members of the Organization of Petroleum Exporting Countries to boost their production quotas, energy futures markets were slow and weak in reacting to a series of terrorist attacks June 14-16 that effectively shut down oil export from Iraq.

Energy futures markets were slow and weak in reacting to a series of terrorist attacks June 14-16 that effectively shut down oil export from Iraq because they were buoyed by an earlier decision by other members of the Organization of Petroleum Exporting Countries to boost their production quotas.

Действие причастия в данном случае не зависит от вида применяемой трансформации. И в придаточном предложении причины, и в придаточном предложении времени действие причастия рассматривается как предшествующее действию личного глагола главного предложения. Следовательно, действие причастия предшествует действию личного глагола и выражает законченное, результативное действие, которое может рассматриваться как причина действия личного глагола. Таким образом, причастие в каузативных конструкциях демонстрирует свою отнесенность к глагольным формам, репрезентируя отношение предшествования личному глаголу.

В исследуемом типе дискурса среди конструкций вторичной предикации отмечаются так называемые **сложное обстоятельство** и **сложное дополнение**. Как и в случае с каузативными конструкциями, эти конструкции могут быть образованы причастием II, а могут иметь причастие II в качестве распространителя.

Сложное подлежащее с причастием II образуется глаголами зрительного восприятия и глаголами со значением «казаться». Находясь в зависимости от глаголов семантической группы со значением «казаться», причастия, образованные от неопределенных глаголов (*to head, to destine, to base* и др.),

приобретают некоторые их черты (протяженность во времени). Таким образом, действие причастия II длительно, статично.

The prices of vehicle fuels seem destined to rise (OGJ, July 21, 2003, p.15). The 10-month standoff between British Gas PLC and India's state-owned Oil & Natural Gas Corp. (ONGC) over operatorship of the Panna-Mukta and Tapti oil and gas fields, although still unresolved, appears headed for a compromise (OGJ, Jan. 27, 2003, p.7).

Сложное подлежащее может быть частью придаточного предложения, осложненного модальным значением ожидаемого действия: *This is the trend that would be expected based on the interaction of the pore surface minerals with a crude oil containing surface-active components (JCPT, March 1998, v37, №3, p.53).*

Темпоральное значение причастия подчинено личному глаголу *to be (is)* и имеет свои особенности. Личный глагол выражен настоящим временем, однако действие причастия II еще не реализовано и квалифицируется как осуществимое в будущем, что особенно четко проявляется после глаголов ожидания, которые содержат и модальные, и каузативные семы [Пушина 2000: 133]. В примере это значение усиливается наличием глагола *would*, выражающего ожидаемое действие.

Как было отмечено выше, причастие II употребляется в качестве распространителя второстепенных членов предложения в конструкции сложное подлежащее: *It appears to match the behavior often observed in shallow wells when permeability deteriorates (JCPT, March 1998, v37, №3, p.57); In 2008, these wells are expected to increase to about 17% of all wells drilled, with 56% billion forecast to be spent globally on drilling and completing deepwater wells over the next 5 years (OGJ, June 21, 2004, p.26); The Pentagon is said to be favoring a US civilian "oil czar" that would oversee the sector with some senior positions given to Iraqi exiles (OGJ, Apr. 14, 2003, p.24).*

В темпоральном отношении действие инфинитива связано с будущим, при этом действие личного глагола, как правило, локализовано в настоящем. Причастия, образованные от глаголов зрительного восприятия, выражают

действие непредельное, длительное. С личным глаголом эти причастия связаны временными отношениями одновременности. Причастия, образованные от глаголов с семантикой действия, репрезентируют предельное, завершенное действие и имеют таксисное значение предшествования.

В анализируемом типе дискурса вторично-предикативная конструкция, именуемая **сложное дополнение**, с причастием II образуется глаголом ожидания (*to expect*), каузативным фразовым глаголом (*to call for*) и инфинитивом в активном залоге: *The Gas Strategy calls for petrochemical products derived from gas, ethane, and NGL feed stocks to receive particular attention (OGJ, June 21, 2004, p.23); We expect the market to tighten further in the near future, as drilling contractors still have the incentive to move additional markets based on the large day rate discrepancy that exists today “between drilling regions worldwide” (OGJ, June 21, 2004, p.7).* Действие инфинитива футурально, оно нерезультативно, ожидаемо. Действие причастия, образованного от двойственного в видовом отношении глагола, зависит от контекста: оно может выражать законченное, результативное действие и предшествовать личному глаголу (*Стратегия требует, чтобы нефтехимическим продуктам, полученным из газа, этана и природного газоконденсата, уделили особое внимание*); или не иметь временного плана действия и репрезентировать действие как качество объекта (*Стратегия требует, чтобы нефтехимическим продуктам, получаемым из газа, этана и природного газоконденсата, уделили особое внимание*).

В конструкциях сложное подлежащее и сложное дополнение употребляются причастия со значением результирующей деятельности, обладания, зрительного восприятия, изменения показателей, социальной активности и др. (*drilled, adjusted, derived, given, observed, reduced, published* etc.).

Абсолютный причастный оборот с причастием II в исследуемом типе дискурса, как правило, вводится предлогом *with*: *The exact solution produced still lower oil flow volumes, even with the wellbore fluid height maintained at zero (JCPT, March 1998, v37, №3, p.34); However, with half of the wells on the field currently*

shut in and produced oil stored in open pits, it is possible that output will never recover to preshutdown levels (OGJ, Jan. 27, 2003, p.6) – и выполняет функцию обстоятельства сопутствующих действий. Временное значение действия причастия II обусловлено личным глаголом и наречием времени (*currently*) и определяется как одновременное действию личного глагола. Залоговое значение причастия II интерпретируется как пассив состояния, неограниченный временными рамками, поскольку причастие II образовано от неопределенного глагола (*to maintain*) или поскольку управляется неопределенным глаголом (в данном случае экзистенциальным *to be*), обозначающим длительное действие. Абсолютный причастный оборот образуется причастиями семантической группы результирующей деятельности, объединения и др. (*produced, thrown, maintained, included etc.*).

Таким образом, анализ межкатегориальных связей причастия II в залоговых конструкциях позволяет установить, наличие «сильной» связи залога и аспектуальности, темпоральности и таксиса. В залоговых конструкциях с причастием II соотношение темпоральных и таксисных категориальных значений личного глагола и причастия II зависит главным образом от предельности причастия. В сложных предложениях причастие II обнаруживает двойную зависимость (от личных глаголов главного и придаточного предложений). Темпоральное значение причастия II, образованного от неопределенных глаголов или глаголов двойственного видового характера, одновременно темпоральному значению личного глагола. Причастие II, образованное от предельных глаголов, реализует таксисное категориальное значение предшествования.

2.2.3. Межкатегориальные связи причастия I и причастия II, реализуемые в рамках одной конструкции

Несмотря на то, что среди конструкций с причастием I и конструкций с причастием II, конструкции, включающие причастие I и II одновременно, являются немногочисленными, в некоторых из них употребляется больше трех причастий в рамках одной структуры: *The incremental supplies of gas are being*

directed to their most economic use in the petrochemical industry as well as to other industries, adding the highest possible value to the Saudi economy, as depicted in Fig. 5 (OGJ, June 21, 2004, p.21); These responsibilities include operating gas produced from the joint ventures, i.e., consolidating gas produced by the new JVs with Saudi Aramco's own supply: transporting and distributing the aggregated supplies (OGJ, June 21, 2004, p.23); Thus a revised estimate of the global seepage rate was calculated based on assumptions concerning the amount of crude oil known to be present that could seep over reasonable periods of geologic time (OiS, p.69).

В конструкциях с причастием I и II высок удельный вес экзистенциальных конструкций и конструкций с модальными глаголами, среди конструкций вторичной предикации – каузативных, объектных и субъектных конструкций, единичны примеры независимого причастного оборота. **Экзистенциальные конструкции** с причастием I и II в большинстве случаев образуются глаголом *to be* преимущественно в Present Simple, отмечаются случаи Present Perfect и Future Simple: *Crude oil is a naturally occurring oil generated by geological and geochemical processes (OiS, p.19); There has been an exponential growth in the number of petrochemical plants in the kingdom, rising from 25 in 1970s to 280 in 1995 and projected to reach more than 500 by 2005 (OGJ, June 21, 2004, p.19); Because this is a part of the function of such agencies, they are often very familiar with the oil and gas producing community, the geology of the various plays, the engineering practices and the problems associated with the production in various reservoirs, and the exploration trends active in their respective states (MOP, p.31).*

Варианты комбинаций употребления причастий многочисленны: причастие I и II в функции определительного причастного оборота к одному объекту (*There has been an exponential growth in the number of petrochemical plants in the kingdom, rising from 25 in 1970s to 280 in 1995 and projected to reach more than 500 by 2005 (OGJ, June 21, 2004, p.19)*); причастие II в функции определительного оборота и причастие I в функции обстоятельства (*In some cases the thickness of the orifice plate will be greater than permitted by the limitations in paragraph 4, in such cases the downstream edge shall be cut away at*

an angle of 45° or less to the face of the plate, leaving the thickness of the orifice edge within the requirements as set forth in paragraph 4 (EDB, p.7)) и другие.

Темпоральные и аспектуальные характеристики причастия I и причастия II в функции определительного причастного оборота к одному объекту обусловлены глагольной семантикой, локализацией личного глагола и обстоятельствами времени. *There has been an exponential growth in the number of petrochemical plants in the kingdom, rising from 25 in 1970s to 280 in 1995 and projected to reach more than 500 by 2005 (OGJ, June 21, 2004, p.19).*

Использование экзистенциального глагола *to be* (has been) в форме Present Perfect подразумевает включение какого-то отрезка прошлого и настоящего во временной период действия глагола. Глагол по своей семантике не ограничен временным пределом. Причастие I, образованное от глагола двойственного видового характера, репрезентирует длительное действие (*from 25 in 1970s to 280 in 1995*), ограниченное временным пределом (*1995*). Действие причастия – длительно, динамично, результативно и одновременно действию личного глагола. Причастие II, так же как и причастие I образовано от глагола двойственного видового характера. На его аспектуальные и временные свойства оказывает влияние личный неопределенный глагол *to be*, обозначающий длительность. Из-за этого влияния в значении причастия II преобладает значение длительности. Однако, синкретичность причастия II, которая заключается в соединении перфектных и залоговых характеристик в словоформе, проявляется в реализации завершенности, предельности действия, испытывающего воздействие из вне. Действие причастия квалифицируется как длительное, ограниченное пределом (*by 2005*). В данном случае темпоральные и аспектуальные характеристики причастия I и причастия II под влиянием семантики глагола и контекста оказываются синонимичными.

В следующем подтипе экзистенциальных конструкций причастие I употребляется в функции обстоятельства времени, сопутствующих обстоятельств и образа действия, а причастие II – в функции постпозитивного определительного причастного оборота: *In some cases the thickness of the orifice*

plate will be greater than permitted by the limitations in paragraph 4, in such cases the downstream edge shall be cut away at an angle of 45° or less to the face of the plate, leaving the thickness of the orifice edge within the requirements as set forth in paragraph 4 (EDB, p.7); When using the Beta ratios recommended in paragraph 8, the tolerance of the orifice is low (EDB, p.7).

В экзистенциальных конструкциях употребляются многочисленные причастия I и причастие II, образованные от глаголов с семантикой результирующей деятельности, движения, изменения показателей, объединения и др. (*to limit, to found, to cross, to leave, to rise, to grow, to combine* etc.). Самыми многочисленными являются причастия, образованные от глаголов потребления (*to utilize, to enrich, to use*).

Причастие I в функции обстоятельства, как правило, выражает действие одновременное действию личного глагола, который может быть локализован в настоящем или будущем времени. По аспектуальным характеристикам причастие I неопредельно, длительно, статично. Причастие II реализует таксисное значение предшествования действию личного глагола, действие причастия II предельно, результитивно. Данные значения могут осложняться модальными значениями возможности: *These are the parameters of the model that can be determined using the procedure presented in this paper (JCPT, 1998, v.37, №3, p. 51)*. Действие инфинитива квалифицируется как будущее, ограниченное пределом, что обуславливается сопряженностью предельности и пассивности в значении инфинитива. Таким образом, придаточное предложение представляет будущее, возможное действие. Модальное, темпоральное, залоговое, аспектуальное значения, взаимодействуя, реализуются в рамках одной структуры.

Таким образом, можно сделать предположение о противопоставлении причастия I и причастия II по временным (одновременность / предшествование) и аспектуальным (нерезультитивность, длительность, статичность / результитивность, предельность, однократность) характеристикам.

Аналогичное противопоставление наблюдается и в русском языке в экзистенциальных конструкциях: *Природным фактором, осложняющим*

изоляцию пресных подземных вод в процессе бурения различных скважин, являются доплиоценовые речные врезы, выполненные пластичными глинами с прослоями песков (Ниб, Т.6, с. 1905). Наиболее подверженными таким загрязнениям являются толщи, пройденные скважинами, работающими под большим давлением (Ниб, Т.6, с. 1935).

Причастие II в функции обстоятельства образа действия реализует таксисное значение одновременности действию личного глагола: *Thus a revised estimate of the global seepage rate was calculated based on assumptions concerning the amount of crude oil known to be present that could seep over reasonable periods of geologic time* (OiS, p.69). Взаимодействие таксисных, аспектуальных, залоговых значений в причастии II проявляется в неопределенности, однократности пассивного действия, одновременного действию личного глагола.

Причастие II в функции определения отмечаться в адвербиальных причастных оборотах, образованных причастием I, действие которого в свою очередь обусловлено темпоральными характеристиками личного глагола. В таких случаях, действие причастия II выражает предшествование действию причастия I, а действие причастия I одновременно действию личного глагола, локализованного в настоящем. *Privately held, CDX Gas LLC, Dallas, has developed a proprietary drilling technique for CBM incorporating RMRS technology* (OGJ, Feb. 23, 2004, p.49).

В конструкциях с **модальными глаголами** с причастием I и II основными являются модальные глаголы *would, can, must, should*: *In addition, federal subsurface oil and gas underlying surface lands owned or selected by the Alaska Native Claims Settlement Act village corporations for Atqasuk, Barrow, and Wainwright would not be available for leasing* (OGJ, Jan. 27, 2003, p.28); *A fall-off test conducted on a horizontal injection well can be analyzed using the pseudosteady state (PPS) method* (JCPT, 1998, v.37, №3, p. 25); *Libya must find more oil reserves because it has already produced nearly half of its discovered reserves to date, and countries historically have difficulty maintaining stable production once depletion*

exceeds 60% (OGJ, June 21, 2004, p.25); Future proposal solicitations, however, should be open to meritorious projects from previously funded reservoir classes as well as the class currently being solicited (MOP, p.46).

В данных конструкциях на аспектуальные и временные характеристики причастий накладываются модальные значения возможности, должествования, совета. Причастие I, образованное от неопределенного глагола, в функции определительного оборота (*underlying*) и обстоятельства (*using, maintaining*) реализует таксисное значение одновременности действию личного глагола. По своим аспектуальным характеристикам действие причастия – длительно, нерезультативно. Действие причастия II (*owned*) квалифицируется как неопределенное, нерезультативное, длительное, что обусловлено семантикой неопределенного глагола, образовавшего причастие. Причастие II, образованное от предельного глагола, выражает результативное, законченное действие. Пассивные причастие I и причастие II по линии временной отнесенности противопоставляются как действие, одновременное действию личного глагола (*being solicited*), и действие, предшествующее личному глаголу (*funded*), по аспектуальным характеристикам – как длительное и законченное действия: *Two possible mechanisms should be suggested: (1) open future proposal solicitations to meritorious projects from all previously funded classes, as well as the class currently being solicited; and (2) simplify the procedure used in proposal preparation (MOP, p.42).* Темпоральное отношение причастий с личным глаголом обусловлено наречиями времени (*previously, currently*).

В конструкциях с модальными глаголами употребляются причастия, образованные от глаголов ментальной и результирующей деятельности, потребления, обладания, существования и др. (*to confirm, to consider, to propose; to develop, to conduct, to obtain, to maintain, to create, to produce; to apply, to use, to employ, to own, to lose, to be etc.*).

В русском языке конструкции с модальными глаголами, в которых употребляются несколько причастий отмечаются редко. Как правило, модальный глагол представлен глаголом *мочь*: *Примером природного*

материала, оказывающего положительный эффект, может служить нафталанская нефть, применяющаяся в фармацевтической практике (Ниб, Т.6, с. 1967). В данных конструкциях русские причастия противопоставляются по залоговому принципу.

Значение модальности в конструкциях с модальным глаголом может быть осложнено условным значением: *Если в процессе геологического изучения недр, осуществляемого юридическим лицом с участием иностранных инвесторов, открыто месторождение полезных ископаемых, подпадающее под вышеперечисленные критерии, то правительство РФ может отказать компании в праве пользования таким участком* (НР, 2009, №2, с. 36).

В анализируемом типе дискурса отмечаются конструкции с несколькими неличными формами глагола (инфинитивом, причастием I и причастием II): *To accommodate the new information now available, the “best estimate” of the global crude oil seepage rate has been revised to 600,000 tonnes per year, reviving an estimate made originally in 1975* (OiS, p.70). Инфинитив в функции обстоятельства причины реализует таксисное значение следования действию личного глагола. По аспектуальным характеристикам действие инфинитива нерезультативно, неопредельно. Темпоральное значение причастия I в функции обстоятельства квалифицируется как одновременное действию личного глагола, локализованного в настоящем. Аспектуальные черты причастия I проявляются в длительности, неопредельности. Временное значение причастия II определяется его семантикой и обстоятельством времени (*in 1975*) и рассматривается как предшествование действию личного глагола. Действие причастия II – предельно, результативно. Таким образом, возникает оппозиция инфинитив – причастие I – причастие II, которая по таксисной линии выражается следующим образом: следование – одновременность – предшествование, а по аспектуальной – неопредельность, длительность – неопредельность – предельность, результативность. Инфинитив и причастие I, образованные от неопредельных глаголов, противопоставляются причастию II, образованному от предельного глагола, по аспектуальным характеристикам.

Конструкции вторичной предикации с причастием I и причастием II в исследуемом дискурсе представлены каузативными конструкциями, а так же немногочисленными конструкциями «сложное подлежащее» и независимый причастный оборот.

Каузативные конструкции с причастием I и причастием II могут характеризоваться насыщенностью каузативных глаголов и причастий: *Costs were to be determined using price-analysis techniques, which would have reduced the detailed cost estimates required from contractors in the past (MOP, p.40); Grooves, scouring, pits, raised ridges resulting from seams, distortion caused by welding, etc. which affect the inside diameter at such points by more than the tolerance given in Figure 1, shall not be permitted (EDB, p.7). Moored in more than 2200 ft of water in Medusa field on Mississippi Canyon Block 582 in the Gulf of Mexico, The Medusa Spar currently has the first of six initial wells flowing and tied back (OGJ, Feb. 2, 2004, p.35).* В данных конструкциях описывается ситуация, в которой каузатор приводит объект в новое состояние, выраженное причастием II, при этом агент может не иметь формального выражения в структуре предложения [Терешина 2008: 146].

Анализируемые конструкции сочетают каузативный и пассивный смыслы. Причастие II реализует залоговое пассивное значение, которое принадлежит его содержанию [Пушина 2000: 135]. Образованное от предельного глагола, действие причастия носит результативный характер, и таким образом, в анализируемых конструкциях значение каузативности сопряжено со значением пассивности и результативности, что четко проявляется в причастии II. Причастие I в исследуемых конструкциях передает ситуации, в которых под воздействием каузатора объект совершает действие, обозначенное причастием I. Действие причастия I носит процессуальный и незавершенный характер.

Каузативная структура может выступать в придаточном предложении обстоятельства образа действия: *Saturated steam is assumed to be injected into the wellbore at high pressures, causing formation parting (JCPT, March, 1998, v.37, №3, p. 34).*

В каузативных конструкциях употребляются причастия, образованные от глаголов ментальной деятельности, изменения показателей, потребления, каузативных и посессивных глаголов и др. (*to predict, to result, to grow, to raise, to use, to cause, to required, to give etc.*).

В русском языке отмечаются немногочисленные каузативные конструкции с причастием: *Неопределенность развития политической и экономической ситуации, особенно усилившаяся в последнее время (из-за разразившегося глобального финансового кризиса), вызывает необходимость построения вариантного прогноза цен на нефть, основанного на наиболее вероятных сценария изменения обстановки в мире* (НР, 2009, № 2, с. 9).

Независимые причастные обороты могут образовываться одновременно причастием I и причастием II, или одним причастием (например, причастием II – *conducted*), в то время как другое причастие (*having*) выступает в роли распространителя второстепенного члена независимого оборота: *Forecasting a peak in oil production depends on the reliability of the resource and reserve estimates, with a field by field analysis conducted for all fields having reserves of more than 0.5 billion bbl* (Trends, p.6); *The dialog box for Solver™ guides the user through the process of selecting the spreadsheet cells to be minimized, the cells containing the parameters and the constraints placed on each parameters* ((JCPT, March, 1998, v.37, №3, p.53).

В данных конструкциях употребляются причастия, образованные от глаголов со значением результирующей деятельности, изменения показателей, социальной активности, объединения, посессивных, каузативных глаголов и др. (*to conduct, to abate, to increase, to credit, to contain, to have, to allow etc.*).

Причастие I реализует значение одновременности действию личного глагола, выражая длительное, незаконченное действие. Действие причастия II квалифицируется как предшествующее действию личного глагола. По своим аспектуальным характеристикам причастие II результативно, предельно.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о существовании оппозиции по таксисной линии «одновременность – предшествование» в

исследуемом типе дискурса, основными средствами образования которой являются причастие I и причастие II. Что по-видимому не совсем корректно, так как причастие II не всегда обозначает действие в прошлом. Темпоральный признак причастия II зависит от семантических признаков глагола переходности / непереходности, предельности / неопределенности. Причастиями одновременного действия являются причастия I от любых переходных и непереходных глаголов и причастие II от непереходных глаголов

Причастие I и причастие II противопоставляются по аспектуальным характеристикам: (нерезультативность, длительность, статичность / результативность, предельность, однократность).

Выводы по второй главе

Парадигма конструкций с причастием представлена конструкциями первичной и вторичной предикации, классифицируемых на основе семантики личного глагола.

Категориальные взаимодействия, реализующиеся в специализированном научно-техническом дискурсе, устанавливаются как на внутрикатегориальном, так и на внешнекатегориальном уровне.

Связи на внутрикатегориальном уровне обусловлены видом причастия, его семантическими и глагольными характеристиками: предельность / неопределенность, динамичность / статичность, начинательность, длительность / однократность.

Аспектуальные и темпоральные характеристики причастия взаимосвязаны. Причастие I, образованное от неопределенных глаголов, взаимосвязано с личным глаголом по временной оси таксисными значениями одновременности и выражает длительное, неопределенное, динамичное действие, а причастие II, образованное от предельных глаголов, предшествует действию личного глагола, на что указывают обстоятельства времени, и реализует значение предельности, однократности. Таксис в английском языке может быть только зависимым при выражении причастиями, из трех видов зависимого таксиса в английских

научно-технических текстах широко представлены таксис предшествования и одновременности, таксис следования носит ограниченный характер.

Темпоральные значения пассивного причастия I, образованного от предельных переходных глаголов, характеризуются как значения одновременности с действием личного глагола, которое чаще всего локализовано в настоящем времени.

При употреблении нескольких неличных форм в рамках одной конструкции причастие I и инфинитив противопоставляются по линии таксиса (одновременность / следование) и по линии аспектуальности (длительность, динамичность, неопределенность / однократность, результативность, предельность).

Темпоральные характеристики пассивного причастия II в функции определения обусловлены личным глаголом и обстоятельствами времени. Причастие II выражает таксисное значение предшествования, если оно образовано от предельных глаголов, и имеет результативное значение, обнаруживая связь залога, аспектуальности и темпоральности. Причастие II, образованное от неопределенных глаголов, репрезентирует действие как одновременное действию личного глагола. Действие причастия II определяется как нерезультативное, длительное.

В сложных предложениях причастие II противопоставляется инфинитиву по темпоральным характеристикам (предшествование / одновременность и следование).

Внутри собственной парадигмы причастие I, причастие II образуют оппозиции на уровне семантических признаков грамматической категории времени (одновременность / предшествование), аспектуальности (нерезультативность, длительность, статичность / результативность, предельность, однократность) и залога (активность / пассивность). Залоговое значение причастия может быть выражено причастием I в пассивной форме и причастием II, различаемых по длительности / недлительности (кратности) действия.

Межкатегориальные связи, устанавливаемые на внешнекатегориальном уровне, обусловлены категориальными значениями личного глагола, внешним

распространением конструкций, функциями причастия в предложении. К такого рода связям относятся связи категорий причастия и категорий посессивности, экзистенциальности, модальности, каузативности и других. В конструкциях первичной предикации значения темпоральности, аспектуальности, залоговости сопряжены со значениями посессивности, экзистенциальности, модальными значениями возможности, нереальности, с кондициональными значениями.

В сложносочиненных двупредикатных синтаксических структурах актуализируются связи на внешнекатегориальном уровне. Личные глаголы главного и придаточного предложений и причастие связаны по линии категории времени, таксиса, аспектуальности.

Активное употребление экзистенциальных, посессивных конструкций и конструкций с модальными глаголами в специализированном научно-техническом дискурсе объясняется спецификой лексического наполнения личного глагола, при помощи которого сообщается о новых результатах исследования, доказываются определенные положения, гипотезы, точно излагаются научные вопросы.

В результате проведенного исследования установлено, что в английском и русском научно-техническом дискурсе активно употребляются причастия, образованные от глаголов результирующей и ментальной деятельности, экзистенциальных и посессивных глаголов, глаголов движения. Высок удельный вес причастий, образованных от глаголов, широко употребляемых в других типах дискурса: причастия, образованные от глаголов, обозначающих изменения показателей и глаголов оценки, свойственны экономическому дискурсу; причастия, образованные от глаголов потребления, социальной активности, речи, типичны для социально-политического дискурса.

Таким образом, межкатегориальные связи причастия, обусловленные семантикой личного глагола и семантикой причастия, находятся в прямой зависимости от особенностей специализированного научно-технического (нефтяного) дискурса и функционирования в нем причастия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проанализировали межкатегориальные связи в грамматике причастия на материале специализированного научно-технического дискурса, предварительно остановившись на вопросах философии частеречной теории, истории происхождения и развития причастия, ономаσιологического и когнитивного аспектов причастия, межкатегориального взаимодействия, категории научного и научно-технического дискурса. Полученные результаты представляется возможным сформулировать следующим образом.

Причастие является неличной формой глагола, сочетающей свойства глагола и прилагательного, двойственный характер которой обусловлен отыменным происхождением причастия и его последующим втягиванием в глагольную парадигму. История происхождения и развития причастия, наличие общих свойств в причастиях разноструктурных языков свидетельствует об универсальности категории причастия.

Причастие как гибридная неличная форма совмещает глагольные и адъективные признаки. Именное пространство, структурируя номинализованное пространство и обуславливая переход лексической единицы в класс имен, накладывается на глагольную основу в виде сетки абстрактных предметных концептов. Когнитивные структуры, сливаясь в семантике языковых единиц, образуют гибридные пространства, которые наследуют роли и свойства исходных пространств, но обладают своей собственной структурой. Так, категория качественности, выходя за рамки имени прилагательного, вступает во взаимодействие с глагольными категориями темпоральности, модальности, аспектуальности и другими, образуя причастие – периферийный подкласс глагола.

При исследовании межкатегориальных связей причастия необходимо учитывать парадигматический и синтагматический аспекты. Взаимодействие категорий прилагательного и глагола, которое типологизируется как сильное и слабое, синтезирование и сопряженность и обладающее высокой

устойчивостью, протекает как на уровне одной словоформы, так и на уровне всего высказывания.

Наиболее частотной сфере употребления причастия является научно-технический дискурс, что обусловлено способностью причастия обозначать динамически меняющийся признак, сжимая информацию и позволяя охарактеризовать предмет, что придает речи спаянность, логичность и краткость, свойственные научному дискурсу.

Причастие в анализируемом типе дискурса употребляется в конструкциях первичной и вторичной предикации, раскрывающих сложный комплекс категориальных взаимодействий и взаимовлияний, основным источником которых являются связи между причастием и личным глаголом. Самыми распространенными конструкциями первичной предикации являются конструкции, образуемые экзистенциальными и посессивными глаголами, глаголами речи, а также конструкции с модальными глаголами. Парадигма конструкций вторичной предикации представлена каузативными конструкциями, абсолютным причастным оборотом, сложным подлежащим и дополнением.

Межкатегориальные связи, реализуемые в исследуемых конструкциях, классифицируются как **общие**, устанавливаемые в рамках всей типологии конструкций с причастием, и **специфичные**, характерные для определенных типов конструкций.

Общие межкатегориальные связи обусловлены семантикой причастия, категориальными признаками предиката, внешними распространителями конструкции. К таким связям относятся связи зависимого таксиса и аспектуальности; темпоральности и аспектуальности; темпоральности и залога; аспектуальности и временной локализованности / нелокализованности; аспектуальности, залога, таксиса; каузативности, залога и аспектуальности.

Специфичные межкатегориальные связи обусловлены семантикой личного глагола и реализуются с вышеуказанными общими типами связей в отдельных вариантах парадигмы. К такого рода взаимодействиям относятся

взаимодействие категориальных признаков причастия и личного глагола, образующего конструкцию. Тип и характер межкатегориальных связей обусловлены типом конструкции и категориальными признаками личного глагола, семантикой причастия и внешними распространителями.

Помимо межкатегориальных связей внутри одной словоформы наблюдаются отношения категорий на уровне предложения, которые определяются наличием в синтаксических парадигмах следующих связей и пересечений с функционально-семантическими категориями и функционально-семантическими полями глагола.

В экзистенциальных конструкциях связаны значения экзистенциальности и каузативности; причастие, образованное от неопределённых каузативных глаголов, репрезентирует действие, одновременное действию личного глагола, выражая длительное, статичное, неопределённое действие. Причастие и личный глагол связаны темпоральными, аспектуальными, залоговыми и таксисными отношениями.

В посессивных конструкциях исследуемого типа дискурса связаны значения посессивности и экзистенциальности. Посессор, выраженный неодушевлённым существительным, смещает семантический фокус конструкции, способствуя ослаблению значения посессивности. Формальный обладатель воспринимается в большей степени в качестве локализатора, передающего пространственные характеристики объекта обладания, тождественные объекту бытия, существование которого обусловлено действием причастия. Происходит усиление значения экзистенциальности за счёт ослабления значения посессивности. В посессивных конструкциях значение обладания связано также со значениями темпоральности, аспектуальности, залоговости. В русском языке так же отмечается соединение значений экзистенциальности и посессивности. Формальным выразителем данных конструкций является глагол **есть**, который по своей семантике принадлежит к классу экзистенциальности, но в контексте приобретает значение **иметь**.

В конструкциях с модальными глаголами реализуются межкатегориальные связи аспектуальности и модальности. Аспектуальные характеристики причастия обусловлены значением возможности, нереальности модального глагола. Таким образом, действие причастия, образованного от глаголов двойственного видового характера, может интерпретироваться как результативное или длительное, предшествующее или вне временной отнесенности.

В условных конструкциях кондициональные значения сопряжены с темпоральными, таксисными и модальными значениями. Действие причастия I длительно, неопределенно и одновременно действию личного глагола. Действие причастия II, образованного от неопределенного глагола, выражает либо действие, предшествующее действию личного глагола, либо действие безотносительно к фактору времени.

В сложносочиненных двупредикатных синтаксических структурах актуализируются связи на внешнекатегориальном уровне. Личные глаголы главного и придаточного предложений и причастие связаны по линии категории времени, таксиса, аспектуальности.

В предложениях с несколькими неличными формами глагола наблюдается противопоставление причастия и инфинитива, причастия I и причастия II. Причастие I и инфинитив противопоставляются по линии таксиса (одновременность – следование) и аспектуальности (длительность, динамичность, неопределенность – однократность, результативность, предельность). Причастие II и инфинитив образуют оппозиции по линии временной отнесенности (предшествование – одновременность и следование личному глаголу). Причастие I, причастие действительного залога в русском языке и причастие II, причастие страдательного залога в русском языке противопоставляются по временным (одновременность / предшествование) и аспектуальным (длительность, статичность / результативность, предельность, однократность) характеристикам.

В конструкциях вторичной предикации **сложное подлежащее и сложное дополнение** причастие II, образованное от неопределённых глаголов, находясь в зависимом положении от глаголов зрительного восприятия и глаголов семантической группы со значением «казаться», приобретает некоторые их черты (протяженность во времени). Действие причастия II длительно.

Исследование межкатегориальных связей в грамматике причастия в специализированном научно-техническом дискурсе позволило выделить парадигму межкатегориальных связей причастия (реализующихся в пределах одной словоформы как синкретизм категориальных значений и на уровне всего высказывания как взаимодействие причастия и личного глагола), которая отражает факты научной действительности, особенности теоретического мышления и специфику познавательного характера общения в научной сфере. Представляется возможным полученные результаты проецировать на языки широкой типологии.

В перспективе исследование межкатегориальных связей в грамматике причастия может послужить основой для дальнейшей детализации классификации причастий, изучения терминологических групп с причастием, учитывая их активное использование в терминотворчестве, изучения когнитивных аспектов взаимодействия, а также для последующей разработки научного дискурса и его разновидностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулфанова, А.А. Научный дискурс о тексте / А.А. Абдулфанова // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. – С. 119–124.
2. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 239 с.
3. Алатырев, В.И. Вопросы удмуртского языкознания. Том 1. / В.И. Алатырев. – Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1959. – 215 с.
4. Алексеева, Л.М. Деривационный аспект исследования термина и процессов терминообразования (на материале научно-технической терминологии русского и английского языков): автореф. ... канд. филол. наук / Л.М. Алексеева. – Пермь, 1990. – 19 с.
5. Алпатов, В.М. История лингвистических учений: Учебное пособие / В.М. Алпатов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
6. Амагов, А. М. О парадигматике английских каузативных конструкций [Электронный ресурс] / А.М. Амагов. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/amatov-04.htm>
7. Аникина, Т.В. Конститутивные признаки компьютерного дискурса / Т.В. Аникина // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: Материалы межд. конф. – Ижевск; ИДМОО «Полиглот», 2008. – С. 20–22.
8. Апресян, Ю.Д. Принципы описания значений граммем / Ю.Д. Апресян // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – С. 61–65.
9. Аракин, В.Д. Очерки по истории английского языка / В.Д. Аракин. – М.: Учпедгиз, 1955. – 346 с.
10. Аринштейн, В.М. Особенности образования производственных каузативных значений у глаголов различных валентностных классов / В.М. Аринштейн // Семантика и функционирование английского глагола: Межвуз. сб. науч. тр. – Горький: Изд-во Горьк. гос. пед. инст-та им. Горького, 1985. – С. 3–10.

11. Аристотель (**Аристотель 1984а**) Сочинения в четырех томах. Т. 2 Категории / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – 687 с.
12. Аристотель (**Аристотель 1984б**) Сочинения в четырех томах. Т. 4 Поэтика / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
13. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.
14. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл [Электронный ресурс] / Н.Д. Арутюнова. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/168>. Arutyunova
15. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
16. Баранова, И.И. Функциональные особенности научно-популярных текстов (на материале подязыка физики): автореф. ... канд. филол. наук / И.И. Баранова. – М., 1995. – 19 с.
17. Бархударов, Л.С., Штелинг, Д.А. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – М.: Высшая школа, 1965. – 428 с.
18. Бекшиева, Е.В. Отражение гносеологической категории каузальности в названиях болезней / Е.В. Бекшиева // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов 26-28 сентября 2006 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2006. – С. 145–148.
19. Белошапкова, Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке / Т.В. Белошапкова. – М.: КомКнига, 2007. – 336 с.
20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 448 с.
21. Беньяминова, В.Н. Жанры английской научной речи / В.Н. Беньяминова. – Киев: Наукова думка, 1988. – 123 с.
22. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
23. Болдырев, Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н.Н. Болдырев. – СПб: РГПУ; Тамбов: ТГУ, 1995. – 139 с.

24. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.
25. Болдырев, Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода / Н.Н. Болдырев // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов 26-28 сентября 2006 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2006. – С. 34–39.
26. Бондарко, А.В. **(Бондарко 1976а)** Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
27. Бондарко, А.В. **(Бондарко 1976б)** Проспект функциональной морфологии русского языка и фрагмент «Категория залога» / А.В. Бондарко // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц: сб. науч. тр. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1976. – С. 5–36.
28. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
29. Бондарко, А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2001. – 260 с.
30. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
31. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М.: КомКнига, 2007. – 288 с.
32. Бруннер, К. История английского языка. В 2х томах. / К. Бруннер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 720 с.
33. Бударина, Т.А. Грамматический статус и семантика причастий современного немецкого языка: дис.... филол. наук / Т.А. Бударина. – Москва, 1997. – 205 с.
34. Бурлакова, В.В. Синтаксические структуры современного английского языка / В.В. Бурлакова. – М.: Просвещение, 1984. – 112 с.

35. Вайсс, Д. Евразийский облик посессора в современном русском языке / Д. Вайсс // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В.С. Храковского. – М.: Знак, 2004. – С. 99–118.
36. Варшавская, А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка) / А.И. Варшавская. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 135 с.
37. Васильева, Э.П. Состав и структура каузальности в английском газетном дискурсе / Э.П. Васильева // Коммуникативное пространство дискурса в современных германских языках: межд. сб. науч. статей. – Самара: Самарский ун-т, 2007. – С. 17–24.
38. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
39. Винокурова, Л.П. Грамматика английского языка / Л.П. Винокурова. – Л.: Учпедгиз, 1954. – 344 с.
40. Воейкова, М.Д. Категориальные признаки перформативных высказываний в русском языке / М.Д. Воейкова // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – С. 153–216.
41. Володина, М.Н. Когнитивно-информационная природа термина / М.Н. Володина. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 128 с.
42. Вялкова, В.Б. Семантическая структура предложения с синтетическим каузативом / В.Б. Вялкова // Семантика и функционирование английского глагола (межвуз. сб. науч. тр.). – Горький: Изд-во Горьк. гос. пед. инст-та им. Горького, 1985. – С. 36–44.
43. Гаврилова, В.И. К вопросу о выражении диатезы «объектный квазипассив в русском языке» / В.И. Гаврилова // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 203–208.
44. Гак, В.Г. К диалектике семантических отношений в языке / В.Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 73–92.
45. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.

46. Гвишиани, Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии) / Н.Б. Гвишиани. – М.: Высшая школа, 1986. – 280 с.
47. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 448 с.
48. Горшкова, К.В., Хабургаев, Г.А. Историческая грамматика русского языка / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – М.: Высшая школа, 1981. – 359 с.
49. Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология (ГСУЯ). – Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962. – 376 с.
50. Гречко, В.К. Конструкции с полнозначными каузативными глаголами в научном стиле (на материале немецкой научно-технической литературы) / В.К. Гречко // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – С. 194–197.
51. Гринев, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
52. Гуревич, В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков / В.В. Гуревич. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 168 с.
53. Данилевская, Н.В. Научный текст – дискурс – интердискурс: функционально-стилистический взгляд / Н.В. Данилевская // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2005. – Вып. 8. – С. 175–184.
54. Дашкова, С.Ю. Функционирование сложноподчиненных предложений с причинно-следственной связью в научных текстах (на материале французского языка) / С.Ю. Дашкова // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: Межвуз. тематич. сб. науч. тр. – Вып. 4. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – С. 54–59.
55. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // ВЯ. – 1994. - № 4. – С. 17–33.
56. Дерюгин, А.А., Лукьянова, Л.М. Латинский язык / А.А. Дерюгин, Л.М. Лукьянова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. – 230 с.

57. Дешериева, Т.И. Категория модальности в нахских и иноструктурных языках / Т.И. Дешериева. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
58. Долинина, И.Б. Рефлексив и средний залог в системе английских залогов и проблема «гиперлексемы» / И.Б. Долинина // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 162–171.
59. Долинина, И.Б. Особенности значения и способы языкового выражения предикатов в двупредикатных комплексах (на материале английского языка) / И.Б. Долинина // Категории глагола и структура предложения: конструкции с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1983. – С. 42–51.
60. Долинина, И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола / И.Б. Долинина. – Л.: Наука, 1989. – 216 с.
61. Долинина, И.Г. Типология выражения видо-временных категорий на материалах русского, английского и некоторых языков народов Кавказа / И.Г. Долинина. – Нальчик, 1964. – 56 с.
62. Дроздова, Т.В. Репрезентация концептов в научном тексте (обыденное versus научное) / Т.В. Дроздова // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. – С. 124–128.
63. Елизарова, Г.В. Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях) / Г.В. Елизарова. – СПб.: Изд-во «Бельведер», 2000. – 140 с.
64. Есперсен, О. Философия грамматики: грамматика современного английского языка / О. Есперсен. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 408 с.
65. Жигадло, В.Н., Иванова, И.П., Иофик, Л.Л. Современный английский язык / В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – 351 с.
66. Жирмунский, В.М. Общее и германское языкознание / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1976. – 696 с.
67. Журавлева, Т.А. Особенности терминологической номинации / Т.А. Журавлева. – М.: Инст-т язык-я РАН, 1995. – 96 с.

68. Загородняя, В.А. Глаголы широкой семантики в научно-технических текстах на английском языке и их перевод на русский: дис. ... канд. филол. наук / В.А. Загородняя. – М., 2003. – 215 с.
69. Зайцев, И.В. Дискурсивные практики обыденного политического сознания [Электронный ресурс] / И.В. Зайцев. – Режим доступа: <http://www.volsu.ru/rus/structure/facult/philos/plg/art1.doc>
70. Звегинцев, В.А. Семасиология / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 323 с.
71. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 247 с.
72. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 336 с.
73. Зверева, Е.А. Научная речь и модальность (система английского глагола) / Е.А. Зверева. – Л.: Наука, 1983. – 158 с.
74. Земскова, Л.П., Копров, В.Ю. Синтактико-стилистический аспект простого предложения в научном тексте / Л.П. Земскова, В.Ю. Копров // Функционально-стилистический аспект различных типов текста: Межвуз. сб. науч. тр. Перм. ун-т. – Пермь, 1991. – С. 113–118.
75. Иванов, В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В. Иванов. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с.
76. Иванова, И.П. Видовременная система в современном английском языке: автореф. ... докт. филол. наук / И.П. Иванова. – Л., 1957. – 37 с.
77. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
78. Иванова, И.П., Бурлакова, В.В., Почепцов, Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
79. Иванова, И.П., Чахоян, Л.П. История английского языка / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1976. – 319 с.

80. Иванова, И.П., Чахоян, Л.П., Беляева, Т.М. История английского языка / И.П. Иванова, Л.П. Чахоян, Т.М. Беляева. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 512 с.
81. Ивина, Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) / Л.В. Ивина. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
82. Ильиш, Б.А. Современный английский язык: теоретический курс / Б.А. Ильиш. – Л.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1940. – 256 с.
83. Ирисханова, О.К. Когнитивные аспекты номинализации / О.К. Ирисханова // Когнитивная семантика. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – С.75–76.
84. Ирисханова, О.К. О теории концептуальной интеграции / О.К. Ирисханова // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60. – № 3. – С. 44–49.
85. Историческая грамматика русского языка (**ИГРЯ**) / Под ред. проф. П.Я.Черных. – М.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1962. – 375 с.
86. Калинина, Л.И. Причастия на –мон в удмуртском языке / Л.И. Калинина // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: сб. статей. – Устинов: Научно-исследоват. инст-т при Совете Министров УАССР, 1986. – 180 с.
87. Калинина, Л.И. Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке / Л.И. Калинина. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2001. – 182 с.
88. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1976. – 379 с.
89. Карапетян, М.В. Научные теории частей речи и их отражение в английских педагогических грамматиках XX в.: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Карапетян. – Л., 1991. – 170 с.
90. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.

91. Карасик, В.И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. – Режим доступа: <http://www.ruslang.com/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
92. Касевич, В.Б., Храковский, В.С. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики / В.Б. Касевич, В.С. Храковский // Категории глагола и структура предложения: конструкции с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1983. – С. 5–27.
93. Кацнельсон, С.Д. Историко-грамматические исследования (из истории атрибутивных отношений) / С.Д. Кацнельсон. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 384 с.
94. Кельмаков, В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии / В.К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1998. – 384 с.
95. Кечерукова, М.К. Некоторые особенности НФГ в английском языке / М.К. Кечерукова // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференции: Сб. науч. тр. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1989. – С. 61–66.
96. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // ВЯ. – 1994. – № 5. – С. 126–139.
97. Козинцева, Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями / Н.А. Козинцева. – Л.: Наука, 1991. – 143 с.
98. Колесов, В.В. История русского языка / В.В. Колесов. – СПб.; Филологич. факультет СПбГУ; М.: Издательский дом «Академия», 2005. – 672 с.
99. Колшанский, Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г.В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 5–30.
100. Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений / Н.А. Кондрашов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
101. Копылова, Т.Р. Языковая репрезентация концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Т.Р. Копылова. – Ижевск, 2007. – 195 с.

102. Кошечая, И.Г., Дубовский, Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков / И.Г. Кошечая, Ю.А. Дубовский. – Минск: Высшая школа, 1980. – 270 с.
103. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. – Кн.1. Теория / О.А. Крылова. – М.: Высшая школа, 2006. – 319 с.
104. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 115 с.
105. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // ВЯ. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
106. Кубрякова, Е.С. Слово в дискурсе (новые подходы к его анализу) / Е.С. Кубрякова // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. – С. 7–11.
107. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
108. Кузнец, М.Д., Скребнев, Ю.М. Стилистика английского языка / М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 173 с.
109. Кузнечик, Т.А. Агенси пассивных конструкций / Т.А. Кузнечик // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Вып. 2. – Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 1975. – С. 68–73.
110. Лайонз, Д. Введение в теоретическую лингвистику / Д. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
111. Латинский язык (ЛЯ) / Под ред. Ярхо В.Н., Лобобы В.И.. – М.: Просвещение, 1983. – 319 с.
112. Левицкий, Ю.А. От высказывания к предложению. От предложения к высказыванию / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Пермский ун-т, 1995. – 196 с.
113. Ломов, А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 1994. – 278 с.

114. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7 – Труды по филологии 1739-1758гг. / М.В. Ломоносов. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 994 с.
115. Лукин, О.В. Части речи в античной науке: логика, риторика, грамматика / О.В. Лукин. // ВЯ. – 1999. – № 1 – С. 131–141.
116. Лутовинова, О.В. Особенности дефиниций в педагогическом дискурсе / О.В. Лутовинова // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. – С. 133–137.
117. Львов, Л.А. К определению основных типов глагольных предикатов / Л.А. Львов // Семантика и функционирование английского глагола (межвуз. сб. науч. тр.). – Горький, Изд-во Горьк. гос. пед. инст-та им. Горького, 1985. – С. 81–89.
118. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
119. Манерко, Л.А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств / Л.А. Манерко // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. – С. 17–29.
120. Мароевич, Р.Н. Части речи в русском языке / Р.Н. Мароевич. // ВЯ. – 2001. – № 2 – С. 151–153.
121. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов – М.: Высшая школа, 1998. – 272 с.
122. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука. 2006. – 296 с.
123. Метс, Н.А., Митрофанова, О.Д., Одинцова, Т.Б. Структура научного текста и обучение монологической речи / Н.А. Метс, О.Д. Митрофанова, Т.Б. Одинцова. – М.: Русский язык, 1981. – 141 с.
124. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.

125. Миньяр-Белоручева, А.П., Вдовина, О.А. Функционально-стилистические особенности научного текста по международным отношениям: научная монография / А.П. Миньяр-Белоручева, О.А. Вдовина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 160 с.
126. Миронова, Н.Н. О понятии «дискурс» в современной лингвистике / Н.Н. Миронова // Тенденции развития в лексике и синтаксисе германских языков: межвуз. сб. науч. статей. – Самара: Самарский ун-т, 1997. – С. 94–99.
127. Мирошенкова, В.И., Федоров, Н.А. Учебник латинского языка / В.И. Мирошенкова, Н.А. Федоров. – М.: Высшая школа, 1976. – 300 с.
128. Митрофанова, О.Д. Язык научно-технической литературы / О.Д. Митрофанова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 147 с.
129. Михайлова, О. А. Лексическое значение в свете альтернативных научных парадигм / О.А. Михайлова // Известия Уральского гос. ун-та. – 1999. – № 13. – С. 70–79.
130. Мишланов, В.В. Об актуализации и референции глагола / В.В. Мишланов // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: материалы Межд. науч.-практ. конф. (Пермь, 28 – 30 мая 2008 г.). – Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2008. – С. 299–302.
131. Морозова, Е.С. О семантике страдательного залога в английских художественных и научных текстах / Е.С. Морозова // Язык и стиль научного изложения: Лингвометодологические исследования. – М.: Наука, 1983. – С. 160–168.
132. Мурясов, Р.З. Неличные формы глагола в контрастивно-типологическом видении / Р.З. Мурясов // ВЯ. – 2000. – № 4. – С. 43–55.
133. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

134. Мустайоки, А., Копотев, М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа потому что, в зависимости от, к сожалению / А. Мустайоки, М. Копотев // ВЯ. – 2004 – № 3. – С. 88–107.
135. Низовец, Т.И. Особенности синтаксиса английских научно-технических текстов: Учебное пособие / Т.И. Низовец. – М.: МАИ, 2002. – 84 с.
136. Овшиева, Н.Л. Аспекты анализа дискурса / Н.Л. Овшиева // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: Межвуз. тематич. сб. науч. тр. – Вып. 4 / Под ред. Г.Г. Галич. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – С. 78–90.
137. Петрова, Н.В. Текст и дискурс / Н.В. Петрова // ВЯ. – 2003. – № 6. – С. 123–131.
138. Петрова, С., Рудавин, О. Английский язык: Справочник по грамматике / С. Петрова, О. Рудавин. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: Торсинг, 2003. – 108 с.
139. Перевошиков, П.Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке / П.Н. Перевошиков. – Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1959. – 328 с.
140. Петунина, И.А. Обстоятельства в английских стативных и пассивных предложениях / И.А. Петунина // Анализ синтаксических единиц: Лингвистические исследования, 1980. – М.: Инст-т язык-я, 1980. – С. 152–162.
141. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Наука, 1956. – 511 с.
142. Плоткин, В.Я. Грамматические системы в английском языке / В.Я. Плоткин. – Кишинев: Штиинца, 1975. – 127 с.
143. Плоткин, В.Я. Строй английского языка / В.Я. Плоткин. – М.: Высшая школа, 1989. – 239 с.
144. Повышева, Е.М. Межкатегориальные связи в грамматике отглагольного существительного: дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Повышева. – Ижевск, 2006. – 198 с.
145. Потенбня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2 / А.А. Потенбня. – М.: Учпедгиз, 1958. – 533 с.

146. Проблемы типологии текста: сборник научно-аналитических обзоров (Проблемы). – М.: ИНИОН, 1984. – 178 с.

147. Простов, А.В. Перфект в научном лингвистическом тексте / А.В. Простов // Научные чтения, посвященные памяти профессора В.Г. Гака, Волгоград, 27 января 2005 г.: сб. статей. - Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005. – С. 94–100.

148. Пугачева, Е.Ф. Средства выражения каузальных отношений в стиле научной прозы современного английского языка / Е.Ф. Пугачева // Грамматические единицы языка в высказывании и тексте: сб. науч. тр. – Вып. 355. – М., 1990. – С. 61–69.

149. Пумпянский, А.Л. Грамматические закономерности научной и технической литературы: англо-русские эквиваленты / А.Л. Пумпянский. – Калинин: Калин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.

150. Пупынин, Ю.А. Грамматические категории глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях / Ю.А. Пупынин // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – С. 43–60.

151. Пушина, Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола / Н.И. Пушина. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2000. – 170 с.

152. Пушина, Н.И. Неличные формы глагола в ономаσιологическом и когнитивных аспектах / Н.И. Пушина // Вестник Удмуртского Ун-та. История и филология. – Вып. 1. – Ижевск, 2009. – С. 160–171.

153. Разинкина, Н.М. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоциональной субъективной оценки / Н.М. Разинкина. – М.: Наука, 1972. – 168 с.

154. Резник, Р.В., Сорокина, Т.А., Резник, И.В. A history of the English language / Р.В. Резник, Т.А. Сорокина, И.В. Резник. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 496 с.

155. Рейман, Е.А. Организующая роль глагола в предложениях художественных и научных текстов (на материале английского языка) /

Е.А. Рейман // Функциональный стиль научной прозы: проблемы лингвистики и методики преподавания. – М.: Наука, 1980. – С. 17–35.

156. Рогожникова, И.Н. Экологический дискурс: к проблеме определения лингвокультурологических параметров и типов текстов (на материале немецкого языка) / И.Н. Рогожникова // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. – С. 140–144.

157. Рождественский, Ю.В. Введение в общую филологию / Ю.В. Рождественский. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.

158. Ромашова, О.Г. О категории модальности / О.Г. Ромашова // Ученые записки гуманитарного факультета, Вып. 6. – Пермь: Пермский гос. тех. ун-т, 2003. – С. 55–61.

159. Селиверстова, О.Н. Контрастивная семантика: Опыт описания / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1990. – 150 с.

160. Селиверстова, О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

161. Серебренников, Б.А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания / Б.А. Серебренников // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – С. 7–52.

162. Слюсарева, Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1981. – 206 с.

163. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1959. – 440 с.

164. Смирницкий, А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков / А.И. Смирницкий. – М.: Высшая школа, 1975. – 380 с.

165. Солганик, Г.Я. Практическая стилистика русского языка: учебное пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / Г.Я. Солганик. – 2-е изд., стер. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 304 с.

166. Солганик, Г.Я., Дроняева, Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи. – 3-е изд., стер. / Г.Я. Солганик, Т.С. Дроняева. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 256 с.
167. Стеблин-Каменский, М.И. Спорное в языкознании / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 142 с.
168. Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семасиологию русского языка. – Калининград: КГУ, 1980 [Электронный ресурс] / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм. – Режим доступа: http://lamp.semiotics.ru/step_semas.htm
169. Стилистика и литературное редактирование (**Стилистика**) / под ред. проф. В.И. Максимова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2007. – 653 с.
170. Структурный синтаксис английского языка (**ССАЯ**) / под ред. проф. Л.Л. Иофик. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 176 с.
171. Судовцев, В.А. Научно-техническая информация и перевод. Пособие по английскому языку / В.А. Судовцев. – М.: Высшая школа, 1989. – 232 с.
172. Суник, О.П. Общая теория частей речи / О.П. Суник. – М., Л.: Наука, 1966. – 131 с.
173. Суперанская, А.В., Подольская, Н.В., Васильева, Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
174. Сусов, И.П. Введение в теоретическое языкознание [Электронный ресурс] / И.П. Сусов. – Режим доступа: http://homepages.tversu.ru/%7Eips/5_04.htm
175. Сусов, И.П. История языкознания: Учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. – [Электронный ресурс] / И.П. Сусов – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_Index.php
176. Сюткина, М.Ю. Межкатегориальные связи в грамматике экзистенциальных и посессивных конструкций (на материале английских и русских языков): дис. ... канд. филол. наук / М.Ю. Сюткина. – Ижевск, 2004. – 181 с.
177. Тараканов, И.В. Удмуртский язык: становление и развитие: Сб. статей / И.В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – 288 с.

178. Текстология английской научной речи (**Текстология**) / под ред. Глушко М.М., Карулина Ю.А. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 194 с.
179. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 564 с.
180. Теоретическая грамматика английского языка (**ТГАЯ**) / Отв.ред. В.В. Бурлакова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 253 с.
181. Теория и практика английской научной речи (**Теория**). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 240 с.
182. Терешина, Ю.В. Межкатегориальные связи каузативных конструкций: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Терешина. – Ижевск, 2008. – 219 с.
183. Трясунова, А.В. О функциональном использовании залоговых форм в научной речи (на материале английского языка) / А.В. Трясунова // Иностранный язык в сфере научного общения. Лингвометодические проблемы. – М.: Наука, 1986. – С. 158–170.
184. Узойкин, А.И. О стилистических особенностях абсолютной номинативной конструкции в современном английском языке / А.И. Узойкин // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Вып. 2. – Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 1975. – С. 127–139.
185. Ушаков, Г.А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков / Г.А. Ушаков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 144 с.
186. Федоровская, О.А. О жанровой классификации научно-технических документов и их лингвистических особенностях (на материале русского языка) / О.А. Федоровская // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – М.: Наука, 1989. – С. 37–48.
187. Федотов, А.Н. Проблема частей речи в когнитивном аспекте / А.Н. Федотов // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов 26-28 сентября 2006 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2006. – С. 323–325.
188. Филипс, Л., Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филипс, М.В. Йоргенсен. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.

189. Хорнби, А.С. Конструкции и обороты современного английского языка / А.С. Хорнби. – М.: Учпедгиз, 1960. – 335 с.
190. Храковский, В.С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) / В.С. Храковский // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – С. 22–42.
191. Храковский, В.С. Категория таксиса (общая характеристика) / В.С. Храковский. – ВЯ. – 2003. – № 2. – С. 32–54.
192. Цвиллинг, М.Я. Специфика общественно-научного текста (к вопросу о внутристилевой дифференциации языка науки) / М.Я. Цвиллинг // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – М.: Наука, 1989. – С. 27–36.
193. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. – С. 230–232.
194. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В.Е. Чернявская // Филологические науки, 2003. – № 3. – С. 68–76.
195. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное / В.Е. Чернявская. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.
196. Чулкова, В.С. Проблема интеграции научного текста / В.С. Чулкова // Функциональный стиль научной прозы: проблемы лингвистики и методики преподавания. – М.: Наука, 1980. – С. 36–50.
197. Шаламов, Ю.В. Очерки по типологии грамматических категорий имени существительного и глагола русского и английского языков / Ю.В. Шаламов. – Ижевск: Удмуртский госун-т, 1987. – 126 с.
198. Шаламов, Ю.В. Аналитические конструкции в системе английского глагола / Ю.В. Шаламов. – Ижевск: Изд-во удмуртского ун-та, 1994. – 75 с.
199. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. / А.А. Шахматов – Л.: Гос. Учебно-пед. Изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941. – 620 с.

200. Шахматов, А.А. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи) / А.А. Шахматов. – М.: Гос. Учебно-пед. Изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1952. – 271 с.
201. Шишкова, Л.В., Родзиевская, Я.К. Бытийные предложения немецкого языка в научно-технических текстах / Л.В. Шишкова, Я.К. Родзиевская // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – М.: Наука, 1989. – С. 139–146.
202. Шутов, А.Ф. Гипотаксис в удмуртском языке / А.Ф. Шутов. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский ун-т», 1999. – 101 с.
203. Штелинг, Д.А. Семантика грамматических противопоставлений в современном английском языке: автореф. ... канд. филол. наук / Д.А. Штелинг. – М., 1978. – 42 с.
204. Штелинг, Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. – М.: МГИМО ЧеРО, 1996. – 254 с.
205. Щетинин, Л.М. Синтаксические категории и их функции в речи / Л.М. Щетинин. – Р-на-Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1971. – 141 с.
206. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.
207. Ярцева, В.Н. К вопросу об историческом развитии неличных форм глагола в английском языке / В.Н. Ярцева // Труды инст-та язык-я. – Т. IX. – Вопросы германистики. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – С. 201-236.
208. Ярцева, В.Н. Историческая морфология английского языка / В.Н. Ярцева. – М., Л., 1960. – 195 с.
209. Ярцева, В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков / В.Н. Ярцева // Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). Тезисы докладов. – М., 1975. – С.3–5.
210. Ярцева, В.Н. Грамматические основы описания языков / В.Н. Ярцева // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – С. 64–104.

211. Aaronson, D., Ferns, S. A structure and Meaning Based Classification of Lexical Categories / D. Aaronson, S. Ferns // Discourse in reading and linguistics (Annals of the New York Academy of Sciences). – V. 433. – N.Y., 1984. – P. 21–57.
212. A New University English Grammar (NUEG) / под ред. А.В. Зеленщикова, Е.С. Петровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. дом «Академия», 2003. – 640 с.
213. Alexander, L.G. Longman English Grammar / L.G. Alexander. – London, New York: Longman, 1995. – 374 p.
214. Baugh, A. A history of the English language / A. Baugh. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts Inc., 1963. – 506 p.
215. Blokh, M. Y. A course in Theoretical English grammar / M. Y. Blokh. – М.: Высшая школа, 2000. – 381 p.
216. Bloomfield, L. Language / L. Bloomfield. – NY, Chicago, San Francisco, Toronto: Holt, Rinehart and Winston, 1961. – 564 p.
217. Bokuchava, N.M. English gerunds and participles in the intellectual discourse. The functional approach / N.M. Bokuchava. – М.: MaxPress, 2000. – 160 p.
218. Campbell, A. Old English Grammar / A. Campbell. – Oxford: The Clarendon Press, 1959. – 424 p.
219. Cassidy, R. The development of Modern English / R. Cassidy. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1954. – 470 p.
220. Close, R.A. A reference grammar for students of English / R.A. Close. – М.: Prosveshcheniye, 1979. – 352 p.
221. Comrie, B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology / B. Comrie. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 252 p.
222. Crystal, D. The Cambridge encyclopedia of language. Second edition / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 480 p.
223. Curme, George O. Parts of speech and accidence / George O. Curme. – Boston D.C.: Heath and company, 1935. – 370 p.

224. Dijk, T.A. van. The Study of Discourse / T.A. van Dijk // Dijk T.A. van. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol.1: Discourse as Structures and Process. – London: Thousand Oaks, New Delhi, 1997. – P. 1–34.

225. Erdmann, A. Essay on the history and modern use of the verbal forms in –ing in the English language: P.I. Old Anglo-Saxon period / A. Erdmann. – Stockholm: P.A.Nyman, 1871. – 44 p.

226. Fellbaum, Ch. English Verbs as a Semantic Net [Электронный ресурс] / Ch. Fellbaum. – Режим доступа: <http://ijl.oxfordjournals.org/cgi/reprint/3/4/278?maxtoshow=&HITS=10&hits=10&RESULTFORMAT=&searchid=1&FIRSTINDEX=0&minscore=5000&resourcetype=HWCIT>

227. Francis, W. The structure of American English / W. Francis // Readings in English structural and transformational grammar. Selected and edited by Tomasz P. Krzeszowski. – Lodz: Uniwersytet Lodzki, 1974. – P. 65–73.

228. Frederick, T. Wood An outline History of the English Language / T. Wood Frederick. – London: Macmillan and Co., Limited, 1941. – 316 p.

229. Fries, C. The structure of English / C. Fries // Borsnstein D. Readings in the theory of grammar (from the 17th to the 20th century) – Cambridge, Massachusetts: Winthrop Publishers. Inc., 1976 – P. 162–176.

230. Galperin, I.R. Stylistics / I.R. Galperin. – M.: Higher school publishing house, 1971. – 342 p.

231. Givon, T. Syntax: A functional typological introduction. – V. 1 / T. Givon. – Amsterdam, 1984. – 464 p.

232. Greenbaum, S. The Oxford English Grammar / S. Greenbaum. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 652 p.

233. House, H., Harman, S. Descriptive English grammar / H. House, S. Harman // Borsnstein D. Readings in the theory of grammar (from the 17th to the 20th century) – Cambridge, Massachusetts: Winthrop Publishers. Inc., 1976 – P. 52–54.

234. Jespersen, O. A modern English grammar on historical principles: P.II. Syntax. First volume / O. Jespersen. – Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1922. – 502 p.

235. Johanson, L. On the contribution of viewpoint markers to taxis / L. Johanson // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В.С. Храковского. – М.: Знак, 2004. – С. 191–200.
236. Juilland, A., Macris, Y. The English verb system / A. Juilland, Y. Macris. – The Hague: Mouton & Co, 'S-Gravenhage, 1962 – 81 p.
237. Korhonen, A., Briscoe, T. Extended Lexical-Semantic Classification of English Verbs. – University of Cambridge, Computer Laboratory [Электронный ресурс] / A. Korhonen, T. Briscoe. – Режим доступа: <http://www.cl.cam.ac.uk/~alk23/newclass.pdf>
238. Kruisinga, E. A Handbook of Present-day English: P.II. English Accidence and Syntax / E. Kruisinga. – Groningen: P. Noordhoff, 1931. – 479 p.
239. Krylova, I.P., Gordon, E.M. A Grammar of Present-Day English: Practical Course / I.P. Krylova, E.M. Gordon. – М.: Книжный дом «УН-Т», 2000. – 448 с.
240. Langacker, R.W. Concept, Image and Symbol: the cognitive basis of grammar / R.W. Langacker. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
241. Leech, G. An A-Z of English Grammar and Usage / G. Leech. – London: Nelson, 1991. – 575 p.
242. Lowth, R. A short introduction to English grammar / R. Lowth // Borsnstein D. Readings in the theory of grammar (from the 17th to the 20th century) – Cambridge, Massachusetts: Winthrop Publishers. Inc., 1976 – P. 41–43.
243. Lyons, J. Introduction to theoretical linguistics / J. Lyons // Readings in English structural and transformational grammar. Selected and edited by Tomasz P. Krzeszowski. – Lodz: Uniwersytet Lodzki, 1974. – P. 23–29.
244. Meshkova, Y. M. The pragmalinguistics of the English Gerund and Present Participle: The Analysis of the now-existing modeling materials / Y.M. Meshkova. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 124 с.
245. Mintchenkov, A.G. Verbals in Modern English / A.G. Mintchenkov. – Spb, 1998. – 112 p.
246. Muir, J. A modern approach to English Grammar. An introduction to Systemic Grammar / J. Muir. – London: B.T. Batsford Ltd., 1972. – 149 p.

247. Palmer, H. Grammar of spoken English / H. Palmer. – Cambridge: Cambridge University Press / London, N.Y., Melbourne, 1969. – 341 p.
248. Palmer, H., Blandford, F.G. A grammar of spoken English / H. Palmer, F.G. Blandford. – Cambridge, London, N.Y., Melbourne: Cambridge University Press, 1969. – 342 p.
249. Partizipien [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.languages.ru/prichde.htm>
250. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. A university grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – M.: Vyssaja skola, 1982. – 391 p.
251. Rastorguyeva, T.A. A history of English / T.A. Rastorguyeva. – M.: Высшая школа, 1983. – 347 с.
252. Shadrin, V.I. Students guide to theoretical English grammar / V.I. Shadrin. – St-Peterburg, 1997. – 108 p.
253. Stevick, Robert D. English and its history: The evolution of a language / Robert D. Stevick. – Boston: Allyn and Bacon, inc., 1968. – 340 p.
254. Swan, M. Practical English Usage / M. Swan. – M.: Vyssaja skola, 1984. – 552 p.
255. Valle, E. Discourse analyses and the translator / E. Valle // Discourse Analysis: Openings. (Reports from the Department of English University of Jyväskylä, 1987, № 9. – P. 77–94.
256. Weiner, E.S.C. The Oxford miniguide to English usage / E.S.C. Weiner. – M.: Высшая школа, 1987. – 287 с.
257. Winkler, E. Udmurt: Languages of the World/Materials 212 / E. Winkler. – Muenchen: LINCOM EUROPA, 2001. – 85 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Большой энциклопедический словарь (**БЭС**): Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Бол. Рос. Энциклопедия, 2000. – 688 с.
2. Лингвистический Энциклопедический словарь (**ЛЭС**). – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
3. Мир Словарей (**МС**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslovari.com/content_soc/ANALIZ-DISKURSA-DISKURS-ANALIZ-11402.html
4. Удмуртско-русский словарь (**УРС**). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. – 925 с.
5. Философский энциклопедический словарь (**ФЭС**). – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
6. Dictionary.com Online English dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.reference.com/>
7. Longman Dictionary of Contemporary English (**LD**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/>
8. MACMILLAN English Dictionary for advanced learners (**MD**). – London, 2006. – 1692 p.
9. Merriam-Webster online dictionary (**MWD**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>
10. Oxford Phrasebuilder Genie (**OPG**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://englishtips.org/index.php?newsid=1150798532>
11. Online Collins Dictionary (**CD**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.diclib.com/>
12. The Free Dictionary.com (**FD**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com/>
13. The New Lexicon Webster's Dictionary of the English language (**WD**). – N.Y.: Lexicon publications, Inc. – p. 1149.
14. Thesaurus (**T**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com/>

СПИСОК ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО МАТЕРИАЛА

1. Геофизики разработали новую модель дегазации мантии Земли (**Геофизики**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sci-lib.com/article282.html>
2. Кругосвет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/наука_i_tehnika/tehnologiya_i_promyshlennost/NEFT_I_GAZ.html
3. Нефтегазовая вертикаль (**НВ**). – 2007. – № 2.
4. Нефть и битумы (**НиБ, Т.5**): Межд. конф.: проблемы комплексного освоения трудноизвлекаемых запасов нефти и природных битумов (добыча и переработка). – Т.5. – Казань: Ин-т органической и физической химии им. А.Е. Арбузова; Казанский науч. центр Российской академии наук, 1994. – 354 с.
5. Нефть и битумы (**НиБ, Т.6**): Межд. конф.: проблемы комплексного освоения трудноизвлекаемых запасов нефти и природных битумов (добыча и переработка). – Т.6. – Казань: Ин-т органической и физической химии им. А.Е. Арбузова; Казанский науч. центр Российской академии наук, 1994. – 411 с.
6. Нефть и жизнь (**НиЖ**). – 2006. – №5
7. Нефть России (**НР**). – 2009. – № 2.
8. Новатор. – 2006. – Январь-февраль. – №8.
9. Твоя компания. – 2006. – № 09.
10. Engineering Data Book (**EDB**). – Tulsa, Oklahoma: Natural Gas Processors Suppliers Association, 1966. – 220 p.
11. JCPT. – 1998. – March. – v. 37. – № 3.
12. Maintaining Oil Production from Marginal Fields: A Review of the Department of Energy's Reservoir Class Program (**МОР**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nap.edu/catalog.php?record_id=10388
13. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 1998. – November, 30.
14. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – January, 27.
15. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – March, 20.
16. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – March, 31.
17. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – April, 7.

18. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – April, 14.
19. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – April, 21.
20. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – May, 5.
21. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – June, 2.
22. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – July, 7.
23. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – July, 21.
24. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2003. – October, 6.
25. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2004. – January, 12.
26. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2004. – February, 2.
27. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2004. – February, 9.
28. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2004. – February, 23.
29. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2004. – April, 5.
30. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2004. – April, 26.
31. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2004. – June, 19.
32. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2004. – June, 21.
33. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2005. – March, 20.
34. Oil and Gas Journal (**OGJ**). – 2006. – March, 20.
35. Oil in the Sea III: Inputs, Fates, and Effects: (**OiS**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nap.edu/catalog.php?record_id=10388
36. SHENKAI Россия (**Shenkai**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shenkai.ru/about.php>
37. Trends in Oil Supply and Demand, Potential for Peaking of Conventional Oil Production, and Possible Mitigation Options: A Summary Report of the Workshop: (**Trends**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nap.edu/catalog.php?record_id=10388
38. Undiscovered Oil and Gas Resources: An Evaluation of the Department of the Interior's 1989 Assessment Procedures (1991) (**UOGR**) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.nap.edu/nap-cgi/de.cgi?term=undiscovered+oil&x=0&y=0>